Я. СТЕФАНОВИЧЪ.

ДНЕВНИКЪ КАРІЙЦА.

ЦѢНА 75 коп.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„НОВЫЙ МІРЪ“.

Я. Стефановичъ.

Дневникъ Карійца.

Книгоиздательство
„Новый Міръ“.

1906 г.

Кара, августъ 1888 года.

„Гнусное издѣвательство надъ государственной преступницей, совершенное 11-го августа 1888 года въ „генеральской“ квартирѣ и на берегу Шилки, знаетъ вся Кара. Это издѣвательство тѣмъ болѣе омерзительно и возмутительно, что въ данномъ случаѣ не было никакой причины. Если бы Ковальской сказали, что пришли за нею, она и сама пошла бы. Но эта шайка вломилась въ тюрьму въ 5 часовъ утра и, не говоря ни слова, расправилась съ сонными женщинами: заперла всѣ камеры, а Ковальскую схватила раздѣтой и унесла. Это еще невидано ни въ одной тюрьмѣ. Мы, три оставшiяся въ этой тюрьмѣ женщины: Марiя Колюжная, Марiя Ковалевская и Надежда Смирницкая, не имѣемъ возможности отомстить инымъ путемъ за это нашествiе и за гнусное поруганiе надъ нашей товаркой. Единственное средство у насъ остается— отомстить своей смертью. Мы рѣшили заморить себя голодомъ.

„Пусть начальство знаетъ, что подобные его поступки не оканчиваются только его неистовствомъ, а ведутъ за собой смерть нашу. Пусть эти люди знаютъ, что заклеймили себя не только безстыжими наглецами, но и именемъ убiйцъ. Мы увѣрены, что рѣдкiй каторжникъ позволилъ бы себѣ подобную гнусность. А это люди съ образованiемъ: Мосюковъ, бывшiй предводитель дворянства, позволилъ и самъ участвовалъ въ гнусныхъ издѣвательствахъ ничтожныхъ: сотеннаго Архипова и смотрителя Бобровскаго. Пусть же наша смертъ ляжетъ вѣчнымъ проклятiемъ надъ этими лицами. Пусть всякiй человѣкъ, у котораго есть стыдъ и совѣсть въ сердцѣ, броситъ

свое презрѣніе этимъ лицамъ. До послѣдняго вздоха мы будемъ слать проклятія всѣмъ, кто участвовалъ въ этомъ злодѣяніи, и наше проклятіе будетъ преслѣдовать ихъ всюду. Если эти лица были орудіемъ въ рукахъ высшаго начальства, то пусть не надѣются, что они спасутся отъ мести и получатъ только награды и повышенія. За насъ отомстятъ рано или поздно какъ великимъ, такъ и малымъ. Пусть вспомнятъ губернатора Читы Ильяшевича *) и иркутскаго (?) Соловьева **). Поруганіе надъ Ковальской не простится никому. Пусть теперь и надъ нами тремя начальство совершаетъ свои жестокости, мы ожидаемъ этого, но насъ ничто не страшитъ: кто идетъ на смерть, надъ тѣмъ безсильны людскія пытки. Мы отвѣтимъ молчаливымъ презрѣніемъ на все, что бы начальство ни предприняло съ нами, а своей смертью наложимъ печать проклятія и клеймо позора на мѣдныхъ лбахъ этой шайки. Проклятіе же вамъ, три изверга: Мосюковъ, Архиповъ и Бобровскій, позорящіе собою имя человѣка!"

По высотѣ тона этой прокламаціи, написанной Колюжной,—можно думать, что случилось нѣчто ужасное; на самомъ же дѣлѣ обстоятельства, ее вызвавшія, вовсе не представляютъ чего-то „невиданнаго въ другихъ тюрьмахъ". Достаточно вспомнить исторію съ Боголюбовымъ, не говоря уже объ исторіяхъ въ Петропавловкѣ, въ Харьковской Централкѣ, при этапныхъ шествіяхъ въ Сибирь, исторіяхъ—имъ же нѣсть числа.

Обстоятельство, заставившее Колюжную, Ковалевскую и Смирницкую обречь себя на смерть, извѣстно у насъ въ такомъ видѣ: 1-го августа пріѣзжалъ къ намъ Корфъ ***) въ сопровожденіи двухъ генераловъ: Хорошихина ****) и Александрова *****).

*) Его ранила покушавшаяся на его жизнь Кутитонская.

**) Не губернаторъ, а чиновникъ особыхъ порученій при ген.-губернаторѣ, какъ говорятъ, кастрированный за жестокость арестантами на Сахалинѣ.

***) Пріамурскій генералъ-губернаторъ.

****) Забайкальскій губернаторъ.

*****) Жандармскій генералъ изъ Омска.

При посѣщеніи большой женской тюрьмы онъ держалъ себя довольно прилично. Послѣ обычнаго вопроса „не имѣете ли чего заявить", оставшагося безъ отвѣта, онъ направился къ выходу и, проходя по коридору, увидѣлъ Ковальскую, сидѣвшую за книгой и какъ бы демонстративно игнорирующую присутствіе трехъ генераловъ.—„Прошу васъ встать", обращается къ ней Корфъ. Та молчитъ, продолжая смотрѣть въ книгу.—„Встаньте!" повторяетъ онъ, повысивъ голосъ. Ковальская заявляетъ, что не намѣрена вставать и проситъ оставить ее въ покоѣ. Корфъ и его свита стремительно удаляются. Вѣроятно этотъ инцидентъ привелъ его въ дурное расположеніе духа: у насъ въ тюрьмѣ онъ былъ золъ и произвелъ совсѣмъ не то впечатлѣніе, какое оставилъ при первомъ своемъ посѣщеніи (1885 г.). Комендантъ намекнулъ, что въ большой женской тюрьмѣ была „неловкость". Но въ чемъ было дѣло, не объяснилъ. Зато, по его словамъ, въ малой женской тюрьмѣ Корфъ былъ даже любезенъ: благодарилъ за „хорошее поведеніе" и предложилъ сдѣлать для нихъ все возможное въ предѣлахъ ихъ положенія. Никто, однако, никакихъ просьбъ ему не заявлялъ.

На второй или третій день послѣ отъѣзда генераловъ узнаемъ отъ солдатика, что рано утромъ Ковальскую увезли на лодкѣ въ Срѣтенскъ. Зная настроеніе этой женской группы, всѣ мы были увѣрены, что увозъ этотъ не обошелся мирно. Уже по смущенной физіономіи Голубцова ясно было, что что-то произошло. Наконецъ дня черезъ два получается письмо Ковалевской, подробно разъясняющее, какъ произошла эта исторія.

Утромъ, когда еще всѣ спали, въ тюрьму вошелъ смотритель Бобровскій съ двумя уголовными арестантами. Они бросились къ камерѣ Ковальской, которая лежала въ постели; не успѣла она проснуться, какъ ее схватили, завернули въ одѣяло и вынесли на рукахъ во дворъ. Между тѣмъ жандармы успѣли запереть камеры другихъ, остававшіяся обыкновенно безъ запора. Ковальскую принесли къ берегу Шилки и здѣсь въ избушкѣ надзирательница Кравченко, при помощи двухъ аре

стантовъ, переодѣла ее въ казенное бѣлье. Переодѣваніе производилось въ присутствіи сотника Архипова и Бобровскаго *). Ковальская впала при этомъ въ обморокъ, и когда Кравченко хотѣла вспрыснуть ее водою, Бобровскій не позволилъ ей сдѣлать это. Процедура облаченія въ арестантское бѣлье сопровождалась со стороны этихъ господъ разными сальными замѣчаніями, въ чемъ принималъ участіе и Мосюковъ, стоявшій на крыльцѣ избушки.

Письмо Ковалевской взбудоражило всю тюрьму. Хотя многіе склонны были думать, что разсказъ ея не безъ прикрасъ, однако самъ фактъ внезапнаго захвата Ковальской и насильное переодѣваніе ея арестантами-мужчинами возмутилъ всѣхъ. Посыпались предложенія, что предпринять. Большинство обнаружило благоразумную сдержанность: оно не рѣшилось положиться на вѣрность полученныхъ Ковалевской свѣдѣній и постановило поручить вольно-командцамъ Лозянову и Ос—скому произвести разслѣдованіе всей этой исторіи. Подробности Ковалевская узнала отъ На—ва. Это весьма порядочный жандармъ, тѣмъ не менѣе публика не могла не сомнѣваться въ достовѣрности этого источника: всѣ жандармы давно подкапываются подъ Мосюкова, умышленно настраиваютъ противъ него заключенныхъ, въ разсчетѣ сдѣлать его положеніе настолько затруднительнымъ, чтобы онъ вынужденъ былъ покинуть наконецъ Кару. Въ виду этого большинство считало необходимымъ подвергнуть полученныя свѣдѣнія возможно тщательной провѣркѣ.

Ос—скій могъ отправиться на Усть-Кару только на третій день, а публика между тѣмъ продолжала волноваться, строя различныя предположенія насчетъ степени виновности Мосюкова въ этомъ дѣлѣ. Раздавались даже голоса, одобрявшіе внезапный, безъ предупрежденія, увозъ Ковальской. Женщины, говорили они, все время его комендантства вели себя такимъ образомъ, что всякій на его мѣстѣ естественно дол-

*) Помощникъ завѣдующаго каторжными уголовными тюрьмами.

женъ былъ ждать коллективнаго сопротивленія съ ихъ стороны. Не исполнить распоряженія Корфа о немедленномъ переводѣ Ковальской куда-то въ другое мѣсто онъ, конечно, не могъ. Разсчетъ избѣжать общаго сопротивленія, устроивъ это дѣло неожиданно, имѣлъ за собой много основаній. При страшной развинченности этихъ четырехъ женщинъ, хватавшихся за всякій поводъ, чтобы создать изъ него casus belli, такая тактика представлялась наиболѣе благоразумной въ положеніи Мосюкова. Въ его издѣвательства и оскорбительныя остроты по адресу Ковальской мало кто вѣрилъ, привлеченіе же къ дѣлу такихъ негодяевъ, какъ Бобровскій и Архиповъ, объясняется его трусостью, глупостью и растерянностью. Бить его въ морду, какъ требуетъ Санковскій и еще кое-кто, рѣшительно не стоитъ. Отъ него можно только потребовать, чтобы онъ убрался отсюда, потому что, не смотря на свое мягкосердечіе, онъ своей тряпичностью и безтолковостью легко можетъ поставить насъ въ самое отчаянное положеніе. Правда, при всѣхъ этихъ качествахъ для мужской тюрьмы онъ одинъ изъ самыхъ удобныхъ комендантовъ; но надо считаться съ болѣзненнымъ настроеніемъ несчастныхъ женщинъ. Въ случаѣ подтвержденія сообщеній Ковалевской большинство склонялось къ тому, чтобы направить протестъ противъ Корфа. Но въ какой формѣ? З—вичъ предлагалъ послать Толстому *) заявленіе, въ которомъ была бы изображена безтактность поведенія Корфа, раздражающая заключенныхъ. Онъ настаивалъ на проведеніи той мысли, что мы хотимъ спокойствія и желаемъ только одного—чтобы начальство не вызывало насъ на нежелательныя для насъ самихъ исторіи.

Заявленіе это предлагалось послать Толстому нелегальнымъ путемъ, такъ какъ иначе едва ли окажется возможнымъ; другой же экземпляръ отправить за границу для опубликованія въ иностранныхъ газетахъ. М—новскій проектировалъ обратиться черезъ коменданта прямо къ Корфу, заявивъ ему пись-

*) Министру внутрен. дѣлъ.

менно, что, послѣ его гнуснаго поступка съ Ковальской, мы отнынѣ ни предъ нимъ, ни предъ какимъ бы то ни было начальствомъ вставать не будемъ. Наконецъ, предлагалось отказаться бриться, заявить коменданту, чтобы онъ не смѣлъ показываться въ тюрьму. Всѣ эти проекты громко обсуждались повсюду: въ камерахъ, на кухнѣ, на дворѣ, въ паркѣ („у Затыкевича" *).

Жандармы, разумѣется, не могли не замѣтить всеобщаго возбужденія. Голубцовъ напрасно убѣждалъ Мосюкова явиться въ тюрьму и объясниться съ публикой,—тотъ трусилъ и хотя соглашался, что объясниться необходимо, но никакъ не могъ набраться рѣшимости. Наконецъ, 20-го августа приходятъ за Иваномъ Колюжнымъ ѣхать на Усть-Кару на свиданіе съ сестрой. Этихъ свиданій давно не было. Сестра отказалась видѣться съ братомъ, чтобы избѣжать необходимости обращаться къ начальству. Очевидно, произошло нѣчто необычайное.

Публика съ нетерпѣніемъ ждала возвращенія Колюжнаго. Онъ вернулся поздно вечеромъ. Всѣ гурьбой нахлынули въ „Якутку" **) узнать, что случилось. Оказалось, что Смирницкая, Колюжная и Ковалевская уже седьмой день какъ голодаютъ. Мосюковъ, самъ сопровождавшій Колюжнаго на Усть-Кару, совершенно растерянъ и не знаетъ, что ему дѣлать. Онъ разсказалъ, что получилъ отъ Хорошихина предписаніе—утромъ на разсвѣтѣ взять Ковальскую „безъ скандала", переодѣть въ казенное платье и доставить въ Срѣтенскъ на распоряженіе воинскаго начальника, при чемъ въ пути именовать ее не собственной фамиліей, а № 3-й. Онъ клянется всѣми святыми, что никакихъ издѣвательствъ при этомъ не совершалъ и никакихъ оскорбительныхъ словъ не произносилъ; онъ отдаетъ себя на судъ мужской тюрьмы, предлагая произвести разслѣдованіе о его поведеніи, при чемъ сдѣлаетъ все для облегченія хода слѣдствія. Все это, переданное Колюжнымъ сестрѣ и

*) Садикъ, насажденный нами во дворѣ тюрьмы.

**) Названіе одной изъ камеръ.

Смирницкой, также присутствовавшей на свиданіи, нисколько ихъ не успокоило. Обѣ онѣ упорно стояли на томъ, что Мосюковъ вретъ, что все происходило именно такъ, какъ передавалъ имъ жандармъ, а потому, если Мосюковъ, Бобровскій и Архиповъ немедленно же не будутъ удалены, онѣ твердо рѣшили уморить себя голодомъ. Колюжный, хотя и считалъ обвиненія коменданта преувеличенными, не рѣшился настойчиво разубѣждать ихъ, онъ видѣлъ, что это ни къ чему не поведетъ, а только раздражаетъ ихъ. Мосюковъ, сильно надѣявшійся на успокоительное дѣйствіе этого свиданія, страшно огорченъ неудачей. Онъ просилъ Колюжнаго по крайней мѣрѣ передать все, что онъ отъ него слышалъ, мужской тюрьмѣ и другой группѣ женщинъ. Послѣднія, замѣтивъ, что въ большой тюрьмѣ творится что-то неладное, обратились письменно къ Мосюкову съ требованіемъ сообщить имъ, что такое тамъ происходитъ. Не рѣшаясь явиться къ нимъ и ссылаясь на то, что его объясненіямъ не повѣрятъ, Мосюковъ поручилъ Колюжному написать имъ все, что ему извѣстно. Колюжный въ короткой запискѣ сообщилъ о голодовкѣ въ малой тюрьмѣ и о причинѣ, ее вызвавшей, но прибавилъ, что не вѣритъ въ виновность Мосюкова, какъ тотъ просилъ его, отказался. Вотъ что передалъ Колюжный въ глубокомъ молчаніи слушавшей его публикѣ.

Рѣшено было не расходиться, пока не выяснимъ, что предпринять. Вопросъ о безобразіяхъ при увозѣ Ковальской отошелъ на второй планъ. Прежде всего надо прекратить голодовку женщинъ. Не было ни громкихъ рѣчей, ни дебатовъ. Въ темномъ коридорѣ мрачно шагали нѣсколько личностей, поглощенныя собственной тревогой. Невольно зарождалась мысль: не рѣшаютъ ли они вопроса о радикальномъ для себя выходѣ изъ предстоящихъ испытаній посредствомъ эмиграцій (Хр—въ, П. Б.)? Жандармы перешептывались, скучившись у своего столика, не рѣшаясь разговаривать громко.

На сходкѣ постановили потребовать вновь свиданія съ голодающими и предложить имъ прекратить голодовку съ

тѣмъ, что все дѣло мы беремъ на себя. Мы приведемъ въ извѣстность всѣ обстоятельства, сопровождавшія увозъ Ковальской и затѣмъ, смотря по результатамъ слѣдствія, приступимъ къ протесту въ той или другой формѣ. На свиданіе долженъ былъ отправиться тотъ же Колюжный, какъ мужъ одной голодающей и братъ другой и еще кто-нибудь изъ людей, болѣе или менѣе близкихъ къ Ковалевской. Затѣмъ потребовать также свиданья съ Лозяновымъ и Ос—скимъ, чтобы поручить имъ веденіе „явнаго" слѣдствія, на каковое комендантъ выразилъ свое согласіе. Послали жандарма къ коменданту съ заявленіемъ немедленно вызвать къ себѣ для переговоровъ трехъ выборныхъ отъ тюрьмы. Комендантъ побоялся принять трехъ человѣкъ и просилъ прислать одного. Пошелъ Я—чъ. Многіе, соглашаясь съ принятыми рѣшеніями, видѣли однако единственное вѣрное средство, по крайней мѣрѣ, для временнаго успокоенія женщинъ въ подачѣ Мосюковымъ просьбы объ отставкѣ. Я — чу поручили заявить, что онъ, комендантъ, лучше всего сдѣлаетъ, если поступитъ такимъ образомъ. Не могло быть сомнѣнія, что комендантъ удовлетворитъ всѣ наши требованія, но многихъ сильно озабочивало весьма вѣроятное предположеніе, что женщины не захотятъ отступить отъ разъ принятаго рѣшенія и откажутся передать дѣло въ наши руки. М—ій предлагалъ заявить имъ въ такомъ случаѣ, что, если онѣ не перестанутъ голодать, мужская тюрьма также приступитъ къ голодовкѣ не столько изъ сочувствія къ дѣлу, сущность котораго нами не выяснена, а просто потому, что не можетъ не голодать, разъ онѣ голодаютъ. На чье-то замѣчаніе, что насчетъ голодовки у насъ едва ли состоится общее соглашеніе, онъ пояснилъ, что собственно голодать нѣтъ надобности, достаточно одного заявленія, и женщинамъ будетъ этимъ открыта возможность почетнаго отступленія. Онѣ, конечно, повѣрятъ въ серьезность нашей угрозы и, не желая, чтобы изъ-за нихъ умирали другіе, откажутся отъ своей формы протеста. З—вичъ возразилъ, что надувательство здѣсь неумѣстно, по его мнѣнію, намъ слѣдуетъ начать голо-

дать на самомъ дѣлѣ, если женщины не пожелаютъ прекратить. Мало того, мы должны заявить имъ, что начнемъ ѣсть только черезъ недѣлю послѣ того, какъ они примутъ пищу. Но и это предложеніе, кромѣ К—а, Р—скаго, Козырева и М—вскаго, не встрѣтило поддержки въ публикѣ. Помимо невозможности собрать значительное большинство, готовое выдержать продолжительную голодовку, мало вѣрили, на основаніи бывшихъ опытовъ, въ цѣлесообразность этой мѣры.

Въ 11 часовъ вернулся Я—чъ. Комендантъ тотчасъ же предоставилъ ему свиданіе съ Лозяновымъ и съ Ос—скимъ и обѣщалъ приказать всѣмъ своимъ подчиненнымъ давать показанія на вопросы нашихъ слѣдователей. Онъ согласился также на передачу въ тюрьму результатовъ слѣдствія въ запечатанномъ конвертѣ или же непосредственно Я—чу безъ предварительнаго просмотра. Дѣло шло, такъ сказать, о гласномъ слѣдствіи, а негласное было уже начато Ос—скимъ и на свиданіи съ Я—чемъ онъ успѣлъ сообщить, что собранныя имъ свѣдѣнія пока не подтверждаютъ участія коменданта въ пошлыхъ шуткахъ и замѣчаніяхъ Бобровскаго и Архипова насчетъ Ковальской.

Къ сожалѣнію, нашъ уполномоченный не выполнилъ въ точности всѣхъ возложенныхъ на него порученій. Онъ не представилъ коменданту прямо и ясно необходимости его удаленія, какъ наилучшаго выхода изъ существующаго положенія. По его словамъ, онъ только наводилъ Мосюкова на этотъ исходъ, но тотъ или не понималъ его или уклонялся отъ отвѣта. Весьма вѣроятно, что Я—чъ просто не былъ понятъ, благодаря своей способности выражать часто самыя элементарныя мысли черезчуръ книжно, а тѣмъ болѣе, когда требуется высказать что-нибудь для слушателя не особенно пріятное. Присущая ему въ высокой степени деликатность дѣлала его не совсѣмъ подходящимъ въ данномъ случаѣ делегатомъ. Будь на его мѣстѣ, напримѣръ, Лозяновъ или хотя бы даже Зундъ, ходъ событій, весьма возможно, принялъ бы другой оборотъ.

Пока Я—чъ отсутствовалъ, частные разговоры, бесѣды

группами еще болѣе утвердили публику въ убѣжденіи, что отставка коменданта сразу бы умиротворила женщинъ; а Бобровскаго и Архипова ихъ не трудно было бы убѣдить игнорировать, какъ слишкомъ мелкихъ сошекъ, къ тому же не состоящихъ въ вѣдомствѣ государ. тюрьмы. Тѣмъ болѣе публика осталась недовольна неумѣстной деликатностью своего делегата. Никто, однако же, не выразилъ ему неодобренія: Я—чъ слишкомъ любимый человѣкъ среди насъ, чтобы кто-нибудь захотѣлъ огорчить его репримандомъ.

Итакъ, рѣшили ожидать болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній отъ О—скаго и Лозянова, а завтра утромъ отправить Колюжнаго и Р—скаго для переговоровъ съ голодающими. Большое значеніе придавалось второму лицу, предназначавшемуся главнымъ образомъ для воздѣйствія на Ковалевскую. Она именно, какъ думали многіе — и совершенно справедливо—являлась инціаторшей всей исторіи, другія двѣ находились подъ ея вліяніемъ. В—ко отказался, П—нъ—тоже. Пришлось остановиться, съ большой, впрочемъ, для многихъ неохотой, на Р—скомъ. Онъ почему-то напустилъ на себя совершенно не подобающій своей обычной манерѣ тонъ и предлагалъ самыя крайнія мѣры. Выборъ (par acclamation) очень польстилъ ему, но, замѣтивъ, что значительная часть выкрикиваетъ его нерѣшительно, онъ торжественно обѣщалъ стушеваться, какъ Р—скій, и добросовѣстно защищать точку зрѣнія большинства.

Въ 12-мъ часу ночи публика разошлась по камерамъ. Никому не было охоты раздувать эту исторію, не исключая и сторонниковъ крайнихъ мѣропріятій. Кромѣ Санковскаго, легко воспламеняющагося негодованіемъ, никто не чувствовалъ себя настолько возмущеннымъ, чтобы открывать войну à outrance. Мысль, что, быть можетъ, всетаки придется стать въ такое положеніе помимо своей воли, въ разрѣзъ съ собственнымъ далеко не воинственнымъ настроеніемъ, вопреки убѣжденію въ сравнительной ничтожности причины, — эта мысль тяготила и раздражала многихъ. Сознаніе зависимости своего поведенія, а, можетъ быть, даже и своей участи, отъ того или иного

поступка трехъ нервно разстроенныхъ женщинъ, вызывало досаду, которую иные (Хр—овъ, М—скій) не стѣснялись высказывать въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ. Понятно послѣ этого, съ какой напряженной тревогой ожидалось возвращеніе Колюжнаго и Р—скаго съ Усть-Кары. Наиболѣе нетерпѣливые, по цѣлымъ часамъ глядѣвшіе въ щели между палями, не разъ подымали ложную тревогу, принимая грохотавшую въ дали телѣгу за возвращавшихся делегатовъ. Они пріѣхали подъ вечеръ и, прежде чѣмъ ихъ ввели въ тюрьму, публика уже собралась въ больничной камерѣ, для немедленнаго выслушанія отъ нихъ отчета.

Мы узнали слѣдующее. Рѣшивъ заморить себя на смерть, женщины начали голодать, не предъявивъ начальству никакихъ требованій. Послѣднее узнало объ ихъ голодовкѣ только черезъ три дня изъ разбросанныхъ (вѣроятно тѣмъ же Н—мъ) по Карѣ прокламацій. Въ этихъ прокламаціяхъ голодающія объясняли принятое ими рѣшеніе издѣвательствомъ надъ Ковальской, выразившимся въ переодѣваніи ее въ обморочномъ состояніи мужчинами-арестантами и въ непристойныхъ замѣчаніяхъ и зубоскальствѣ присутствовавшихъ при этомъ Бобровскаго, Архипова и Мосюкова. Свѣдѣнія, сообщенныя намъ въ письмѣ Ковалевской, онѣ считаютъ безусловно вѣрными. Но онѣ готовы на нѣкоторый компромиссъ, разъ мужская тюрьма также не желаетъ оставаться безучастной къ этому дѣлу: голодовка будетъ пріостановлена до тѣхъ поръ, пока О—скій и Лозяновъ не провѣрятъ первоначальныхъ свѣдѣній. Что слѣдствіе подтвердитъ ихъ справедливость, для нихъ, женщинъ, не подлежитъ сомнѣнію, но даже если и не подтвердитъ,—онѣ остаются при своемъ мнѣніи, и дальнѣйшій образъ дѣйствія ихъ будетъ таковъ: онѣ отправляютъ телеграмму Корфу черезъ Мосюкова съ требованіемъ удаленія послѣдняго и двухъ его сообщниковъ. Если черезъ десять дней не послѣдуетъ никакого отвѣта или же придетъ отказъ, онѣ снова приступаютъ къ голодовкѣ, независимо отъ того или иного поведенія нашей тюрьмы. Разъ мы найдемъ необходимымъ дѣйствовать, то, по

ихъ мнѣнію, намъ слѣдовало бы избрать другой путь, такъ какъ голодовка при разномысліи и многолюдствѣ мужской тюрьмы не выполнима. Во всякомъ случаѣ, будетъ ли что-нибудь нами предпринято или нѣтъ,—ихъ рѣшеніе безповоротно: голодать до послѣдняго издыханія.

Въ настоящую свою поѣздку Колюжный вынесъ увѣренность въ справедливости обвиненій Мосюкова. То же самое заявилъ и Р—скій. Это убѣжденіе авансомъ явилось, несомнѣнно, результатомъ свиданія съ Ковалевской. Большинству пришлось пожалѣть въ неудачномъ выборѣ выразителя и отстаивателя господствующаго въ тюрьмѣ взгляда. Передача его бесѣды съ Ковалевской отличалась крайней сбивчивостью и невразумительностью; съ такимъ діалектическимъ искусствомъ мудрено разубѣдить въ чемъ-нибудь кого бы то ни было, а тѣмъ болѣе Ковалевскую. Р—скій по уму одинъ изъ выдающихся людей въ тюрьмѣ, но умъ покидаетъ его, лишь только ему вздумается фигурировать въ неестественной для него роли сторонника рѣшительныхъ и крайнихъ положеній.

Публика ожидала худшаго, а потому удовлетворилась, хотя и временнымъ, прекращеніемъ голодовки, въ надеждѣ какъ-нибудь предотвратить ея возобновленіе. Комендантъ, не менѣе насъ горѣвшій нетерпѣніемъ узнать, чѣмъ кончилось свиданіе, вызвалъ къ себѣ Р—скаго, какъ только тотъ окончилъ свои объясненія съ публикой. Его очень огорчило согласіе женщинъ лишь на краткое перемиріе до окончанія слѣдствія. Онъ умолялъ скорѣе разъяснить дѣло, продолжалъ клясться въ своей невинности и опять подтвердилъ свою готовность предоставить себя на судъ нашей тюрьмы.

На Карѣ въ это время работалъ фотографъ, нечаевецъ Кузнецовъ. Начальство поручило ему снять нѣкоторыхъ изъ насъ для приложенія, взамѣнъ утерянныхъ или устарѣлыхъ карточекъ, къ статейнымъ спискамъ. Онъ предложилъ намъ всѣмъ сняться для альбома государственныхъ преступниковъ, который онъ составляетъ для нерчинскаго музея. При этомъ онъ обѣщалъ желающимъ разослать ихъ карточки роднымъ и

знакомымъ, кто куда укажетъ, и доставить въ тюрьму желаемое количество экземпляровъ, а также снимки нашей и женской тюрьмы. Всѣ выразили готовность сняться, и Мосюковъ ничего противъ этого не имѣлъ. Теперь, когда узнали о голоданіи женщинъ, нѣкоторые изъ числа долженствовавшихъ сниматься по списку коменданта, вспомнили, что Кузнецовъ взялся за это дѣло по требованію начальства, не испросивши нашего согласія. Они написали ему письмо съ упреками по этому поводу. Письмо было пущено по камерамъ для подписей, но таковыхъ набралось всего 6—7, вслѣдствіе чего оно и не было отправлено по назначенію. Иниціаторы этого посланія заявили, что сниматься, по требованію Мосюкова, не пойдутъ; но никакихъ требованій и даже просто напоминаній со стороны жандармовъ предъявлено не было, такъ что протесту этому суждено было остаться безъ внѣшняго проявленія. Не пошло человѣкъ 15 изъ необязательныхъ, т. е. намѣревавшихся прежде сниматься по собственной охотѣ, кто—ссылаясь на неподходящее настроеніе, кто—на нежеланіе пользоваться одолженіемъ Мосюкова, но создавать изъ этого „дешевую", какъ они выражались, демонстрацію не захотѣли. 22-го августа какъ-то вышло такъ, что всѣ „обязательные" въ концѣ концовъ пошли сниматься. Каждую группу встрѣчали вольно-командцы, входили въ цѣпь солдатъ и провожали до мастерской К—ва; затѣмъ возвращались, чтобы встрѣтить другихъ.

Тутъ-то О—скій передалъ письменное изложеніе произведеннаго имъ совмѣстно съ Лозяновымъ слѣдствія. Вотъ оно: „Прежде чѣмъ начать изложеніе данныхъ, добытыхъ нами, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ условіяхъ, въ которыхъ мы находились, исполняя порученіе тюрьмы. До полученія свѣдѣнія о томъ, какія свѣдѣнія имѣются въ женской тюрьмѣ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ увозъ Ковальской, мы знали только о фактѣ насильственнаго ея увоза и отчасти о причинахъ его. Затѣмъ нами были получены извѣстія съ полнымъ изложеніемъ обстановки увоза (отъ Ковалевской) и, когда мы узнали о желаніи тюрьмы провѣрить

и по возможности дополнить сообщенные факты, мы старались произвести эту провѣрку негласнымъ путемъ, что и было сдѣлано, насколько, разумѣется, позволяли условія нашей жизни. Наконецъ, по полученіи отъ Я—ча оффиціальнаго порученія провѣрить, съ согласія коменданта, все происходившее, мы вторично приступили къ разслѣдованію. Условія послѣдняго гласнаго разслѣдованія были значительно хуже перваго. Всѣмъ уже было извѣстно о томъ возбужденіи, какое было вызвано полученіемъ въ мужской и женской тюрьмѣ извѣстій объ этихъ фактахъ, и ходили слухи, что, въ промежуткахъ между нашими разслѣдованіями, какое-то оффиціальное лицо производило съ какой-то цѣлью свое разслѣдованіе, при чемъ призывало всѣхъ участниковъ увоза Ковальской. Явившись для гласнаго разслѣдованія, мы застали всѣхъ, болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ дѣлу, ожидавшими насъ съ совершенно опредѣленнымъ намѣреніемъ тѣмъ или инымъ способомъ отклониться отъ разъясненій. Лица, состоящія на службѣ, прямо заявляли, что, не имѣя приказанія начальника, они не считаютъ себя въ правѣ входить въ какія-либо объясненія по поводу исполненія ими своихъ служебныхъ обязанностей.

„Остальные же присутствовавшіе при увозѣ находятся вполнѣ во власти лицъ, на которыхъ падаютъ главныя обвиненія. Въ результатѣ всѣхъ изслѣдованій дѣло намъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. 11-го августа комендантъ, Голубцовъ, эсаулъ Архиповъ, смотритель усть-карійской тюрьмы Бобровскій, сельскій староста Киргизовъ и два ночныхъ обходныхъ арестанта явились около половины пятаго утра къ женской тюрьмѣ. Дежурные жандармы были посланы, чтобы запереть всѣхъ по камерамъ. Это имъ не удалось сдѣлать, такъ какъ женщины оказались уже не спавшими. Жандармы вернулись обратно. Спустя нѣсколько минутъ Бобровскій, староста и обходные быстро вошли въ коридоръ, втолкнули въ камеру и заперли Смирницкую и Колюжную. Заперли также Ковалевскую, находившуюся въ то время въ камерѣ. Схватили на руки и унесли за ворота Ковальскую, выскочившую изъ своей

камеры въ бѣльѣ, съ повязанной бѣлымъ платкомъ головой и въ одѣялѣ. За воротами ее положили на телѣгу, при чемъ одинъ изъ обходныхъ сталъ держать ее за руку. Въ телѣгѣ лежало сѣно и подушка Ковальской, захваченная изъ тюрьмы. Здѣсь Ковальская обратилась къ коменданту, назвала его палачемъ, на что комендантъ ничего не отвѣтилъ. Затѣмъ она начала ругать Бобровскаго, называя его молокососомъ, мальчишкой и дуракомъ. Бобровскій отвѣчалъ, говоря: „сама-то не умнѣе. Посмотримъ еще, кто умнѣе“. Эта перебранка происходила въ началѣ дороги отъ тюрьмы, пока Бобровскій съ остальнымъ начальствомъ не отсталъ отъ телѣги. На берегу стояла готовая уже лодка у дома, въ которомъ обыкновенно останавливается пріѣзжающее начальство и въ который внесли Ковальскую, чтобы переодѣть ее во все казенное. Переодѣвали ее въ кабинетѣ, очень маленькой комнаткѣ около четырехъ шаговъ въ длину и двухъ въ ширину. Тутъ съ Ковальской сдѣлалось дурно и призванная для переодѣванія надзирательница Кравченко обратилась къ коменданту за позволеніемъ дать воды, на что комендантъ согласился, но Бобровскій не позволилъ, и вода не была дана. Во время переодѣванія въ кабинетѣ находились Кравченко и обходные, которые помогали держать Ковальскую за руки. Комендантъ все время стоялъ на крыльцѣ. Бобровскій и Архиповъ были въ смежной комнатѣ и выходили на крыльцо. Голубцовъ былъ занятъ сдачей казенныхъ вещей и бумагъ конвойному унтеръ-офицеру. Староста былъ на улицѣ. Входили ли Бобровскій и Архиповъ въ кабинетъ, осталось не выясненнымъ. Извѣстно только, что когда одно постороннее лицо хотѣло проникнуть въ коридоръ, то стоявшій въ дверяхъ между заломъ и коридоромъ солдатъ не пропустилъ, и въ то время въ кабинетѣ были только Ковальская и Кравченко, а въ коридорѣ—солдаты. Извѣстно также, что во время переодѣванія, Бобровскій, услыхавъ о затрудненіяхъ Кравченко, посовѣтовалъ изъ другой комнаты разорвать рубаху. Кромѣ казенныхъ вещей, комендантъ разрѣшилъ надѣть на нее собственный платокъ. Затѣмъ, Коваль-

скую понесли въ лодку и посадили на скамейку. Въ такомъ положеніи она и осталась. Въ безчувственномъ состояніи она при этомъ не была и изъ лодки крикнула коменданту: „Помни, палачъ, тебѣ отомстятъ за меня!“ Кромѣ изложеннаго выше, имѣются еще нѣкоторыя свѣдѣнія о поведеніи коменданта, Бобровскаго и Архипова во время переодѣванія Ковальской. Но, свѣдѣнія эти, добытыя только изъ одного источника, остальными свидѣтелями (тѣми, конечно, которыхъ можно было спросить), подтверждены не были, и поэтому за достовѣрность ихъ ручаться нельзя. Такъ, передаютъ, что, во время переодѣванія, Бобровскій выскочилъ къ стоявшему на крыльцѣ коменданту и сказалъ: „ишь, она еще дерется“, затѣмъ замѣтилъ: „она ужъ стара“. На что комендантъ отвѣтилъ: „нѣтъ, еще молода“ и прибавилъ: „сама виновата, заслужила“. Затѣмъ, при выносѣ въ лодку Архиповъ, обращаясь къ кому-то, сказалъ: „поцѣлуйтесь, больше ужъ не увидитесь“. Но къ кому относилось это обращеніе—неизвѣстно. Можно предположить, что это относилось къ Кравченко, которая плакала, упрашивая Ковальскую переодѣться, и, вообще, относилась все это время къ ней сочувственно“.

Прочитанное на сходкѣ, это слѣдствіе почти никого не удовлетворило. Центръ обвиненія сводится къ произнесенію Мосюковымъ, Бобровскимъ и Архиповымъ пошлостей при переодѣваніи Ковальской, а этотъ-то пунктъ остался не выясненнымъ. Правда, свидѣтели утверждаютъ, что этихъ господъ не было въ кабинетѣ, но и съ крыльца ихъ разговоръ могъ доноситься до Ковальской. Наумовъ, изъ-за сообщеній котораго весь боръ загорѣлся, не былъ спрошенъ. Женщины безусловно вѣрятъ ему и утверждаютъ, что онъ былъ самъ очевидцемъ всей исторіи. А между тѣмъ О—скій и Лозяновъ еще при свиданіи съ Я—емъ передавали, что Наумовъ тамъ вовсе не былъ, а если и былъ, то развѣ только въ началѣ, самое короткое время. Весьма немногіе (Санковскій, С—и) видѣли въ слѣдствіи полное подтвержденіе письма Ковалевской и находили дальнѣйшее веденіе слѣдствія совершенно излиш-

нимъ. Но публика рѣшила немедленно же написать въ вольную команду о необходимости дополнить разслѣдованіе, съ указаніемъ пунктовъ, требующихъ особенно обстоятельнаго выясненія. Кстати, въ этотъ день на кухнѣ дежурилъ „голубь“ *), такъ что письмо было отправлено въ тотъ же вечеръ.

24-го августа, одна изъ группъ, возвращавшаяся изъ фотографіи, принесла съ собой дополнительныя свѣдѣнія слѣдующаго содержанія: „Вчера мы спрашивали надзирательницу Кравченко и жандарма Наумова. Разговоръ происходилъ въ томъ и другомъ случаѣ безъ свидѣтелей, и оба изъявили желаніе разсказать все, что они видѣли. По словамъ Кравченко, она пришла въ домъ на берегу, когда Ковальская была уже туда доставлена и лежала безъ чувствъ въ кабинетѣ въ собственной рубахѣ, юбкѣ, башмакахъ и чулкахъ, въ бѣломъ платкѣ и завернутая одѣяломъ. Явившись, Кравченко приступила къ переодѣванію, во время котораго, кромѣ нея, были только два уголовныхъ арестанта, державшихъ Ковальскую, и во все время переодѣванія въ кабинетъ никто не входилъ. Переодѣвала сама Кравченко, а уголовные только держали за руки, такъ какъ Кравченко не могла сама справиться съ Ковальской, которая была безъ чувствъ. Арестанты дѣлали только то, что имъ указывала Кравченко. По ея словамъ, она сумѣла произвести переодѣваніе, ни разу не обнаживъ Ковальскую: такъ, напр., снявъ юбку, она сперва накинула казенную рубаху, а затѣмъ уже вытянула вверхъ собственную. Желая привести Ковальскую въ чувство, она обратилась съ просьбой дать воды, на что Мосюковъ согласился, а Бобровскій и Архиповъ возражали. Услыхавъ такой отвѣтъ, Кравченко, взволнованная и растерянная, продолжала переодѣвать и только уже послѣ, когда Ковальскую унесли, замѣтила, что вода была принесена. Переодѣвая, Кравченко слышала черезъ открытыя окна разговоръ Мосюкова съ Бобровскимъ, происходившій на

*) Жандармъ, служившій посредникомъ по передачѣ переписки между тюрьмой и вольной командой.

крыльцѣ. Бобровскій говорилъ: „какая тамъ вода! если-бъ всыпать 400, такъ не было бы никакой истерики. Вы не умѣете съ ними обращаться. Вотъ если-бъ я былъ комендантомъ“... На это Мосюковъ отвѣтилъ: „вы не знаете, что говорите. Поймите, что это не возможно“. Во время одѣванія на Ковальскую собственнаго платка, ея голову держали уголовные по просьбѣ Кравченко, которая боялась, чтобы Ковальская ее не укусила. Выноса въ лодку она не видѣла, такъ какъ была занята уборкой собственныхъ вещей Ковальской.

„Наумовъ опоздалъ явиться къ тюрьмѣ, и, боясь выговора за это, встрѣтивши телѣгу, слѣдовалъ за ней въ отдаленіи и видѣлъ, что Ковальская сидитъ въ телѣгѣ. Во время слѣдованія къ рѣкѣ, никакихъ разговоровъ не происходило. По прибытіи на берегъ, стоя на крыльцѣ, слышалъ, какъ Мосюковъ, Бобровскій и Архиповъ въ разговорахъ между собой употребляли „идіотскія выраженія“, относившіяся къ Ковальской; привести эти выраженія дословно онъ затруднился, и на наши настоянія отвѣтилъ только: „всякія тамъ идіотскія выраженія“. Затруднялся ли онъ потому, что не ясно слыхалъ ихъ или потому, что не считалъ возможнымъ ихъ повторить,— неизвѣстно. Затѣмъ, онъ былъ посланъ въ тюрьму за недостающими казенными вещами и вернулся, когда Ковальскую выносили. Ее положили опять въ телѣгу и подвезли къ лодкѣ. Съ телѣги ее снималъ староста и, по словамъ Наумова, такъ небрежно, что подлѣ лодки обнажились ноги у Ковальской. Замѣчаній при этомъ никто никакихъ не дѣлалъ. Посадили или положили Ковальскую въ лодку, онъ не замѣтилъ. На нашъ вопросъ, въ какомъ видѣ изображалъ онъ все происходившее Ковалевской, онъ отвѣтилъ, что въ такомъ же видѣ, какъ говоритъ теперь, исключая того, что во время переодѣванія присутствовало начальство,—что онъ говорилъ со словъ надзирательницы Кравченко. Когда же мы сказали, что она намъ говорила это иначе, онъ отвѣтилъ, что она вретъ“.

На основаніи этихъ данныхъ нужно было выработать заключеніе. На собравшейся съ этой цѣлью сходкѣ выяснилось

два главныхъ теченія: одно вслѣдъ за Я—емъ, другое выражалъ собою С—чъ. Первый находилъ, что обвиненія въ издѣвательствѣ остались недоказанными. А за насильственный, безъ предупрежденія, увозъ Ковальской и за участіе въ ея переодѣваніи мужчинъ-арестантовъ достаточно выразить коменданту порицаніе съ внушеніемъ, дабы впредь подобныя вещи не повторялись. По мнѣнію Я—ча, то унизительное положеніе, въ какое поставилъ себя комендантъ, подвергнувъ себя нашему суду, о чемъ трубитъ вся Кара; тотъ страхъ и волненіе, какіе онъ за все это время испытывалъ, служатъ для насъ достаточнымъ удовлетвореніемъ, а потому онъ, Я—чъ, предлагаетъ на этомъ дѣло и закончить, и о таковомъ нашемъ заключеніи передать женщинамъ. С—чъ (Павло Ивановъ, М—скій), не соглашаясь съ Я—емъ, прочелъ слѣдующій предлагаемый имъ проектъ заключенія: „Мы производили слѣдствіе относительно извѣстныхъ фактовъ, узнанныхъ нами отъ Ковалевской. Нѣкоторыя, наиболѣе вопіющія стороны не подтверждаются нашимъ слѣдствіемъ. За всѣмъ тѣмъ остаются подтвержденными и доказанными, неопровергаемые и самимъ Мосюковымъ, нѣкоторые достаточно некрасивые поступки, характеризующіе поведеніе лицъ, распоряжавшихся увозомъ Ковальской. Эти факты: общій грубый тонъ всего поведенія начальства, непринятіе самыхъ элементарныхъ мѣръ, обезпечивающихъ соблюденіе элементарныхъ требованій приличія при увозѣ Ковальской, приглашеніе къ исполненію его лицъ, отъ которыхъ невозможно было ожидать особенной деликатности по отношенію къ женщинѣ; переодѣваніе съ помощью двухъ мужчинъ; разговоры на крыльцѣ такъ, что слышала Кравченко, а, слѣдовательно, могла слышать и Ковальская. Предлагаю написать заявленіе, въ которомъ все это было бы изложено и выставлено въ надлежащемъ свѣтѣ настолько подробно, насколько позволяютъ данныя нашего слѣдствія. Въ заявленіи этомъ, по моему, нужно указать, какой характеръ можетъ принимать слѣпое и торопливое принятіе репрессивныхъ мѣръ, предписываемыхъ начальствомъ по ничтожному поводу. Заявленіе это Мосюковъ

долженъ отправить Корфу *) и въ иркутское жандармское управленіе, а мы, съ своей стороны, постараемся переслать его въ Сибирь, въ Россію и, если можно, то и дальше. Это можетъ имѣть значеніе не только для даннаго начальства, низшаго и высшаго, но и для будущаго. Предлагаю переговорить съ бабами черезъ депутатовъ о такомъ образѣ дѣйствій и надѣюсь, что онѣ согласятся. Ежели возможно ожидать какого-либо отвѣта отъ Корфа или вообще отъ высшаго начальства, то я не думаю, чтобы теперь возможно было бы какъ-нибудь предустановить нашъ образъ дѣйствій въ такомъ случаѣ, въ виду неизвѣстности характера этого отвѣта. Ежели ничего не будетъ отвѣчено, то и это не дурно".

Предложеніе это встрѣтило сочувствіе въ значительной части публики. Но будучи „чревато послѣдствіями", оно вызвало со стороны нѣкоторыхъ горячія возраженія. На подобный коллективный репримандъ начальство легко можетъ отвѣтить репрессіями, что въ свою очередь поставитъ насъ въ необходимость дать отпоръ этимъ репрессіямъ—и Богъ знаетъ, куда заведетъ насъ такой оборотъ дѣла. Несомнѣнно, конечно, что, въ концѣ концовъ, мы будемъ сокращены силою штыковъ и прикладовъ; это было бы еще полъ-бѣды, если бы мы остались побѣдителями въ нравственномъ смыслѣ слова. Но можно ли ручаться, что многіе и многіе не отступятъ малодушно передъ непосильной для нихъ борьбой даже изъ тѣхъ, которые теперь обнаруживаютъ сильную воинственность? Наконецъ, не усилимъ ли мы своей тактикой эмиграцію въ колонію, эмиграцію, быть можетъ, людей вполнѣ порядочныхъ, но слабыхъ или нерасположенныхъ къ самопожертвованію изъ-за дѣла, которому они не придаютъ важнаго значенія? Иные, какъ, напр., В., находили, что предложеніе С. не заключаетъ въ себѣ законченности. Оно не даетъ никакого указанія, что дѣлать въ случаѣ неблагопріятнаго отвѣта Корфа. В. требуетъ такого рѣшенія, которое опредѣляло бы наше положеніе. Въ

*) Пріамурскій генералъ-губернаторъ.

виду этого проще было бы согласиться, напр., не вставать ни передъ Корфомъ, ни передъ какимъ бы то ни было другимъ начальствомъ. Онъ, В., примкнулъ бы къ подобному соглашенію, хотя находитъ, что результаты слѣдствія говорятъ въ пользу предложенія Я—ча. На это возражали, что невставаніе, само по себѣ, является уже вызывомъ на пусканіе въ ходъ штыковъ, и такимъ образомъ, пожалуй, еще въ большей степени „чревато послѣдствіями". Защитники предложенія С—ча ставятъ на видъ необходимость считаться съ настроеніемъ женщинъ, и напоминаютъ заявленіе трехъ голодавшихъ, что разъ онѣ не сочтутъ для себя возможнымъ примкнуть къ рѣшенію мужской тюрьмы, то въ такомъ случаѣ возвратятся къ голодовкѣ. А заранѣе можно сказать, что слѣдствіе не измѣнитъ ихъ отношенія къ дѣлу. Предложеніе же С—ча имѣетъ за собой нѣкоторые шансы убѣдить женщинъ присоединиться къ нему; тогда какъ заключеніе Я—ча въ этомъ отношеніи безнадежно. М—скій и П—ъ предложили представить женщинамъ сначала резолюцію Я—ча и постараться убѣдить ихъ принять ее, и только, въ случаѣ неудачи, предъявить проектъ С—ча, какъ уступку ради нихъ, дальше которой мы итти не можемъ. Колюжный возразилъ, что „торгашество" въ данномъ случаѣ ставитъ его, какъ делегата, въ крайне неудобное и глупое положеніе, не говоря уже о томъ, что оно можетъ дурно повліять на отношенія къ намъ женщинъ. Онъ просилъ рѣшить прямо, безъ постороннихъ соображеній, къ какому заключенію приводятъ насъ данныя слѣдствія; если женщинамъ наше заключеніе „не понравится", заявить имъ, что и мы приступимъ къ голодовкѣ вслѣдъ за ними, но не въ видѣ протеста, а въ силу нравственной обязанности не принимать пищи, разъ онѣ голодаютъ. Въ такомъ же смыслѣ высказались З., Бобоховъ, П. и другіе. Громогласно произнесенныя слова М.: „я заранѣе объявляю, что голодать не стану!", и краснорѣчиво выраженная угрюмымъ молчаніемъ солидарность съ нимъ большинства ясно показали, что о соглашеніи на этотъ счетъ думать нечего. С. Д. внесъ предложеніе—предъявить

женщинамъ заключенія обѣихъ партій и предоставить выборъ между ними ихъ собственному усмотрѣнію. Такъ и рѣшили; при чемъ З—ъ, М—овъ, Л—ри и нѣкоторые другіе, считая заключеніе Я—ча выраженіемъ совѣсти, заявили готовность примкнуть къ С—чу, если женщины удовлетворятся предложеніемъ послѣдняго.

Я-чъ прочиталъ слѣдующую формулировку своего заключенія:

„Разслѣдованіе дѣла, предпринятое нашими уполномоченными изъ вольно-командцевъ, закончено. О добытыхъ этимъ разслѣдованіемъ данныхъ вы узнаете изъ прилагаемыхъ двухъ докладовъ. Здѣсь же намъ остается лишь высказать наше заключеніе, и основанное на этомъ заключеніи рѣшеніе насчетъ дальнѣйшаго образа дѣйствій. Прежде всего добытыя слѣдствіемъ данныя пріобрѣтаютъ въ нашихъ глазахъ положительную цѣнность и рѣшающее значеніе потому, что свѣдѣнія, полученныя изъ разныхъ рукъ, въ существѣ совпадаютъ другъ съ другомъ. Нашимъ уполномоченнымъ удалось добыть по нѣкоторымъ существеннымъ пунктамъ показанія двухъ лицъ постороннихъ, которыхъ нѣтъ основанія заподозривать въ умышленномъ извращеніи или тенденціозномъ освѣщеніи тѣхъ фактовъ, очевидцами которыхъ имъ пришлось быть. Лица эти—хозяйка и служанка того дома, гдѣ происходило переодѣваніе Ковальской. Не былъ упущенъ и вашъ первоисточникъ *). Путемъ болѣе обстоятельнаго разспроса удалось добиться отъ него болѣе точнаго указанія, давшаго возможность провѣрить ту часть имѣющихся въ его распоряженіи данныхъ, которую онъ заполучилъ изъ вторыхъ рукъ; а также путемъ наводящихъ вопросовъ точнѣе опредѣлить условія времени и мѣста произнесенія различныхъ фразъ и словъ, что крайне важно для опредѣленія дѣйствительнаго ихъ значенія и вложеннаго въ нихъ смысла. По совокупности всѣхъ добытыхъ данныхъ дѣло принимаетъ въ нашихъ глазахъ такое

*) Т. е. жандармъ Н—въ.

освѣщеніе: издѣвательствъ, разсчитанныхъ на оскорбленіе Ковальской, умышленнаго игнорированія требованій безусловно обязательнаго minimum'а гуманности и приличія, словомъ всѣхъ тѣхъ осложняющихъ аксессуаровъ, предположеніе наличности которыхъ производило наиболѣе возмущающее впечатлѣніе, въ дѣйствительности допущено не было. Такое заключеніе изъ добытыхъ фактическихъ разъясненій подтверждается всѣмъ тономъ дальнѣйшаго поведенія самихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ: Мосюкова, Голубцова и проч., какъ оно проявилось на нашихъ глазахъ. Такимъ образомъ, по отпаденіи этой, наиболѣе щекотливой стороны, остается лишь никѣмъ не оспариваемый фактъ торопливаго и не разборчиваго на средства исполненія полученнаго распоряженія, выразившагося въ насиліи, принятомъ, впрочемъ, лишь, какъ предупредительная мѣра, и привлеченіи къ дѣлу въ качествѣ исполнителей лицъ, привычки и положеніе которыхъ давали основаніе предполагать, отчасти и подтвердившуюся фактами, возможность проявленія съ ихъ стороны всякаго рода излишествъ и грубостей. Но фактъ этотъ, не заключая въ себѣ какого-либо специфическаго обиднаго умысла, требуетъ лишь мѣропріятій, разсчитанныхъ на то, чтобы предупредить возможность повторенія аналогичныхъ вещей въ будущемъ. Многое въ этомъ отношеніи сдѣлано уже самымъ фактомъ нашего и вашего вмѣшательства въ это дѣло. Достаточной мѣрой предупредительнаго воздѣйствія представляется намъ выраженіе коменданту, чрезъ представителей, коллективнаго внушенія и предостереженія по поводу проявленія съ его стороны столь неумѣренной и неразборчивой исполнительности.

„Таково наше мнѣніе и наше рѣшеніе. Присоединиться къ нимъ мы и приглашаемъ васъ.

„Не хочется вѣрить возможности существеннаго расхожденія во взглядахъ между вами и нами въ данномъ случаѣ, такъ какъ слишкомъ тягостны и не поправимы возможныя слѣдствія такого расхожденія при той серьезности и беззавѣтности, которую проявили вы въ своемъ рѣшеніи. Помимо такого со-

чувственнаго мотива, перспектива разногласія пугаетъ насъ и съ непосредственной личной нашей точки зрѣнія. Наличность какихъ-либо дальнѣйшихъ сепаративныхъ мѣропріятій съ вашей стороны, особенно въ такой рѣшительной и безусловной формѣ, какъ голодовка, поставитъ предъ нами слѣдующую, равно тягостную въ обѣихъ своихъ частяхъ, дилемму: оставаться пассивными зрителями самыхъ крайнихъ положеній, въ какія можете попасть вы, или принять участіе въ дѣлѣ, ни нравственной обязанности котораго, ни практической цѣлесообразности не признаешь".

Подъ этимъ письмомъ подписалось большинство. Оно видѣло достаточное удовлетвореніе въ сознаніи Мосюковымъ своей беззаконности, и въ его двухъ-недѣльномъ страхѣ и трепетѣ за исходъ дѣла, отъ чего онъ даже заболѣлъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ нашъ тюремный врачъ-сотоварищъ П—въ. Итти дальше, по мнѣнію многихъ, значило бы бить лежачаго. Говорятъ: гдѣ же гарантія, что послѣдующіе коменданты не станутъ прибѣгать къ тѣмъ же пріемамъ. Нигдѣ какъ въ насъ самихъ, въ нашемъ собственномъ поведеніи, какъ внутри тюрьмы между собою, такъ и по отношенію къ властямъ. Внушить къ себѣ уваженіе со стороны начальства и тѣмъ самымъ сдѣлать для него нравственно невозможнымъ обходиться съ нами грубо, жестоко—вотъ единодушный habeas corpus въ нашемъ положеніи. Къ сожалѣнію, часть женщинъ (Ковалевская, Россикова, Богомолецъ и К°) не хотѣли, или, по крайней развинченности своихъ нервовъ, не могли этого признавать. Отсюда безконечный рядъ, какъ внутреннихъ, подчасъ довольно некрасивыхъ исторій, такъ и столкновеній съ начальствомъ, которымъ и въ будущемъ не видать конца.

Я не привожу здѣсь формулировки С—а въ окончательной редакціи, потому что при отправкѣ въ женскую тюрьму всѣхъ документовъ, копія съ нея не была оставлена. Подъ ней собралось около 20 подписей. Санковскій и еще два-три присоединились съ оговорками въ болѣе крайнемъ духѣ. Раньше Санковскій пустилъ прокламацію, въ которой заявилъ, что,

если къ нему примкнутъ хотя два человѣка, онъ не остановится ни передъ чѣмъ, и намекалъ, что намѣревается дать коменданту пощечину. Но его не удовлетворило выраженіе солидарности такихъ господъ, какъ П. и Z., въ особенности послѣдній не могъ внушать довѣрія, представляя собою характерный типъ краснаго крикуна, беззастѣнчиво исчезающаго за парашку когда наступаетъ моментъ дѣйствія.

Оставалось теперь отправить къ женщинамъ делегатовъ для предъявленія имъ нашихъ резолюцій. Колюжный являлся защитникомъ заключенія, сформулированнаго С.; нужно было избрать второго изъ сторонниковъ Я. (Р. оказался плохимъ представителемъ избравшей его публики). На этотъ разъ его рѣшили устранить, тѣмъ болѣе, что онъ приложилъ свою руку къ письму С—а. Выразили желаніе ѣхать только трое: В-о, П—нъ и все тотъ же Р., заявившій опять свою готовность защищать взгляды, которыхъ онъ не раздѣляетъ. Выборъ посредствомъ закрытой баллотировки палъ на П—на, какъ на сторонника Я—ча и въ то же время личнаго пріятеля Ковалевской. Передъ отъѣздомъ Колюжный заходилъ къ коменданту просить его дать свиданіе съ кѣмъ-нибудь изъ малой женской тюрьмы (К—а, Лешернъ, И-ская, Я—а, Ананьина), чтобы сообщить имъ, въ какомъ положеніи обстоитъ дѣло. Комендантъ, не выходя изъ своей спальни, гдѣ лежалъ больной въ постели, возопилъ благимъ матомъ: „это невозможно!" По отъѣздѣ делегатовъ толки и споры по волнующему всѣхъ дѣлу не прекращались. При частичныхъ обсужденіяхъ нашего къ нему отношенія, нѣкоторая часть публики прониклась тревогой по поводу возникшаго раскола. Это обстоятельство, конечно, не произведетъ благопріятнаго впечатлѣнія на женщинъ и скорѣй всего побудитъ ихъ пойти своимъ особымъ путемъ; и по отношенію къ начальству наше разногласіе—весьма нежелательное явленіе: отсутствіе единодушія или, по крайней мѣрѣ, соглашенія значительнаго большинства на формѣ протеста, буде таковой окажется необходимымъ, подѣйствуетъ на него ободряющимъ образомъ въ репрессивныхъ мѣропріятіяхъ. Въ

самую внутреннюю жизнь нашу расколъ внесетъ рознь по обыденнымъ артельнымъ вопросамъ, а весьма вѣроятное обостреніе этой розни сдѣлаетъ наше совмѣстное жительство невыносимымъ. Переживавшіе такое состояніе передъ 11-мъ мая 1882 г. съ ужасомъ вспоминаютъ объ этомъ времени. Высказывалось сожалѣніе, что на сходкахъ не было обращено вниманія на эту сторону дѣла, что путемъ взаимныхъ компромиссовъ не выработали общаго для всѣхъ заключенія. Это съ нами нерѣдко случается: рѣшимъ что-нибудь на общей сходкѣ, а когда разойдемся по своимъ угламъ, чуть не всѣ оказываются недовольны своимъ рѣшеніемъ. Не есть ли это чисто русская черта, вслѣдствіе отсутствія исторически выработанной способности обсуждать вопросы на міру? Какъ бы то ни было, но возникшее, хотя и запоздалое сожалѣніе, быть можетъ, все-таки не останется безъ добрыхъ послѣдствій.

Въ 6 час. вечера уполномоченные вернулись. Миссія ихъ оказалась безуспѣшной. Женщины не одобрили заключеній ни С—а, ни Я—ча. Онѣ желаютъ избрать свой собственный путь, какой именно,—обѣщали дать знать черезъ три дня. По словамъ П—а, между Марусей—съ одной стороны, Колюжной и Смирницкой—съ другой, не существуетъ полнаго согласія. Онѣ даже не совсѣмъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Его, П—а, доводы не оказывали на Марусю желаемаго дѣйствія, напротивъ, приводили ее въ негодованіе, такъ что Колюжный, по его собственному выраженію, „все время трепеталъ за цѣлость рыжей бороды своего почтеннаго коллеги“. На вопросъ ея: „какъ бы ты поступилъ, если бы то, что произошло съ Ковальской, продѣлали съ твоей женой, сестрой или матерью?“ П—ъ отвѣтилъ, что лѣтъ 10 назадъ онъ поступилъ бы съ виновными самымъ рѣшительнымъ образомъ, „а теперь —нѣтъ, и $^3/_4$ тюрьмы состоитъ изъ такихъ же усталыхъ людей, какъ и я“. Въ заключеніе своихъ докладовъ П—нъ *) заявилъ, что

*) Вскорѣ послѣ этихъ событій подавшій царю прошеніе о помилованіи.

возмущеніе Маруси не производитъ на него впечатлѣніе искренности. Это замѣчаніе было брошено не безъ умысла и въ извѣстной степени достигло своей цѣли. Въ общемъ результатѣ, эта поѣздка принесла тюрьмѣ нѣкоторое успокоеніе: отказавшись присоединиться къ какой-нибудь изъ нашихъ двухъ партій и намѣреваясь дѣйствовать самостоятельно, женщины заявили, что во всякомъ случаѣ къ голодовкѣ онѣ рѣшили больше не приступать. Многимъ казалось это добрымъ признакомъ въ ихъ настроеніи.

Во время свиданія жандармъ принесъ изъ малой тюрьмы Колюжному записку съ просьбой К—ы и др. сообщить имъ, въ какомъ положеніи дѣло. Въ отместку коменданту, не разрѣшившему свиданія съ ними, Колюжный отказался отвѣчать. За это его не похвалили. Находясь въ неизвѣстности, тѣ пять женщинъ сильно волнуются, и въ такомъ состояніи могутъ предпринять что-нибудь, о чемъ потомъ, пожалуй, пожалѣютъ.

26-го или 27-го августа пріѣхала съ Усть-Кары М. Колюжная на свиданіе съ братомъ. Она привезла два письма, одно отъ Ковалевской, а другое отъ нея и Смирницкой. Вотъ первое: „Во избѣжаніе возможности какихъ бы то ни было недоразумѣній, я излагаю свой личный взглядъ и въ очень общихъ чертахъ свой планъ дальнѣйшаго хода этого дѣла для меня, хотя заранѣе оговариваюсь, что, быть можетъ, практически въ будущемъ выйдетъ иначе, чѣмъ предполагаешь. 1) Допустить, чтобы Мосюковъ оставался комендантомъ у насъ, женщинъ, послѣ оскорбленія женскаго достоинства, какое (оскорбленіе) констатировано даже слѣдствіемъ, положительно не могу. Какія практическія мѣры приняты нами сейчасъ, сообщитъ Колюжная. Я смотрю, что обращеніемъ къ Плотто мы переносимъ борьбу съ Мосюкова лично уже на другія лица, имѣющія власть надъ нимъ. Для себя лично я начертила такой планъ: если легальнымъ способомъ я не достигну цѣли, то я стану на почву чисто личной мести тому лицу, которое, съ моей точки зрѣнія, будетъ виновато въ оставленіи Мосюкова на мѣстѣ. Когда и какъ удастся мнѣ отплатить, предрѣшать не

стану. Пока же Мосюковъ на Карѣ, я не имѣю съ нимъ никакого дѣла, и если онъ явится къ намъ, то заговорю съ нимъ по своему, отъ себя лично. 2) Общихъ дѣйствій съ мужской тюрьмой въ цѣломъ не считаю возможнымъ вести, ибо и условія наши, и взгляды, и чувства слишкомъ различны. Конечно, поскольку мы связаны, постольку я всегда буду дѣйствовать, какъ хорошій товарищъ, какъ бы ни расходилась во взглядахъ. Но это по существу нашего общаго положенія, а не по сговору. Если мой личный взглядъ на то, что дѣлать теперь мужской тюрьмѣ, могъ бы имѣть какое-нибудь значеніе, то я высказываю слѣдующее: тюрьма лучше бы всего сдѣлала, если бы сошла съ пути активнаго дѣйствующаго лица, потому что, какъ и вы высказывали, рѣшающій голосъ въ этомъ дѣлѣ остается за нами, какъ непосредственно оскорбленными. Мнѣ кажется, что тюрьма должна принять, если ужъ непремѣнно хочетъ дѣйствовать, вооруженный нейтралитетъ, т. е. не добиваясь сама ничего отъ начальства, ждать результатовъ нашего требованія, и уже потомъ, судя по ходу дѣла, обсудить свою дальнѣйшую роль. До сихъ поръ этимъ дѣломъ вы занимались не по своей иниціативѣ и ваша роль скорѣе была посредствующей между нами и Мосюковымъ; скорѣе вы были секундантами или, лучше сказать, примирителями по иниціативѣ самого Мосюкова. Примиреніе не возможно. Мы переносимъ дѣло въ высшую инстанцію. Удержите свою роль и теперь. Вы можете выйти съ полнымъ достоинствомъ изъ начатыхъ вами дѣйствій. По нашему желанію вы не предпринимаете ничего, какъ мы по вашему желанію прекратили первоначальную нашу мѣру (голодовку). Предоставьте намъ дальнѣйшее веденіе нашего дѣла. Вы всегда имѣете возможность въ будущемъ вмѣшаться такъ или иначе, когда найдете это нужнымъ. Теперь же нѣтъ пока причины дѣйствовать. Я, конечно, все это говорю къ первоначальному нашему соглашенію — дѣйствовать сообща. Высказывать же свое мнѣніе въ томъ случаѣ, если бы тюрьма или группа захотѣла теперь дѣйствовать не въ силу соглашенія, а наново, самостоятельно

отъ насъ, я не считаю себя въ правѣ, такъ какъ объ этомъ меня не спрашиваетъ никто. А сама я не желаю навязывать своего мнѣнія. Конечно, также это письмо не касается той группы, которая, по словамъ Я—ча, не признаетъ за собой нравственной обязанности дѣйствовать. Какъ я говорила и депутату, отъ этой группы я ничего не требую и не желаю, развѣ чтобы она вполнѣ игнорировала мои дѣйствія. Это будетъ, по крайней мѣрѣ, не лицемѣрно. М. Ковалевская“.

Письмо Колюжн. и Смирн.: „Мы не только не требовали, но и не желали вмѣшательства вашей тюрьмы. Мы сдѣлали большую ошибку, принявъ путь голодной смерти, такъ какъ она слишкомъ медленна,—рано или поздно вы должны были узнать о принятой нами мѣрѣ. Благодаря нашей неосмотрительности, намъ необходимо теперь перемѣнить политику, что мы и дѣлаемъ, отправляя заявленіе фонъ-Плотто, гдѣ излагаемъ событія, свидѣтелями которыхъ были мы, и главное изъ того, что добыто вашимъ слѣдствіемъ. Мы посылаемъ заявленіе только отъ лица насъ троихъ и не желаемъ положительно, чтобы вы присоединились къ нему, если бы вы почему либо нашли нужнымъ сдѣлать это, такъ какъ для большинства тюрьмы поднятіе этого дѣла является даже нравственной натяжкой. Конечно, мы не можемъ, да и не имѣемъ права требовать полнаго невмѣшательства со стороны тюрьмы или, наконецъ, отдѣльныхъ лицъ. Но предоставляемъ имъ дѣлать это совершенно самостоятельно. Подымая этотъ вопросъ, мы сдѣлаемъ все, чтобы послѣдствія его обрушились только на насъ троихъ. Колюжная. Смирницкая“.

Далѣе слѣдуетъ заявленіе: „господину начальнику иркутскаго жандармскаго управленія государственныхъ преступницъ Маріи Ковалевской, Надежды Смирницкой и Маріи Колюжной заявленіе: 6-го августа комендантомъ нашей тюрьмы было исполнено приказаніе генералъ-губернатора Корфа о выдѣленіи Елизаветы Ковальской. Выдѣленіе это произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ 5-мъ часу утра, въ коридоръ женской тюрьмы вошли жандармы и хотѣли запереть по каме-

рамъ находящихся въ нихъ женщинъ. Шумъ замковъ былъ услышанъ и запереть дверей камеръ не удалось, такъ какъ женщины проснулись и вышли въ коридоръ узнать, что случилось. На вопросъ, предложенный ими: „что вамъ нужно?“, жандармы не отвѣчаютъ ни слова и видя, что запереть нельзя, выходятъ и призываютъ въ коридоръ смотрителя уголовной тюрьмы Бобровскаго въ сопровожденіи четырехъ уголовныхъ арестантовъ и сельскаго старосты. При появленіи ихъ опять былъ заданъ вопросъ: „что имъ нужно“. Вопросъ былъ повторенъ нѣсколько разъ, но отвѣта на него не дали. Уголовные арестанты и сельскій староста втолкнули женщинъ въ камеры, которыя тотчасъ же заперли. Во время этого шума Елизавета Ковальская проснулась и, набросивъ на себя одѣяло, вышла въ коридоръ и стояла, совершенно не подозрѣвая, что пришли за ней. Въ тотъ моментъ, когда камеры были заперты, уголовные схватили Ковальскую, какъ была, совсѣмъ раздѣтую, только въ одномъ одѣялѣ, и понесли за ворота тюрьмы. Ей ничего при этомъ не сказали, не спросили даже, пойдетъ ли она добровольно, хотя закономъ повелѣвается употреблять силу только послѣ отказа добровольно итти. Предъ отправкой Ковальскую внесли въ избу, гдѣ съ нея сняли свое бѣлье и одѣли въ казенную одежду. При одѣваніи ея, какъ подтверждаетъ самъ Мосюковъ, присутствовали двое уголовныхъ мужчинъ, помогая надзирательницѣ, такъ какъ Ковальская была въ обморокѣ; тогда какъ, по закону, женщину полагается одѣвать женщинамъ. Послѣ указаннаго здѣсь нарушенія комендантомъ Мосюковымъ своихъ чисто юридическихъ обязанностей и того оскорбленія, которое онъ нанесъ намъ, какъ женщинамъ, позволивъ жандармамъ, смотрителю (не нашей тюрьмы) и уголовнымъ ворваться къ соннымъ и раздѣтымъ женщинамъ, мы три, оставшіяся въ тюрьмѣ, не находимъ возможнымъ далѣе имѣть какія бы то ни было дѣла съ Мосюковымъ, какъ съ представителемъ власти. Мы не можемъ къ нему обращаться по нашимъ дѣламъ, и онъ не можетъ являться въ нашу тюрьму. Желая испробовать легальный путь, мы

обращаемся къ вамъ, какъ къ непосредственному контролеру Мосюкова съ заявленіемъ о необходимости удалить его отъ занимаемаго имъ мѣста. Если вы не можете этого сдѣлать на основаніи только нашего заявленія, то мы желали бы, чтобы вы прибыли сюда лично или прислали довѣренное лицо для расслѣдованія дѣла. Мы желали бы получить какой-либо отвѣтъ, хотя бы для того, чтобы знать, что наше заявленіе отправлено по адресу. Колюжная, Смирницкая, Ковалевская. Августа 28 дня (писано Колюжной)“.

По прочтеніи этихъ бумагъ тотчасъ же стали раздаваться требованія немедленнаго созыва сходки. Нѣкоторые находились подъ впечатлѣніемъ писемъ и заявленій, вызывавшихъ въ воображеніи картину исторіи въ болѣе яркихъ краскахъ, чѣмъ представлялось по даннымъ слѣдствія. Поставленъ былъ вопросъ, подавать ли намъ съ своей стороны заявленіе или нѣтъ. Безъ дебатовъ приступили къ голосованію и большинство оказалось за подачу. Я—ъ и другіе, голосовавшіе противъ, заявили, что, оставаясь при своемъ мнѣніи, они готовы примкнуть къ заявленію, если его содержаніе не будетъ представлять слишкомъ рѣзкаго противорѣчія съ ихъ взглядами. Было высказано опасеніе, что едва ли наше требованіе удаленія коменданта получитъ удовлетвореніе; напротивъ, скорѣе можно думать, что, благодаря нашему заявленію, онъ еще прочнѣе утвердится на своемъ мѣстѣ. Вѣрнѣе было бы намъ самимъ воздѣйствовать на него, съ цѣлью побудить его просить увольненія подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, но эта мысль была высказана послѣ того, какъ вопросъ былъ рѣшенъ, къ тому же, какъ замѣтилъ кто-то, одно другому не мѣшаетъ.

Было пущено по камерамъ нѣсколько проектовъ заявленія, изъ коихъ одинъ Як—ъ выпустилъ нѣсколько штукъ. Заслуживали вниманія три редакціи: С—ча, одна Я—ча въ измѣненномъ Дейчемъ видѣ и З—аго. Первая изъ нихъ, въ окончательномъ видѣ послѣ многочисленныхъ поправокъ, уничтоженія длинныхъ разсужденій о гуманности и неподобающихъ ссылокъ на законъ, не имѣла почти ничего общаго съ перво-

начальной редакціей. Хотя, по выраженію Павла Иванова, отъ нея не осталось ни души, ни тѣла, а однѣ кости, тѣмъ не менѣе отъ такой операціи она только выиграла. Вотъ ея текстъ: „Посѣщеніе пріамурскаго ген.-губ. барона Корфа женской государственной тюрьмы на Усть-Карѣ повлекло за собою увозъ одной изъ содержавшихся тамъ женщинъ, Ковальской. Проявленная при этомъ, ненужная и ничѣмъ не вызванная, жестокость побуждаетъ насъ обратиться къ вамъ съ настоящимъ заявленіемъ. Спокойное и безпристрастное изложеніе обстоятельствъ дѣла укажетъ вамъ, какъ далеко заходятъ низшіе органы администраціи при торопливомъ исполненіи полученныхъ ими распоряженій. Увозъ Ковальской произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 5-го августа пріамур. ген.-губ. баронъ Корфъ, возвращаясь изъ зданія женской тюрьмы, увидѣлъ сидящую на дворѣ Ковальскую, которая на его требованіе встать отвѣтила отказомъ. Затѣмъ, подполковникомъ Мосюковымъ получено было распоряженіе забайкальскаго губернатора перевести Ковальскую за неодобрительное поведеніе въ другое мѣстосодержаніе, для чего явиться въ тюрьму рано утромъ, переодѣть Ковальскую въ казенное платье и сдать ее для отправки по назначенію на одномъ казенномъ довольствіи. Это распоряженіе было исполнено слѣдующимъ образомъ: Мѣстное начальство не объявляло Ковальской распоряженія объ ея отправкѣ и не поинтересовалось узнать, нельзя ли исполнить его спокойно безъ употребленія насилія. Лица, которымъ поручено было исполненіе этого дѣла, явились 11-го августа на разсвѣтѣ въ женскую тюрьму въ сопровожденіи уголовныхъ арестантовъ, схватили Ковальскую, не успѣвшую одѣться и не знавшую въ чемъ дѣло, перевезли ее въ домъ на берегу рѣки Шилки и тамъ переодѣли съ помощью двухъ мужчинъ уголовныхъ (арестантовъ), при чемъ на крыльцѣ этого дома велись по ея адресу грубые, громкіе разговоры, которые она вполнѣ могла слышать. Какъ видно изъ этого изложенія, исполненіе распоряженія забайкальскаго губернатора зашло слишкомъ далеко по пути ненужной жестокости и оскорбительной

грубости, особенно, если принять во вниманіе, что все это было продѣлано надъ больной женщиной. Настоящимъ заявленіемъ мы надѣемся побудить васъ принять мѣры, тѣмъ или другимъ путемъ предотвращающія повтореніе подобныхъ фактовъ въ будущемъ“.

Редакція З—аго: „Исполняя предписаніе забайкальскаго губернатора объ увозѣ Ковальской изъ Усть-Карійской тюрьмы, мѣстная администрація 11-го августа дважды нарушила самыя элементарныя требованія человѣчности, предписываемыя самимъ закономъ. Во 1), взяли Ковальскую изъ тюрьмы насильно почти голую, въ одномъ бѣльѣ съ накинутымъ на нее одѣяломъ, не потрудившись предварительно предложить ей добровольно отправиться по назначенію. Во 2), перемѣнили на ней бѣлье также насильно съ помощью мужчинъ, когда это слѣдовало и можно было исполнить съ помощью женщинъ. Доводимъ объ этомъ до свѣдѣнія высшаго начальства для принятія необходимыхъ мѣръ къ тому, чтобы подобные факты не могли повторяться“.

Измѣненная редакція Як—ча: „Доводимъ до свѣдѣнія иркутскаго жандармскаго управленія, что намъ стали извѣстны событія, имѣвшія мѣсто 11-го августа въ женской тюрьмѣ. Раннимъ утромъ этого дня внезапно и неизвѣстно куда увезли опасно больную Ковальскую, обставивъ этотъ увозъ въ высшей степени грубыми, никакимъ сопротивленіемъ съ ея стороны не вызванными условіями. Ее взяли въ одномъ бѣльѣ, перетащили черезъ улицу къ берегу рѣки, безчувственную, лежащую въ обморокѣ, переодѣли въ казенную одежду при помощи мужчинъ, при чемъ лица, распоряжавшіяся увозомъ, вели на крыльцѣ циничныя рѣчи, не заботясь о томъ, что онѣ могли дойти до слуха переодѣваемой Ковальской, и наконецъ посадили въ лодку, лишивъ больную собственной теплой одежды и денегъ. Все это факты, жестокость которыхъ не оправдывается вызвавшими ихъ причинами, и мы желали бы довести до свѣдѣнія кого слѣдуетъ нашу просьбу о предупрежденіи подобныхъ фактовъ въ будущемъ, такъ какъ они могутъ вы-

звать послѣдствія, крайне нежелательныя для насъ, а также, надѣемся, и для начальства“.

Изъ всѣхъ трехъ проектовъ, послѣдній, собственно говоря, самый удачный: онъ не многословенъ, сжато, но достаточно выразительно подчеркиваетъ главные пункты, между тѣмъ какъ у С—а упущенъ обморокъ Ковальской—обстоятельство, само по себѣ характеризующее грубость пріемовъ исполнителей,—не говоря уже о блѣдности изложенія, не производящаго должнаго впечатлѣнія. Голоса раздѣлились между этими тремя редакціями, но такъ какъ подъ С—емъ подписалось большинство, то и другіе перенесли сюда же свои подписи. Всѣхъ набралось 36, остальные 13 человѣкъ не захотѣли присоединиться къ заявленію. Изъ нихъ Ѳ - евъ, Х—овъ, И—нко и Александръ К—ый (мичманъ) съ самаго начала высказывались въ томъ смыслѣ, что они, какъ арестанты, не считаютъ себя въ правѣ выражать начальству свое неудовольствіе по поводу его дѣйствій. Это было заявлено серьезно и, кажется, вполнѣ искренно. З—ому не позволила подписаться обида, нанесенная ему публикой, отвергнувшей его редакцію, которую онъ находилъ во всѣхъ отношеніяхъ великолѣпной. Санковскій, котораго никто не заподозритъ въ неискренности, отказался приложить свою руку къ заявленію, какъ позорящему насъ своей умѣренностью документу. З—цкій не далъ никакихъ объясненій. Онъ не принималъ участія ни въ сходкахъ, ни въ частныхъ обсужденіяхъ. Все это время онъ расхаживалъ по двору, величаво размахивая полами своей наполеоновской шинели, принявъ видъ генія, погруженнаго въ неизмѣримо болѣе высокія думы, чѣмъ всѣ эти тюремныя треволненія. Остальные изъ 13 отказавшихся сослались на совѣсть, которая запрещаетъ имъ итти дальше заключеній, формулированныхъ Я—емъ.

2-ое и 3-е сентября. Много ли насъ здѣсь,—всего 49 человѣкъ,—а какое разнообразіе типовъ, характеровъ, настроеній обозначилось за эти дни. Вотъ С—и и Пашковскій, не перестающіе орать на всю тюрьму, разнося публику, какъ недостойную революціоннаго званія, обзывая всѣхъ трусами и

прочая, и прочая, и пр. Вотъ пылкая молодежь, вырванная изъ жизни, прежде чѣмъ успѣла расправить свои едва оперившіяся крылья, съ свѣжей, еще не пришибленной энергіей, хватающаяся за всякій поводъ, дающій пищу или неудовлетворенной жаждѣ дѣятельности или честолюбію, ищущему удовлетворенія въ подвигѣ. Таковъ милый В—а; простой и славный парень М—ій; К—ъ, съ большой наклонностью къ ходульности; отчасти Ч—овъ, Л—ко. Наконецъ Бобоховъ и Санковскій, столь непохожіе другъ на друга, но одинаково готовые на самопожертвованіе. Вотъ люди, non multum, sed multa пережившіе на свободѣ, или старожилы тюрьмы, умудренные исторіей, завершившейся 11-мъ мая 1882 года, ихъ уже не увлекаютъ тюремныя революціи; они ищутъ спокойной жизни и избѣгаютъ всего, что можетъ повлечь за собою возвращеніе холтуринскаго режима *). С. Д. съ необычной для него прямотою, хотя и нѣсколько грубо, выразилъ настроеніе этой группы, когда на одной изъ сходокъ возопилъ своимъ дребезжащимъ теноркомъ: „я жить хочу! я жить хочу!“ Но лучшихъ изъ этой категоріи сдерживаетъ не столько непосредственная привязанность къ естественнымъ процессамъ жизни, сколько способность смотрѣть вдаль и предвидѣть послѣдствія. Ихъ достоинство не позволитъ имъ купить сносное существованіе въ тюрьмѣ унизительными средствами и они всегда готовы искать „почетнаго“ выхода, лишь бы не зарваться и не довести дѣло до штыковъ. Они указываютъ на то, что, послѣ жестокихъ обузданій, въ публикѣ наступаетъ обыкновенно страшный упадокъ духа, и она свыкается съ такими унизительными положеніями, о которыхъ теперь вспоминать даже стыдно. Послѣ расправы 11-го мая нахальство начальства переносилось со смиреніемъ, прежде немыслимымъ. Еще я захватилъ кусочекъ этого періода. Смотритель Циреньниковъ сажалъ въ карцеръ за невставаніе при повѣркѣ, дѣлалъ дерзкіе выговоры за сниманіе кандаловъ,

*) Холтуринъ—комендантъ тюрьмы, осуществлявшій суровыя репрессіи послѣ побѣговъ нѣсколькихъ заключенныхъ 11-мая 1882 года.

жандармы не позволяли подходить къ форточкѣ чужой камеры, не выпускали на дворъ въ непрогулочное время, гнали изъ кухни лишняго человѣка. И ко всему этому публика относилась, какъ къ нормальному порядку вещей; все это никого не возмущало особенно: по требованію шли въ карцеръ, вставали при повѣркѣ, носили кандалы и т. д. А теперь смотритель не дерзнетъ даже спросить, какимъ образомъ въ тюрьму проникла водка и только „покорнѣйше“ проситъ не слишкомъ шумѣть. Возвращенія къ такому физически и еще болѣе нравственно тяжелому положенію не хотятъ и „господа жирондисты“. Этой позорной въ революціонномъ смыслѣ кличкой награждены: Я—ъ, З—ъ, Преображенскій, М—ій, Б—хъ и рядъ другихъ, рядъ незамѣтно, безъ рѣзкихъ границъ, сливающійся съ группой царепоклонниковъ Ѳ—ва. Въ послѣднее время къ „жирондистамъ“ примкнулъ и В—ко, отличавшійся прежде большимъ задоромъ, столько же впрочемъ по отношенію къ своимъ, какъ и къ начальству. Наконецъ,—третья группа осуждающихъ свое прошлое, склонныхъ рѣзко порвать съ нимъ и пока удерживаемыхъ отъ рѣшительнаго шага недостаточно еще ослабѣвшимъ чувствомъ товарищества, которое готово однако спуститься ниже нуля при малѣйшемъ напряженіи. Вчера мичманъ потребовалъ отъ коменданта перевода своего въ другое помѣщеніе. Передъ нами онъ мотивировалъ свой поступокъ полнымъ несочувствіемъ поведенію тюрьмы въ дѣлѣ Ковальской, что ставитъ его среди насъ въ тяжелое и фальшивое положеніе. По всей вѣроятности это не болѣе какъ колеблющійся первый шагъ въ сторону подачи прошенія о помилованіи. К—ному скоро срокъ выхода въ вольную команду; при спокойномъ теченіи тюремной жизни онъ дотянулъ бы свою лямку. Это у насъ одинъ изъ самыхъ откровенныхъ и искреннихъ монархистовъ („орѣхобоецъ“); не дурной малый, но его глупость—плохая порука, чтобы въ средѣ „торжествующихъ“ ему удалось сохранить свою порядочность. Къ подавшимъ раньше о помилованіи (В—ло, Ев—ву, Мель—ву) удалился и Ба—езъ, увѣрившій своихъ пріятелей, будто вслѣдствіе нервнаго разстройства онъ нуждается на нѣкое время въ уединеніи. Я нисколько не сомнѣваюсь въ его истинныхъ намѣреніяхъ. Замѣчательно, какъ внѣшность человѣка можетъ ослѣплять публику насчетъ его внутреннихъ свойствъ. Въ красивомъ, здоровомъ, веселомъ тѣлѣ никто не подозрѣваетъ безобразнаго содержанія. А между тѣмъ Ба—зъ по нравственнымъ своимъ достоинствамъ ниже иного уголовнаго каторжника.

4-ое сентября. Санковскій бѣгаетъ по камерамъ, упрашивая измѣнить окончаніе заявленія въ такомъ смыслѣ, который позволилъ бы ему присоединить свою подпись. Но предлагаемая имъ редакція звучитъ вызовомъ и бравировкой, а это публикѣ не нравится. Наконецъ ей надоѣли безконечные дебаты, передѣлки, поправки. Многіе недовольны пропускомъ обморока Ковальской, но никто новой переписки не требуетъ: начнись только переписка, какъ тотъ захочетъ внести снова какое-нибудь измѣненіе, другой—выброситъ ту или иную фразу, третій припомнитъ забытое важное, по его мнѣнію, обстоятельство—и дѣло опять затянется. Р—ій и Колюжный вызвались итти къ коменданту для врученія ему подписанной бумаги. „Съ какой же стати вы меня позорите?“ негодуетъ Санковскій:—„не давая мнѣ возможности подписаться, вы выставляете меня такимъ образомъ передъ начальствомъ въ благонамѣренномъ видѣ!“ Ивановъ сжалился надъ нимъ, торопливо переписалъ заявленіе, передѣлавъ конецъ согласно его желанію. Но бумажка, пущенная по камерамъ, такъ и осталась безъ подписей.

Вопреки ожиданіямъ, комендантъ, прочитавъ нашъ коллективный протестъ, не сдѣлалъ никакихъ возраженій; онъ обѣщалъ отправить его фонъ-Плотту съ своими оправдательными объясненіями съ ближайшей почтой. Тотчасъ же по возвращеніи въ тюрьму нашихъ делегатовъ сквозь пали были замѣчено, какъ въ квартиру коменданта ввели В—ло. Дѣло въ томъ, что этотъ, два мѣсяца назадъ грозный террористъ, состоитъ теперь при комендантѣ въ качествѣ тайнаго совѣтника.

6-ое сентября. Комендантъ сказалъ Н—ому, что не можетъ отправить заявленія и даже самъ не долженъ былъ принимать

его, такъ какъ все, что носитъ коллективный характеръ, строжайше возбраняется. Онъ этого не могъ сообразить, не повидавшись съ В—ло. Теперь онъ предлагаетъ представить ему 38 отдѣльныхъ заявленій съ одной лишь подписью подъ каждымъ, дабы не было законныхъ препятствій къ отправкѣ. Собралась по этому поводу сходка. По обыкновенію заварили въ двухъ кубышкахъ общій чай, староста выложилъ на столъ четвертку табаку. Собирались вяло, не спѣша: ясно было, что возбужденное состояніе прошло, смѣнившись чувствомъ нѣкотораго утомленія. Разбившись на кучки за столиками больничной камеры („хорчовка"), принялись за чай и повели совсѣмъ посторонніе разговоры. Въ одномъ мѣстѣ обсуждали основательность требуемой вольно-командцами ассигновки на покупку еще одной лошади. Въ другомъ, спорили о съѣдобности и питательности конины, которую нѣкоторые предлагаютъ покупать въ виду все болѣе возрастающей скудости нашихъ средствъ. Въ аптечномъ углу, у П—ва, толковали о предстоящей рѣзкѣ куръ. Въ противоположномъ углу за „Петрушкой" М—скій разъяснялъ разницу между частной и апелляціонной жалобой. З—скій доказывалъ кому-то, какой огромной экономіи можно достигнуть при „раціональномъ" потребленіи спичекъ. Наконецъ, Р—ій призвалъ публику къ порядку и потребовалъ вниманія. Писать ли каждому отдѣльное заявленіе или же настоять, чтобы комендантъ извѣстилъ кого слѣдуетъ о подачѣ нами таковаго, передавъ отъ себя его содержаніе по возможности буквально? Предложеніе было формулировано на бумагѣ и пущено по рукамъ. Большинство присутствовавшихъ высказалось за вторую его часть.

Сегодня полученъ оффиціальный отвѣтъ Корфа на просьбы отдѣльныхъ лицъ и нашего старосты, обращавшагося къ нему въ августѣ отъ имени тюрьмы. Разрѣшено отпускать дрова на отопленіе въ теченіе 4-хъ зимнихъ мѣсяцевъ въ удвоенномъ количествѣ. Но и этого будетъ едва достаточно при негодности печей и давно неремонтировавшагося зданія. Увеличеніе, а также и уменьшеніе раньше опредѣленнаго комплекта

вольной команды въ 15 человѣкъ, Корфъ предоставляетъ усмотрѣнію коменданта. Въ чернилахъ отказано; отказано Я—чу переписываться съ женой Р. Ф—ъ, какъ не состоящей съ нимъ въ церковномъ бракѣ.

Съ этой недѣли мы увеличили кухонный бюджетъ съ 2 рублей на 3 рубля въ день. Свое молоко прекратилось, коровъ бьютъ, огородныхъ овощей на Карѣ нѣтъ; что родилось въ нашемъ дворѣ, уже съѣдено. Пришлось бы поналечь на хлѣбъ, а казенный хлѣбъ у насъ и такъ въ значительномъ переборѣ. Прямой разсчетъ, по соображеніямъ нашихъ финансистовъ и врача П—ва, улучшить кухонную пищу, что отразится улучшеніемъ общаго состоянія здоровья и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшеніемъ потребленія казеннаго хлѣба. Наши финансы въ весьма плачевномъ положеніи. Уже который мѣсяцъ, какъ почта не приноситъ болѣе 10, 15, много—25 рублей. Публикѣ хочется думать, что это явленіе временное, объясняемое лѣтнимъ сезономъ, что къ концу зимы и къ веснѣ получки увеличатся. Это вѣрно относительно, но изъ отчетовъ видно постепенное уменьшеніе абсолютной цифры нашихъ приходовъ за послѣдніе годы. Время и пространство берутъ свое: родственныя и дружественныя чувства охладѣваютъ. Не безъ малаго вліянія въ усиливающемся забвеніи и равнодушіи къ государственнымъ заключеннымъ и общественное реакціонное настроеніе.

8-ое сентября. Комендантъ прислалъ черезъ Помелова (его письмоводитель) въ тюрьму на предварительную цензуру проектъ своего донесенія. Онъ излагаетъ содержаніе нашего заявленія слишкомъ обще и далеко отъ подлинника. Послали Р—аго продиктовать ему нашу редакцію. Въ передачѣ отъ имени коменданта съ буквальнымъ почти сохраненіемъ текста вышла довольно курьезная форма. „Они (т. е. тюрьма) находятъ, что при посѣщеніи генералъ-губернаторомъ женской тюрьмы была проявлена не нужная и ничѣмъ не вызванная жестокость. Это побуждаетъ ихъ обратиться къ вамъ съ заявленіемъ. Спокойное и безпристрастное, заявляютъ они, изложеніе обстоятельствъ дѣла укажетъ вамъ, какъ далеко заходятъ низшие

органы администраціи при торопливомъ исполненіи... и т. д. въ томъ же родѣ: „они думаютъ, они находятъ, они заявляютъ“. Женщины предпочли написать каждая отдѣльно, т. е. просто переписали то же самое въ трехъ экземплярахъ. Вопреки ожиданію онѣ вдругъ повели себя весьма благоразумно. Онѣ какъ бы оправдываются въ этомъ, заявляя, что рѣшились испробовать легальный путь, уступая лишь давленію мужской тюрьмы. Полосѣ благоразумія долженъ однако наступить неизбѣжный и скорый конецъ. На удаленіе коменданта избраннымъ ими путемъ нельзя разсчитывать. Дѣло дойдетъ до департамента государственной полиціи, куда, если вѣрить Мосюкову, сообщается чуть не каждое наше движеніе. А въ Питерѣ, въ семъ Россійскомъ храмѣ современнаго идола „Твердой Власти“, не трудно предвидѣть, какъ взглянутъ на всю эту исторію: требуютъ—ergo бунтуютъ, бунтуютъ—ergo...

20-ое сентября. Тюрьма занята мѣрами обузданія вольнокомандцевъ. Они слишкомъ выходятъ изъ предѣловъ установленнаго для нихъ двойного эквивалента. Пока финансы были въ сносномъ состояніи, на это не обращалось вниманія, но теперь пришлось сдѣлать любезнымъ товарищамъ внушеніе. Оправдываются тѣмъ, что какъ то невольно зарываются, не видя передъ собой цифръ своихъ заборовъ. Въ тюрьмѣ всякій имѣетъ возможность посмотрѣть въ „Синюю Книгу“ *) и найти подъ своей фамиліей итогъ своихъ заборовъ по данный день, чѣмъ онъ и руководствуется насчетъ дальнѣйшей нормы удовлетворенія своихъ потребностей. Разумѣется, намъ легче держать себя въ установленныхъ границахъ, чѣмъ вольнокомандцамъ, жизнь которыхъ представляетъ много недоступныхъ для насъ соблазновъ; но за то имъ и опредѣленъ двойной эквивалентъ. Такъ какъ ихъ оправданіе имѣетъ всетаки нѣкую долю психологическаго, такъ сказать, основанія, то Н—ій завелъ особыя для нихъ книжки. Вольно-командецъ,

*) Книга, въ которой староста записываетъ, кѣмъ, что и на какую сумму взято продуктовъ.

обращаясь въ тюрьму за продуктами, записываетъ, что ему нужно, въ свою книжку. Староста отпускаетъ по записи и отмѣчаетъ цѣны, сумма которыхъ по сличенію съ отмѣченной на верху листа цифрой эквивалента на данный мѣсяцъ, должна напоминать владѣльцу книжки объ извѣстныхъ предѣлахъ.

1-ое октября. Вотъ уже около мѣсяца, какъ женщины бойкотируютъ Мосюкова. Онѣ не признаютъ его комендантомъ, отказываются получать что бы то ни было, проходящее черезъ его руки, запретили ему являться въ ихъ тюрьму. Этотъ способъ ложится всею тяжестью на бойкотирующихъ, не причиняя ни малѣйшаго ущерба бойкотируемому. Онѣ не принимаютъ даже получаемыхъ писемъ, денегъ, такъ какъ покупки на улучшеніе тюремной пищи пропускаются съ разрѣшенія коменданта, а письма подвергаются его контролю. Комендантъ боялся показываться даже въ нашу тюрьму, избѣгалъ видѣться съ нашимъ старостой П—вымъ, съ которымъ всегда былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Наконецъ, на дняхъ онъ вызвалъ П—ва и, убѣдившись изъ разговора съ нимъ, что у насъ никакихъ покушеній на него не затѣвается, явился самъ; смущенно, робко оглядываясь, повертѣлся въ коридорѣ и, не заходя въ камеры, ушелъ. Потомъ на другой день принесъ въ больницу электрическую машину, которой электризуется В—ко. Корфъ разрѣшилъ пользоваться машинкой не иначе, какъ въ присутствіи казеннаго врача, но Мосюковъ въ послѣднее время болѣе чѣмъ когда-нибудь старается угождать намъ и пропускаетъ ее всякій разъ по требованію съ однимъ Голубцовымъ.

5-ое октября. С—и и С—ъ выпустили прокламацію, требуя, чтобы колонистамъ было отказано въ выдачѣ продуктовъ изъ тюремнаго ларя, а также въ посѣщеніи ими нашей бани (колонисты приходятъ въ баню послѣ вечерней повѣрки, когда мы заперты по камерамъ). Подъ прокламаціей подписалось 19 *за*, 7 *противъ*. Послѣдніе предлагаютъ считать колонистовъ на общемъ основаніи, какъ и всѣхъ, не состоящихъ въ артели, которые, считаясь столовниками, пользуются отъ тюрьмы кре-

дитомъ въ размѣрѣ двойного эквивалента. С—и съ торжествомъ преподнесъ прокламацію старостѣ, высказавшемуся противъ, для исполненія. Но послѣдній, основываясь на небольшомъ числѣ голосовавшихъ, обратился къ публикѣ съ запросомъ, считать ли билль С—и и С—а проведеннымъ.

Комендантъ низвелъ заключеніе колонистовъ почти до полной фикціи: они ходятъ безъ конвоя куда угодно по всему промыслу. Вл—ло ежедневно бываетъ у него и, говорятъ, работаетъ въ его канцеляріи. Эти вольности, допущенныя какъ бы въ видѣ соблазна для тюрьмы, являются причиною особаго раздраженія противъ колонистовъ въ нѣкоторой части публики. Но другіе находятъ преслѣдованіе ихъ съ нашей стороны мѣрами, предлагаемыми С—и, мѣщанскимъ tracasserie и слишкомъ дешевымъ способомъ проявленія своего нравственнаго надъ ними превосходства. С—и обвиняетъ воздержавшихся отъ подписей подъ его прокламаціей въ намѣреніи провалить ее путемъ сохраненія невинности и пріобрѣтенія вмѣстѣ съ тѣмъ капитала. Л—и пришелъ въ негодованіе и, придравшись къ тому, что тотъ вмѣшивается въ его разговоръ, состоя съ нимъ въ неговореніи, чуть не бросился на него съ кулаками. А нельзя сказать, чтобы въ этомъ обвиненіи не было доли правды.

8-ое октября. Колонисты продолжаютъ занимать собою вниманіе тюрьмы. Въ то время, когда запросъ старосты ходилъ по камерамъ, Ем—овъ имѣлъ свиданіе съ В—о (они пріятели). Послѣдній заявилъ ему, что они, колонисты, сами тяготятся услугами тюрьмы и охотно прекратили бы съ нею всякія сношенія, если бы ихъ не удерживало то обстоятельство, что они не могутъ сейчасъ расплатиться за сдѣланные ими заборы изъ ларя. Но разъ тюрьма сама возбуждаетъ этотъ вопросъ, они съ этого же дня перестаютъ обращаться къ старостѣ за продуктами и посѣщать тюремную баню, обѣщая остающійся за ними долгъ выплатить въ самомъ скорѣйшемъ времени. Вопросъ, казалось, можно было бы считать исчерпаннымъ. Но С—и не унимается. Онъ выпустилъ новую прокламацію на

этотъ разъ въ союзничествѣ съ Бр—омъ. Оба требуютъ, чтобы прекращеніе всякихъ сношеній съ колонистами было объявлено послѣднимъ оффиціально, черезъ коменданта. Б—къ, въ случаѣ, ежели публика выскажется противъ, грозитъ вызваться къ коменданту и что-то совершить. Въ виду таинственной угрозы, Ивановъ упрашиваетъ подписываться за, чтобы не вышло „чорты батька зна чого“. Но пока дѣло идетъ туго; кромѣ Колюжнаго, Я—ча и самого Иванова подъ прокламаціей никого не видать.

Б—зъ до послѣдняго времени продолжалъ дурачить своихъ друзей. Наконецъ на-дняхъ надувательство его было обнаружено. Голубцовъ сказалъ, что Б—зъ давно подалъ прошеніе о помилованіи, онъ, Голубцовъ, выразилъ даже удивленіе, что это намъ до сихъ поръ неизвѣстно. Бывая въ нашей банѣ, колонисты имѣли обыкновеніе захаживать въ коридоръ и черезъ форточки бесѣдовать съ своими пріятелями. Въ прошлую банную субботу Б—зъ подошелъ къ Ѳ—ну, но тотъ не принялъ протянутой ему черезъ форточку руки. Оскорбленный Б—зъ присылаетъ Ѳ—ну записку, въ которой, сбрасывая маску, патетически вопрошаетъ: „какое преступленіе совершили мы, что вы отвертываетесь отъ насъ? Что сдѣлали мы такого, что образовало бы пропасть между вами и нами?“ Это не его стиль. Записка, какъ думаютъ, написана подъ диктовку В—ло. А этотъ вчерашній революціонеръ, на вопросъ Емельянова, помнитъ ли онъ, какъ еще недавно громилъ соціалдемократовъ за ихъ умѣренность, меланхолически отвѣчалъ: „да было время! Теперь я иначе думаю“.

Есть у насъ Цыпловъ, уголовный бродяга, попавшій въ нашу тюрьму. Разсказывалъ онъ, какъ однажды, вскорѣ послѣ обращенія его въ „соціалиста“, довелось ему ѣхать по желѣзной дорогѣ и сидѣть на одной скамейкѣ съ какимъ-то купцомъ, имѣвшимъ при себѣ сумку съ деньгами. „Напились мы, братецъ ты мой, вмѣстѣ чаю. Я, конечно, пропагандирую, какъ слѣдуетъ быть. Только онъ, подлецъ, возьми да и засни, а сумка его съ плечей свѣсилась и такъ прямо мнѣ

шельма, въ руки и лѣзетъ. Такая, братецъ ты мой, досада меня взяла! И чтобы ему, толстопузому, встрѣтиться со мной этакимъ манеромъ двѣ недѣли назадъ! *А теперь... убѣжденія не позволяютъ*".

В—ло интересовался узнать, какое впечатлѣніе произвела въ тюрьмѣ послѣдняя брошюра Тихомирова „Почему я пересталъ быть революціонеромъ". Въ этомъ я вижу *подтвержденіе* моей догадки, что на его рѣшимость уйти изъ тюрьмы повліяло предисловіе къ „La Russie sociale et politique", въ которомъ Тихомировъ отрекается отъ революціи. Новѣйшая брошюра того же автора несомнѣнно также не останется безъ соотвѣтствующаго воздѣйствія, и плоды его не замедлятъ обнаружиться на усиленіи эмиграціи изъ нашей среды. Уже и теперь можно назвать нѣсколькихъ кандидатовъ, передъ которыми, я увѣренъ, мнѣ не придется извиняться: И—ко, Х—въ, Ем—овъ, Ѳ—нъ, *), П—въ, По—нъ, котораго едва ли кто подозрѣваетъ, но я за него вполнѣ ручаюсь. За ними, смотря по обстоятельствамъ, можетъ двинуться и еще столько же, если не больше.

Мнѣ не случалось переживать *крутыхъ переворотовъ* въ своихъ вѣрованіяхъ, убѣжденіяхъ, въ направленіи мысли. Разные градусы угловъ зрѣнія, отношеніе къ жизни при меньшей или большей ясности мысли, компромиссы, до извѣстной степени, временами мнѣ не чуждо было и чувство малодушія—все это мнѣ знакомо. Но я не могу постичь логику и психологію такихъ отчаянныхъ прыжковъ, на какіе оказался виртуозомъ Тихомировъ, ежели судить по выдержкамъ изъ его брошюры въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Возможно перестать видѣть свѣтъ такимъ яркимъ, какимъ раньше видѣлъ его, возможно совсѣмъ перестать его видѣть, но вмѣсто свѣтлаго, солнечнаго диска увидѣть вдругъ черное пятно для человѣка, не лишившагося здороваго зрѣнія—вещь не мыслимая; или

*) Только у Ѳ—на приходится теперь просить прощенія. 1900 г. (авторъ).

мыслимая—развѣ какъ результатъ внушенія искуснаго гипнотизатора; но признать таковымъ Дмитрія Андреевича Толстого возможно опять же только подъ воздѣйствіемъ гипнотическаго внушенія. Нѣтъ, нельзя вѣрить въ искренность Тихомировской метаморфозы. Онъ могъ—или, лучше сказать, *не могъ*—не разочароваться въ террорѣ, въ „захватахъ власти", могъ наконецъ бросить вѣру въ спасительность для Россіи вообще революціоннаго образа дѣйствій—все это онъ могъ, но что сверхъ сего, то у него отъ лукаваго. И какое беззастѣнчивое нахальство, достойное профессіональнаго мошенника, который объегорилъ васъ и, не смущаясь, не „позычая очей у сірька", своими собственными глядитъ вамъ прямо въ лицо. Вспомнить только, какимъ онъ былъ ортодоксальнымъ террористомъ-народовольцемъ. Вспомнить, съ какой нетерпимостью относился къ малѣйшей критикѣ (въ особенности своихъ) статей въ революціонной газетѣ, не говоря уже о пунктахъ программы „Исполнительнаго Комитета". И теперь такое рѣшительное открещиваніе отъ всего прошлаго, и не отъ формъ его, не отъ партійныхъ наслоеній, а отъ всей сущности его содержанія. Онъ упрекаетъ русскихъ революціонеровъ въ невѣжествѣ, въ склонности принимать на вѣру гипотезы. А не онъ ли пуще всякаго другого ратовалъ за слѣпое довѣріе гипотезѣ, непогрѣшимымъ вѣщателемъ которой изображалъ себя въ „Исполнительномъ Комитетѣ". Любопытныя параллели приходятъ въ голову между прежнимъ и теперешнимъ Тихомировымъ. Подождемъ однако его брошюры.

13-ое октября. Сегодня выдавалась казенная одежда: шубы, штаны, валенки, теплыя портянки, рукавицы. Въ теченіе двухъ—трехъ часовъ въ коридорѣ у ларя, гдѣ кучей свалены вещи, настоящій базаръ. Прежде староста, справившись по книгѣ, кому что получать, захватывалъ въ охапку нужное количество вещей и швырялъ въ камеру. При этомъ нѣкоторые позволяли себѣ выбирать, что получше. Потомъ въ предупрежденіе возникавшихъ отсюда неудовольствій и пререканій, надумали болѣе цѣнныя вещи (валенки, шубы) помѣчать номе-

рами. По камерамъ разносились въ шапкахъ билетики и всякій, вынувъ билетикъ, бралъ то, что ему выпадало по жребію. Послѣ разборки вещей начинается оживленное хожденіе изъ камеры въ камеру. Одни затѣмъ, чтобы освѣдомиться, какъ кому посчастливилось, похвалиться своей удачей или пожаловаться на свой „не фартъ", другіе ищутъ желающихъ обмѣнять не подходящую къ ногѣ доставшуюся имъ обувь; третьи, насобиравъ нѣсколько паръ портянокъ, вымѣниваютъ ихъ, подбирая подъ одинъ цвѣтъ. На портянки всегда большой спросъ, потому что изъ нихъ шьются штаны, такъ какъ готовые казенные обыкновенно или узки въ поясѣ или черезчуръ коротки.

Было бы несправедливо заключать отсюда объ опрощеніи тюремной публики въ сторону арестантскаго типа. При крайней скудости возбуждающихъ впечатлѣній эти валенки, эти портянки получаютъ интересъ, непонятный въ болѣе содержательной жизненной обстановкѣ, но не столько сами по себѣ, какъ предметы, пріятно волнующіе собственническій инстинктъ, сколько просто, какъ поводъ стряхнуть съ себя угнетаемое пустотой жизни настроеніе. Оттого-то всякій разъ, когда публика приходитъ почему нибудь въ волненіе, посторонній наблюдатель удивился бы несоотвѣтствію размѣровъ возбужденія съ вызвавшей его причиною. Одно время, когда камеры были заперты цѣлый день, стоило кому-нибудь съ коридора всунуть голову въ форточку, какъ подымался всеобщій ревъ, долго не смолкавшій и послѣ того, какъ сконфуженный товарищъ захлопнулъ форточку, не успѣвъ спросить, что ему нужно. На почвѣ скуки и томленія въ послѣдніе годы развилась у насъ игра въ карты. Раньше было принято употреблять выигрышъ на общее или камерное чаепитіе, потомъ стали находить, что игра на личный интересъ занимательнѣй: больше волнуетъ. Любители просиживаютъ иногда за картами цѣлую ночь. Иные, какъ Колюжный (Иванъ), Я—чъ послѣ продолжительныхъ усидчивыхъ занятій, бросаютъ книги и на нѣсколько дней запоемъ предаются игрѣ. Я—чъ однажды, за-

винтившись до чортиковъ, крикнулъ жандарму, желая выйти, „дежурный, пасъ"! вмѣсто того, чтобы сказать: „отоприте дверь". Обыкновенный размѣръ выигрыша въ нѣсколько *су*, что на нашемъ жаргонѣ означаетъ кусокъ сахара на копѣйку. 20—30 считается уже крупнымъ кушемъ, и о подобномъ выигрышѣ разносчики новостей спѣшатъ оповѣстить по камерамъ. Нѣкоторые, въ особенности Бобоховъ и Ѳ—евъ, порицаютъ игру въ личную пользу; ихъ возмущаетъ, если иной удачникъ такимъ путемъ сколачиваетъ себѣ „состояньице" (т. е. много 50—60 к. въ мѣсяцъ), тогда какъ проигравшему приходится для покрытія минуса въ своемъ бюджетѣ переходить на кирпичный чай, отказываться отъ сахара, табаку, молока. Впрочемъ, не всѣ усвоили новый обычай, Я—чъ, напр., Колюжный Иванъ, Д—ъ не мирятся съ неловкостью выигравшаго по отношенію къ проигравшему и продолжаютъ держаться прежняго порядка—употреблять выигрышъ на общее угощеніе.

Прошлую зиму мичманъ варилъ пиво. Нѣсколько разъ происходили выпивки, о которыхъ съ буквальной точностью можно сказать: „на грошъ выпилъ, а на рубль нашумѣлъ". Начальство испугалось, дабы не случилось „дебоша" и приняло мѣры. Въ одинъ прекрасный (а можетъ и не прекрасный, не помню) вечеръ, послѣ повѣрки жандармы утащили изъ кухни сусло и вылили его въ сточную канаву, а комендантъ перестал пропускать въ тюрьму хмель. Смотритель (Сергѣевъ) написалъ даже доносъ въ иркутское жандармское управленіе помимо коменданта, но жандармы въ одинъ голосъ отрицали фактъ попойки,—и смотритель поплатился за усердіе удаленіемъ.

Прежде при болѣе строгомъ режимѣ, когда карты преслѣдовались, да и трудно было доставать ихъ, господствовала единственная игра—это въ шахматы. Устраивались клубы съ членскими взносами въ 2—3 су для составленія фонда, изъ котораго раздавались преміи побѣдителямъ на состязаніяхъ. Происходили коллективныя игры между камерами, мачи между отдѣльными лицами, при чемъ среди постороннихъ зрителей

и не зрителей идутъ ставки на пари за того или другого изъ игроковъ. Такой же тотализаторскій характеръ носятъ лѣтнія игры въ городки. Пари у насъ въ большомъ ходу. Стоитъ возразить на какое-нибудь утвержденіе, усумниться, что сегодня на обѣдъ „каждый имѣетъ", (т. е. каждый получитъ кусокъ мяса), что Марксъ умеръ такого-то числа и т. д., какъ вамъ тотчасъ же предлагаютъ: „не желаете ли на су?" „я вамъ докажу печатными источниками". Эти двѣ стереотипныя у насъ фразы ежедневно множество разъ можно услышать въ любой камерѣ. Энциклопедическій словарь Березина въ постоянномъ обращеніи, такъ какъ онъ является главнымъ источникомъ для рѣшенія возникающихъ споровъ. Янъ Ивановичъ, одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ маловѣжественныхъ, но самоувѣренныхъ спорщиковъ, долженъ былъ одно время для покрытія крупнаго итога своихъ проигрышей перейти исключительно на казенную пищу.

Въ будущемъ мнѣ еще предстоитъ много разъ касаться и похвальныхъ, и предосудительныхъ сторонъ нашей жизни. Но скажу напередъ: многое, что, можетъ быть, рѣзало бы слухъ и претило бы иному чувству, слѣдуетъ относить не на счетъ нравственныхъ свойствъ нашей публики, а на счетъ условій ея существованія. Это — говоря вообще, а въ частности есть личности, нахожденіе которыхъ въ нашей средѣ, дѣйствительно психологически не объяснимо. Глядя, напр., на X—ва *), трудно представить себѣ болѣе подходящую для него обстановку, какъ базарный ларь, гдѣ онъ изъ-за стойки отмѣриваетъ, взвѣшиваетъ и оцѣниваетъ товаръ, стараясь облапошить покупателя. А тѣмъ не менѣе онъ здѣсь и не какъ-нибудь случайно, а по дѣлу, вся опасность и значеніе котораго ему въ достаточной степени были понятны. Или, напр., З—й. Передъ нимъ даже самъ Плюшкинъ разинулъ бы ротъ. Онъ накопилъ и хранитъ у себя такую массу вещей, что можно было бы обуть и одѣть по меньшей мѣрѣ человѣкъ

*) Подалъ прошеніе о помилованіи.

десять. Его страсть собирать и прятать всякую дрянь, его истинное страданіе, когда его вынуждаютъ дать старую рукавицу для парашника, его жадность къ пищѣ и вообще размѣры его эгоизма, какъ и многія другія антипатичныя или просто смѣхотворныя странности въ его характерѣ, дѣлаютъ его неописуемымъ. Изображеніе его такимъ, каковъ онъ есть, носило бы характеръ слишкомъ грубой карикатуры. У него манія величія и изобрѣтательности и вмѣстѣ съ тѣмъ недюжинныя математическія способности. Словомъ, Ломброзо пришелъ бы отъ него въ восторгъ.

23-е октября. На дняхъ замѣтили сквозь пали необычное движеніе среди солдатъ нашей роты и о чемъ-то распоряжающагося начальника команды. Во время вечерней прогулки Д. спросилъ у часового, что это значитъ. Солдатикъ шепотомъ сообщилъ, что ведутъ на молебствіе по случаю „благополучнаго покушенія на царя". Вѣсть эта моментально облетѣла всю тюрьму, но нельзя сказать, чтобы вызвала особенное возбужденіе. Мало кто вѣрилъ въ покушеніе и больше склонны были думать, что солдатикъ что-нибудь перепуталъ. Однако на другой день Голубцовъ подтвердилъ сообщеніе часового, но прибавилъ, что еще неизвѣстно, было ли дѣйствительно покушеніе или просто случайное несчастье на желѣзной дорогѣ. Капитанъ также не принесъ со свиданія ничего болѣе опредѣленнаго. Огромное большинство продолжало считать покушеніе маловѣроятнымъ, такъ какъ, по господствующему у насъ представленію, въ Россіи революціонеровъ въ настоящее время не существуетъ, въ противномъ случаѣ ренегатство Тихомирова было бы невозможно. Только С—и и Пашковскій подсмѣиваются надъ скептицизмомъ публики, въ полной увѣренности, что правительство умышленно желаетъ придать дѣлу видъ случайнаго желѣзно-дорожнаго крушенія. Первый изъ нихъ, считая покушеніе несомнѣннымъ, видитъ въ немъ доказательство непрерывавшагося существованія стараго „Исполнительнаго Комитета" Народной Воли, который не проявлялъ своего бытія лишь временно, по тактическимъ соображеніямъ,

Второй, отрицая въ корнѣ „Исполнительный Комитетъ", увѣренъ, что это дѣло рукъ его кружка, совершившаго покушеніе 1-го марта 1887 года; онъ не только увѣренъ въ этомъ, онъ это знаетъ, а какъ и почему, о томъ никому вѣдать не надлежитъ. Пашковскій предлагаетъ какія угодно пари, что черезъ полъ-года всѣ мы торжественно по устланному розами сибирскому тракту вернемся въ Россію. Но публика уже привыкла къ его, впрочемъ, комически ребяческому оптимизму и задавательству, и на этотъ разъ споръ по существу уступилъ мѣсто вопросу о томъ, есть ли въ Сибири розы или нѣтъ.

„Печатные источники" оказались не въ пользу Пашковскаго, но это вовсе не важно: розы цѣлыми фурами будутъ доставлены изъ Россіи, въ случаѣ же недостатка ихъ у насъ, какъ „изъ чувства противорѣчія" утверждаютъ нѣкоторыя „лычности", привезутъ изъ Болгаріи, ибо, конечно, съ новымъ россійскимъ правительствомъ Стамбуловъ будетъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Инымъ, уже отвыкшимъ относиться къ событіямъ съ точки зрѣнія ихъ общественнаго значенія, покушеніе въ высшей степени нежелательно по личнымъ соображеніямъ; они боятся, что оно помѣшаетъ примѣненію къ нимъ манифеста, ожидаемаго при женитьбѣ наслѣдника (Х—въ прямо отпалилъ, что „покушеніе было бы такой мерзостью что..."). Другіе находятъ его вреднымъ, потому что, кромѣ усиленія и затяжки реакціи, оно ничего хорошаго повлечь за собой не можетъ. 1-е марта 1881 года слишкомъ ясно показало, что „голый" терроръ, безъ широкаго общественнаго движенія, безъ значительныхъ революціонныхъ силъ, способныхъ выйти на улицу, является грубой политической ошибкой и самымъ гибельнымъ маневромъ для революціонной партіи, а судя по теперешнему положенію вещей въ Россіи, — зловреднымъ для всей страны. Въ такомъ смыслѣ высказывается большинство. Дейчъ, Р—ій, и на этотъ разъ З — ъ вообще исключаютъ терроръ изъ политической программы соціализма; они видятъ въ этомъ способѣ борьбы прискорбное въ нашей молодежи поверхностное пониманіе соціальныхъ явленій жизни

и склонность къ задавательскому утопизму. Но если террористическіе факты, помимо того или иного ихъ общественнаго значенія, при извѣстныхъ условіяхъ имѣютъ за собой нравственное оправданіе, то теперь они были бы болѣе понятны, чѣмъ когда-либо. Чего бы, кажется, болѣе возмутительнаго, какъ нынѣшняя политика? Все скручено въ бараній рогъ. Дальше пятиться назадъ, повидимому, уже некуда. Общественное настроеніе насквозь пропитано затхлостью и низменностью интересовъ. Что ни журналъ, что ни книжка, что ни газетное сообщеніе,—отовсюду несетъ мѣщанской будничностью, раболѣпіемъ и приспособленностью къ вкусамъ и взглядамъ Толстого и К°.

Взять хоть бы манеру въ серьезныхъ сочиненіяхъ (напр. „Политическая экономія" профессора Антоновича) искать опоры своимъ доводамъ въ священномъ писаніи. Эта мода спеціально послѣдняго времени у насъ въ Россіи. Или въ „Русской Старинѣ" воспоминанія Верещагина о взятіи Самарканда. Какое-то пошло развязное описаніе безобразій войны, а самое отношеніе къ нимъ автора достойно зауряднаго офицеришки-карьериста, который каждый выстрѣлъ дѣлаетъ съ мыслью о крестикѣ. Въ 70-хъ годахъ Верещагинъ не дерзнулъ бы, да и не нашелъ бы въ себѣ этого армейскаго тона, чтобы разсказывать о своихъ самаркандскихъ подвигахъ и пачкать этимъ яркія краски своихъ картинъ. Вотъ и Южаковъ усвоилъ узколобо-руссофильскую тенденцію, — повѣтріе, обуявшее даже лучшихъ нашихъ людей. Или вотъ Викторовъ, нѣкогда извѣстный московскій радикалъ (чернопередѣлецъ), въ своей книгѣ „Ученіе о личности, какъ о нервно-психическомъ организмѣ" пишетъ посвященіе князю Долгорукому съ подобострастіемъ заискивающаго чиновника. И этотъ тоже не обошелся безъ ссылокъ на святыхъ отцовъ и патріотическихъ остротъ по адресу Кобургскаго.

Судя по нѣкоторымъ признакамъ, даже за граница не спасаетъ русскихъ отъ заразительнаго дѣйствія современной нездоровой отечественной атмосферы. Сестра Як—ча излагаетъ

содержаніе послѣдней книжки Сергѣя Кравчинскаго на англійскомъ языкѣ „Русское крестьянство, его экономическое положеніе и религіозныя вѣрованія“. Не нужно особенно остраго обонянія, чтобы почувствовать отъ этой книжки запахъ, родственный господствующему нынѣ въ Россіи.

При всей безотрадности общественнаго настроенія и состоянія умовъ теперешняго десятилѣтія, въ немъ есть для насъ, заключенныхъ, и своего рода успокоительныя стороны. Быть законопаченнымъ въ тюремныхъ стѣнахъ, когда внѣ ихъ жизнь бьетъ ключемъ, было бы неизмѣримо томительнѣй. Теперь не ощущаешь въ себѣ тѣхъ острыхъ мучительныхъ порыванiй на волю, какія приходилось испытывать въ кіевскомъ замкѣ въ 77—78 гг., или въ Петербургѣ—въ 82 г. И это вѣрно далеко не по отношенію къ одному мнѣ.

Як—чъ получилъ отъ брата (доцента) нѣмецкую книгу Уффельмана „Дѣтская Гигіена“ въ 36 печатныхъ листовъ. Предлагаетъ перевести, и по напечатаніи обѣщаетъ выслать гонораръ. Въ тюрьмѣ очень рады этой работѣ, надѣются и впредь получать подобные заказы. Человѣкъ 15 взялись переводить.

Вопросъ о колонистахъ законченъ. Рѣшено объявить имъ—письменно или чрезъ Голубцова,—о запрещеніи имъ посѣщать нашу баню, а также получать казенный паекъ изъ тюрьмы. Прокламація исходила отъ А—а, подписавшагося *противъ* точно такой же прокламаціи С—и. Въ своей непослѣдовательности А—ъ винитъ нахальство колонистовъ, которые, несмотря на переданное имъ черезъ Ем—ва желаніе тюрьмы, въ прошлую субботу все-таки мылись въ нашей банѣ. „Хотя Ба—зъ и объяснилъ, что пришелъ только затѣмъ, чтобы получить отъ Ѳ—на отвѣтъ на свою записку, а зачѣмъ же прочіе явились?“ спрашиваетъ авторъ прокламаціи. „Очевидно,—замѣчаетъ онъ же,—объясненіе Ба—за не заслуживаетъ довѣрія“.

Да, Б—зъ не заслуживаетъ довѣрія. Это признали и его

бывшіе пріятели, пославшіе ему письменное отъ него отреченіе, съ выраженіемъ негодованія на то, что онъ такъ долго водилъ ихъ за носъ *).

Въ эти дни наши законы обогатились еще статьей С—а о пользованіи швейной машинкой. Дѣло въ томъ, что на З—на нашла манія самообшиванія; все его барахло подвергается перекройкѣ по самымъ фантастическимъ фасонамъ, шьется, распарывается и опять шьется, и не было возможности заполучить отъ него машинку иначе, какъ именемъ закона. Отнынѣ ею будетъ пользоваться по пяти дней каждая камера поочередно.

Недавно всѣхъ женщинъ изъ Усть-Кары перевели въ новую тюрьму въ 4-хъ верстахъ отъ нашей („на отрядъ“). У нихъ вышелъ маленькій штыксъ съ комендантомъ изъ-за новой надзирательницы. Кравченко ушла, на ея мѣсто комендантъ назначилъ свою метрессу, уголовную каторжанку Ядвигу. Женщины заявили, что не желаютъ имѣть ее при себѣ и не пустятъ въ тюрьму, но при этомъ, не совсѣмъ удачно, сослались на то, что она изъ каторжныхъ. Мосюковъ, разумѣется, смирился и назначилъ имъ другую, „полноправную“ вдову чиновника. *Въ этомъ дѣлѣ*, благодаря посредничеству вновь пріѣхавшихъ С-ой и Д—ой, обѣ партіи дѣйствовали единодушно.

Всѣ онѣ живутъ очень скромно, почти, можно сказать, аскетничаютъ, большую часть получаемыхъ денегъ переводятъ въ нашу тюрьму, оставляя себѣ всего по 5 руб. въ мѣсяцъ. Много работаютъ на заказъ (шьютъ, вышиваютъ) и намъ присылаютъ не мало всякой всячины своего шитья. Жаль только, что между ними частые нелады. Это въ сильной степени усугубляетъ тяжесть заключенія. Но тутъ ужъ виновата прежде

---

*) Это нѣчто удивительное! Ба—зъ при арестѣ не только выдавалъ все, что зналъ, но и ходилъ переодѣтымъ по Одессѣ вмѣстѣ со шпіонами, указывалъ, гдѣ и кого ловить. На судѣ онъ отрекся отъ своихъ показаній, за что и пошелъ на каторгу.

всего ихъ женская природа. Мы, мужчины, легче переносимъ невольное общежитіе, легче находимъ болѣе или менѣе примиряющій всѣхъ modus vivendi; на нашей психикѣ, на нашихъ организмахъ не такъ пагубно отражаются ненормальныя условія существованія... Памятуя все сіе, не будемъ же къ себѣ слишкомъ снисходительны, а къ женщинамъ слишкомъ строги.

24-ое октября. Получилась конспиративная почта. Въ телеграммахъ о покушеніи не говорится. Сказано такъ: возлѣ станціи Борки одинъ изъ двухъ локомотивовъ вмѣстѣ съ слѣдующими за нимъ четырьмя вагонами сошелъ съ рельсовъ. Царь и его семья остались невредимы. Дѣйствительно, какъ у насъ говорятъ, „чудеса". Но если для оживленія задушенной россійской жизни необходима электрическая сила грозы, то пусть бы лучше она разразилась въ этомъ видѣ, чѣмъ въ видѣ несчастной войны, какъ того подчасъ приходится желать патріоту такого несчастнаго отечества, какъ Россія.

Съ „голубемъ" женской тюрьмы (жандармомъ Н.) случился казусъ, изъ-за котораго надо ожидать пріостановки въ сношеніяхъ съ женской тюрьмой. Встрѣтивъ въ сумеркахъ на улицѣ М—кова, онъ, принявъ его за О—скаго, сунулъ ему въ руку пакетъ. Замѣтивъ ошибку, онъ потребовалъ пакетъ обратно. М—ковъ сначала не хотѣлъ отдавать, но потомъ долженъ былъ уступить передъ настоятельными требованіями „голубя" Послѣдній, заполучивъ пакетъ, посовѣтовалъ М—кову держать языкъ за зубами; въ случаѣ же доноса съ его стороны коменданту, пригрозилъ послѣдствіями, отъ которыхъ ему, М—кову, не поздоровится. Угроза не воздѣйствовала, ибо на другой день Н. былъ позванъ къ коменданту, который потребовалъ сознаться въ передачѣ корреспонденціи изъ женской тюрьмы въ мужскую, обѣщая за чистосердечное сознаніе ограничиться наказаніемъ собственной властью, не давая дѣлу офиціальнаго хода. Н. отпирается. Явившись сегодня на дежурство къ намъ, онъ разсказалъ эту исторію и просилъ совѣта, какъ ему быть. Многимъ его разсказъ кажется вымышленнымъ. Повидимому, онъ труситъ и сочинилъ предлогъ, чтобы отказаться отъ опасной

службы „голубя". *Нашъ* тоже часто заводитъ рѣчь объ опасности, угрожающей ему со стороны колонистовъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ знаютъ, что именно онъ, а не кто другой носитъ почту изъ вольной команды. В—ло же, будучи старостой, самъ принималъ ее отъ него и расплачивался съ нимъ, какъ съ почтаремъ. Успокоенія плохо дѣйствуютъ. „Голубь" высказываетъ намѣреніе совсѣмъ убраться съ Кары,—и это, конечно, весьма благоразумно, потому что кто же поручится какъ за тѣхъ, которые уже раскаялись, такъ и за тѣхъ, что раскаются, можетъ быть, завтра?

3-е ноября. Сегодня снова зашелъ споръ о Тихомировѣ. С—и продолжаетъ утверждать, на основаніи сообщенія С—ой, что пресловутая брошюра называется: „Почему я пересталъ быть террористомъ", а не—„революціонеромъ", какъ говоритъ „Русскій Вѣстникъ". Но цитаты, приводимыя изъ нея рецензентомъ, а также излагаемое имъ содержаніе брошюры не оставляютъ никакого сомнѣнія, что Тихомировъ пересталъ быть не только террористомъ, но и революціонеромъ вообще. Разумѣется, искренняя перемѣна взглядовъ хотя бы слѣва направо ничего предосудительнаго въ нравственномъ смыслѣ не заключаетъ, если тутъ не замѣшаны нечистыя, шкурныя стремленія, а безъ нихъ обыкновенно такія метаморфозы не совершаются. Исповѣдь Тихомирова, судя по рецензіи „Русскаго Вѣстника", даетъ слишкомъ достаточно основанія, чтобы предполагать въ немъ именно этого сорта побужденія.

Прежде всего трудно не заподозрить чистоту намѣреній автора, если, отдавая на судъ общества свое прошлое, онъ допускаетъ ложь въ передачѣ фактической стороны дѣла. Имѣя въ виду этотъ судъ, въ результатѣ котораго ни Кара, ни Шлиссельбургъ не угрожаютъ, нѣтъ разсчета прибѣгать ко лжи въ свою пользу, тѣмъ болѣе, что изъ тѣхъ, кто можетъ ее изобличить—не всѣ повѣшены и замуравлены въ Шлиссельбургѣ. Ясно, что исповѣдь разсчитана главнымъ образомъ на вниманіе правительства, передъ которымъ изобличенія, возможныя съ этой единственной стороны, какъ заинтересованной въ

дѣлѣ, не въ силахъ парализовать желаемый эффектъ. Т—въ заявляетъ, будто бы онъ уже до *1-го марта* (81 г.) пересталъ быть революціонеромъ и если оставался въ организаціи тайнаго общества, то лишь пассивно, въ силу формальныхъ обязательствъ. Достаточно одного этого утвержденія, чтобы не сомнѣваться болѣе насчетъ характера Тихомировской метаморфозы. Тутъ можетъ быть рѣчь объ искренности развѣ постольку, поскольку въ немъ искренно желаніе расположить въ свою пользу Дмитрія Андреевича Толстого, получить прощеніе своихъ винъ, и вернуться къ жизни съ болѣе заманчивыми перспективами, въ смыслѣ благъ земныхъ, чѣмъ голодное скитальчество экс-революціонера-эмигранта. Этотъ человѣкъ, умомъ и душою яко бы переставшій принадлежать революціи еще до 1-го марта, былъ однимъ изъ главныхъ вдохновителей, какъ этого событія, такъ и всѣхъ послѣдующихъ террористическихъ фактовъ. Никто съ такой бдительностью не оберегалъ террористическихъ традицій кружка, никто не относился съ такой болѣзненной подозрительностью ко всякимъ новшествамъ, посягавшимъ на эти традиціи, какъ Левъ Тихомировъ. Послѣ первомартовскихъ погромовъ рѣшено было призвать нѣкоторыхъ изъ эмигрантовъ для возстановленія разбитой организаціи. Опасаясь, что наплывъ свѣжихъ людей можетъ внести новую струю какъ въ программу, такъ и въ тактику „партіи", Тихомировъ предложилъ систему постепенныхъ пріемовъ новыхъ членовъ по одиночкѣ, чтобы легче было подчинить каждаго въ отдѣльности общему духу кружка. Онъ взялся самъ вести переговоры съ намѣченными къ призыву эмигрантами. Его переписка, быть можетъ, сохранившаяся за границей, могла бы служить, между прочимъ, интересной иллюстраціей его, яко бы тогда уже антиреволюціоннаго образа мыслей.

Правда, при личномъ со мной объясненіи, онъ обнаружилъ неожиданную для меня уступчивость въ сторону моихъ взглядовъ на постановку революціоннаго дѣла. Но съ первыхъ же шаговъ совмѣстной съ нимъ практической работы выяснилось,

что уступчивость была лишь дипломатическимъ пріемомъ, входившимъ въ программу постепенной „акклиматизаціи" меня въ террористической атмосферѣ своей среды. Первое столкновеніе нашихъ мнѣній произошло по вопросу предложеннаго мною основанія журнала („Вѣстника Народной Воли"), для котораго я отстаивалъ обще-революціонное направленіе, тогда какъ онъ строго народовольческо-партійное, въ духѣ своихъ статей въ газетѣ „партіи". Отсюда несогласіе и въ выборѣ редакторовъ. Я предлагалъ Лаврова, Плеханова и, кажется, еще Аксельрода; онъ, на основаніи рекомендаціи ультра-террориста *) Р—а, хотѣлъ привлечь къ этому дѣлу бывшихъ издателей „Набата". На этотъ разъ помирились на компромиссѣ („набатчики", впрочемъ, были совершенно устранены); но вслѣдъ затѣмъ не было, кажется, вопроса, по которому мнѣ съ нимъ не приходилось бы расходиться. То онъ отстаиваетъ уже напечатанное воззваніе къ народу, одобряющее избіеніе евреевъ („Добре, хлопци, робете, що жидивъ бьете") **). То онъ готовъ дать санкцію нелѣпому плану московской или рязанской группы безпричиннаго и безцѣльнаго убійства прокурора московской судебной палаты, единственно въ революціонно-воспитательныхъ цѣляхъ. То считаетъ нужнымъ присвоить самостоятельное покушеніе Санковскаго на Черевина ***) и пишетъ прокламацію, гдѣ объявляетъ этотъ фактъ дѣломъ „Исполнительнаго Комитета", что, по его мнѣнію, должно послужить къ вящшему престижу „Народной Воли"... Если онъ замѣчалъ, что не въ состояніи настоять на своемъ силою убѣжденія, а это случалось очень часто—онъ съ напускнымъ безпристрастіемъ отдавалъ должное вѣскости и справедливости вашихъ доводовъ, но посредствомъ уловокъ и окольныхъ путей старался все-таки провести свое. Онъ имѣлъ возможность пользоваться этими путями болѣе всякаго другого члена „Комитета", такъ

*) Чернильнаго, а не дѣлового, автора брошюры „Террористическая Борьба". Женева.

**) Прокламація была уже напечатана; она написана тѣмъ же Р—о.

***) Шефъ жандармовъ и товарищъ министра.

какъ въ числѣ троихъ безсмѣнно состоялъ въ „Распорядительной Комиссіи“, а къ этой роли въ организаціи, кстати сказать, „формальныя обязательства“ нисколько его не обязывали. Прочитавъ однажды въ рукописи его статью по поводу рѣчи Аксельрода на хурскомъ международномъ рабочемъ конгрессѣ, я нашелъ ее несправедливо рѣзкой и по существу вызывающей основательныя возраженія. Со мной согласились и другіе. Онъ обѣщалъ измѣнить ее; но, къ моему крайнему удивленію, статья появилась въ печати въ первоначальномъ видѣ. Оправданіе заключалось въ томъ, будто онъ хотѣлъ внести поправки въ корректурѣ, но завѣдующій сношеніями съ типографіей (Иванъ Колюжный) не принесъ листовъ въ назначенное мѣсто, а ему самому зайти въ типографію помѣшали шпіоны *).

Прочіе члены, въ особенности каждый въ отдѣльности, далеко не отличались такой фанатичностью въ террористическихъ тенденціяхъ, какъ Тихомировъ (за исключеніемъ, впрочемъ, О—ой), имъ была доступна болѣе широкая точка зрѣнія; буква организаціоннаго устава, пункты программы „Исполнительнаго Комитета“ не были для нихъ какой-то неприкосновенной святыней. Къ сожалѣнію, значительному большинству изъ насъ недоставало образованія и теоретическаго развитія, и на этой почвѣ главнымъ образомъ и основывалось верховенство Тихомирова въ періодъ послѣ 1-го марта, когда наиболѣе даровитые члены компаніи выбыли изъ строя. Съ ревнивостью вождя секты, онъ оберегалъ свое вліяніе отъ всякихъ поползновеній ослабить его значеніе. Но это былъ вождь, приводившій въ движеніе своихъ прозелитовъ не силою личнаго примѣра, не убѣжденностью своего краснорѣчія (каковымъ былъ Желябовъ), а нашептываніемъ à part и интригами.

Заподозривъ опасность въ этомъ отношеніи съ моей стороны, онъ задумалъ обратиться къ чувству кружковаго патріотизма старыхъ членовъ, предложивъ имъ составить тайный alliance, съ цѣлью противодѣйствовать моимъ стремленіямъ, подкапывающимъ традиціи народовольства *). Этотъ планъ тайнаго общества въ тайномъ же обществѣ былъ, однако, совершенно, впрочемъ, случайно мною разрушенъ. Прочитывая дѣловыя письма, адресованныя петербургскимъ сочленамъ, я, по оплошности Тихомирова, нашелъ среди нихъ одно письмо, какъ оказалось, вовсе не предназначавшееся для моего прочтенія. Въ немъ Тихомировъ развивалъ Савелію Златопольскому необходимость противъ меня сплоченной коалиціи. Явившись къ нему для объясненія съ этимъ письмомъ, я нашелъ его въ крайнемъ смущеніи. Онъ оправдывался глупо, нескладно, какъ провинившійся школьникъ, увѣряя меня, вопреки самой явной очевидности, что письмо истолковано мною неправильно. Я понялъ послѣ этого казуса, что намъ съ нимъ рука объ руку итти нельзя, что между нами безхитростныхъ, довѣрчивыхъ отношеній быть не можетъ. Оставалось, либо уйти изъ организаціи, чего не допускалъ уставъ, либо уѣхать куда нибудь подальше, чтобы не приходилось въ своей дѣятельности сталкиваться съ Тихомировымъ. Работать подъ неустанной травлей полиціи, при неувѣренности просуществовать до завтрашняго дня—мнѣ не требовалось привыкать; но работать при отсутствіи добрыхъ, искреннихъ, товарищескихъ отношеній—являлось для меня новостью и вовсе не представлялось привлекательнымъ. Я предложилъ ему отправить меня въ качествѣ завѣдующаго какимъ нибудь отдаленнымъ райономъ (такая „должность“ въ организаціи существовала), напр., на Кавказъ, или же я вынужденъ буду апеллировать по поводу его поведенія къ суду всѣхъ членовъ. Мое требованіе ставило его въ весьма затруднительное положеніе. Зачѣмъ я поѣду на окраину, когда и тутъ дѣла по горло, и всѣ находятъ нужнымъ мое присутствіе въ Москвѣ? Мистифицировать публику невозможно; для

*) Любопытно прочесть эту статью, написанную авторомъ „уже не революціонеромъ“. Она помѣщена передовицей въ листкѣ „Народной Воли“, вышедшемъ передъ 9 № газеты.

*) Дѣло было въ Москвѣ во второй половинѣ 81-го года.

этого нужно было бы посвятить въ заговоръ по крайней мѣрѣ остальныхъ двухъ членовъ „Распорядительной Комиссіи“, но и это было бы не легко, такъ какъ общее положеніе дѣлъ одинаково хорошо извѣстно всѣмъ. Тихомирову ничего не оставалось, какъ сбросить маску, сознаться въ своей винѣ и просить меня забыть эту исторію и не разсказывать о ней никому. Я обѣщалъ. Онъ чувствовалъ, что глупо попался и далъ мнѣ случай понять его больше, чѣмъ самъ того хотѣлъ, а потому счелъ за лучшее придать дальнѣйшему нашему объясненію характеръ задушевности. И дѣйствительно, послѣ этого отношенія между нами наладились, такъ что въ сложной затѣмъ организаціи среди сектантовъ („Христіанское Братство“) разногласія между нами не возникали.

Замѣчательно, что его отношеніе къ Савелію Златопольскому, котораго онъ призывалъ въ интимную коалицію, отличалось крайнимъ недовѣріемъ къ его революціонной благонадежности: онъ считалъ С. Златопольскаго способнымъ разыграть роль второго Гольденберга, и вскорѣ послѣ разсказаннаго инцидента возбудилъ даже вопросъ о высылкѣ его за границу, подъ предлогомъ какого-нибудь фиктивнаго порученія. Дѣятельность Тихомирова сосредоточивалась по преимуществу на революціонной литературѣ и на руководительствѣ тѣснымъ, довольно замкнутымъ кружкомъ „Исполнительнаго Комитета“, который съ 80-го года, какъ извѣстно, заправлялъ при посредствѣ созданной имъ іерархической организаціи большинствомъ революціонныхъ элементовъ Россіи. Настроеніе этихъ элементовъ въ извѣстномъ направленіи Тихомировъ поддерживалъ путемъ прокламацій и статей, часто написанныхъ не безъ таланта; а какъ члена „Распорядительной Комиссіи“ въ центральной группѣ, его вліяніе на практическій ходъ дѣла сказывалось вездѣ, гдѣ существовали народовольческіе кружки. Болѣе публичной, за предѣлами „Исполнительнаго Комитета“, агитаціонной дѣятельности онъ избѣгалъ: для этого онъ былъ мало подвиженъ, не энергиченъ, а главное слишкомъ заботливъ о собственномъ самосохраненіи. Даже въ самую горячую

пору революціонной жизни, онъ не забывалъ о своей безопасности. Жилъ онъ обыкновенно вмѣстѣ съ женой крайне изолированно, и его квартира была извѣстна даже не всѣмъ изъ „своихъ“. Послѣ же 1-го марта его осторожность доходила до маніи. Встрѣтиться съ нимъ была цѣлая комиссія. Во всякомъ прохожемъ на улицѣ онъ готовъ былъ видѣть шпіона; къ себѣ домой онъ иначе не возвращался, какъ исколесивши предварительно нѣсколько улицъ и убѣдившись, что за нимъ никто не слѣдитъ. Арестъ кого-нибудь изъ близко стоявшихъ къ организаціи заставлялъ его надолго закупориваться въ своей квартирѣ и прерывать сношенія съ кѣмъ бы то ни было, а при болѣе или менѣе серьезномъ погромѣ, онъ падалъ духомъ, терялся и поддавался непозволительной для „генерала“ трусости.

Въ такія минуты онъ дѣйствительно готовъ былъ плюнуть на революцію. Соверши онъ свой знаменитый попятный прыжокъ въ находившемъ на него временами состояніи малодушнаго страха—было бы понятно и даже — по человѣчеству — простительно. Aber der Hund ist nicht hier begraben. Натура у Тихомирова черствая, эгоистичная, и онъ несравненно спокойнѣе отправлялъ человѣка на смерть, чѣмъ выходилъ за двери своей квартиры. Конечно, у всякаго общественнаго дѣятеля есть въ той или иной долѣ извѣстнаго свойства честолюбіе, но о Тихомировѣ по преимуществу можно сказать, что онъ увлекался революціоннымъ дѣломъ лишь постольку, поскольку оно, въ его фантазіи, сулило ему власть, славу, всеобщее преклоненіе. И у другихъ онъ склоненъ былъ предполагать главнымъ образомъ этотъ стимулъ, а потому въ своемъ воздѣйствіи на людей любилъ затрагивать именно этого тона струны. Онъ имѣлъ слабость къ политиканству, чтобы не сказать къ интригантству, и едва ли кто другой, кромѣ его, рѣшился бы перехватывать частную переписку своего же товарища, чтобы убѣдиться въ степени интимности его отношеній къ М., извѣстному на югѣ противнику „Народной Воли“. Правда, пріемы этого свойства стали прививаться къ русскимъ революціонерамъ, вообще, съ тѣхъ поръ, какъ ихъ организація

приняла бюрократически-централистическую форму; у Тихомирова же склонность къ такимъ пріемамъ являлась, кажется, органическимъ свойствомъ его натуры. Оклеветать, напр., неудобнаго человѣка, изъ „не своихъ", онъ не считалъ предосудительнымъ, если того, по его мнѣнію, требовали интересы „партіи". Щедринъ за свои рѣчи на сходкахъ противъ программы „Народной Воли" былъ ославленъ агентомъ III-го отдѣленія. Такой же слухъ былъ пущенъ о П—ѣ. Когда въ „Вольномъ Словѣ" появились статьи Драгоманова противъ „Исполнительнаго Комитета", Тихоміровъ предложилъ напечатать въ своей газетѣ категорическое заявленіе, что Драгомановъ состоитъ на жалованьи департамента государственной полиціи, чтобы тѣмъ уничтожить неудобнаго и вліятельнаго противника. Не безъ усилій удалось мнѣ не допустить осуществленія этого проекта. . . . .

. . . .

Быть можетъ, подъ вліяніемъ фраппирующаго событія, я невольно сгущаю темныя краски облика бывшаго товарища по оружію. Можетъ быть; но факты говорятъ сами за себя достаточно краснорѣчиво.

Честолюбіе было черезчуръ преобладающимъ свойствомъ натуры Тихомирова. Потому-то, надо думать, заговорщическій планъ захвата власти какъ нельзя лучше пришелся ему по сердцу. Этой же чертѣ, какъ мнѣ кажется, въ связи съ нравственнымъ нигилизмомъ, принадлежала главная роль въ его шумно разыгранной измѣнѣ. Разбитыя мечты личнаго честолюбія заставили его искать тѣхъ же опьяняющихъ ощущеній на другомъ прямо противоположномъ поприщѣ. Привычка къ господствующему положенію въ „партіи", еще рѣзче и конкретнѣе ощущавшемуся въ первое время за границей; пріятный чадъ, казавшихся осуществимыми, мечтаній о роли всероссійскаго диктатора...—все это не мирило Тихомирова съ перспективой скучной и—„при многочисленномъ семействѣ" — неизбѣжно голодной жизни эмигранта. Таковъ, по моему, психологическій мотивъ знаменитой измѣны, а якобинскія теоріи

облегчили скачокъ отъ вожделѣній къ дѣлу. Я думаю, онъ разсчитывалъ по меньшей мѣрѣ на постъ неоффиціальнаго министра, оставшійся за смертью Каткова вакантнымъ. Реакціонная клика встрѣтила его однако недружелюбно... Но время но терпѣніе, но трудъ все перетрутъ.

5-ое ноября. Мы съ Ев. живемъ въ „больницѣ", бывшей нѣкогда „харчевкѣ". Отъ прочихъ камеръ она отличается тѣмъ, что въ ней вмѣсто наръ кровати. Въ случаяхъ острыхъ заболѣваній, при необходимости постояннаго ухода и наблюденія врача, помѣщающагося въ нашей же камерѣ (тутъ же аптека), кто-нибудь по добровольному желанію или по жребію уступаетъ свою кровать больному. Но публика такъ привыкла къ своимъ камерамъ, что не рѣдко заболѣвшій предпочитаетъ не переходить въ больницу (какъ то было, напр., съ Ст—мъ при воспаленіи легкихъ, или съ Ѳ—мъ). Кромѣ частныхъ маленькихъ столиковъ, находящихся во владѣніи двухъ сосѣдей по кроватямъ, посрединѣ камеры стоитъ общій большой столъ надъ которымъ виситъ на блокахъ лампа съ огромнымъ абажуромъ. Мы занимаемъ уголъ, превративъ его при посредствѣ занавѣсокъ въ уютную маленькую „Швейцарію", какъ называетъ публика наше мѣсто. У насъ своя миніатюрная лампочка, которую мы зажигаемъ, если за общимъ столомъ слишкомъ тѣсно и шумно (керосинъ покупаемъ на эквивалентъ). Встали сегодня по обыкновенію поздно, послѣ повѣрки, какъ и большинство, впрочемъ, въ нашей камерѣ. Напились кирпичнаго чаю (безъ молока) съ ржанымъ казеннымъ хлѣбомъ. Евг. недовольный моимъ медленнымъ исправленіемъ его перевода изъ Уффельмана, усѣлся за эту работу. При дѣятельномъ, хотя и непрошенномъ участіи З—скаго, я занялся поркой и кройкой казенныхъ вещей для передѣлки ихъ въ болѣе удобоносимый костюмъ для себя и Евг. Въ коридорѣ уже третій день торчитъ головобрѣй; но ему чаще приходится стричь, чѣмъ брить: охотниковъ уродовать свою голову находится немного. Теперь къ этой операціи не принуждаютъ, а потому предпочелъ и я отъ нея уклониться.

Пришла редакція, засѣдающая сегодня въ нашей камерѣ. Она состоитъ изъ Пр—ва, какъ свѣдущаго въ медицинской терминологіи, Р—скаго, какъ хорошо знающаго нѣмецкій языкъ, и С—ча, весьма недурного стилиста, а главное охотно и аккуратно исполняющаго всякую общественную функцію. За столикомъ у Б—ва расположились винтеры: самъ хозяинъ, Пашковскій, Н—кій и Д—ко. Они знаютъ, что ихъ могутъ попросить убраться, дабы не мѣшать редакціоннымъ занятіямъ, а потому волненія своихъ чувствъ стараются выражать больше шепотомъ и жестикуляціей. Подошелъ къ форточкѣ староста и прокричалъ обычное: „кому чего?“ Б—говъ потребовалъ бутылку мадеры, на что получилъ въ отвѣтъ, что „вина отъ Елисѣева еще не получены“. Я заказалъ двѣ плитки чая, проигранныя мною Я—чу, доказавшему „печатными источниками“, что слово *толпа* во множественномъ числѣ поэты пишутъ— *толпы* и *толпы*. Пашковскій заказалъ на 2 су сахару съ просьбой передать Ивану Колюжному, какъ карточный проигрышъ. Всѣ эти требованія староста записалъ въ свою тетрадку. На заключительное „больше никому ничего?“ никто не отозвался, и форточка захлопнулась.

Не мало старостъ перемѣнилось съ основанія государственной тюрьмы на Карѣ; но *„кому чего?“* оставалось неизмѣннымъ, иногда лишь варіируясь въ *„чего кому?“* Одинъ В—ло, всегда державшійся смѣлыхъ и крайнихъ взглядовъ, рискнулъ пойти противъ рутины, и въ его „президентство“ въ ушахъ публики стало раздаваться непривычное *„что кому нужно?“*

Вслѣдъ за старостой въ форточкѣ показалась дѣтская мордочка Ч—ва, огласившая камеру присвоеннымъ его званію выкрикомъ: „изъ библіотеки что нужно?“ „Ничего, кромѣ вашего расположенія“, отвѣчаютъ ему разомъ нѣсколько голосовъ, и мордочка скрывается безъ реплики, ибо слышитъ этотъ самый отвѣтъ ежедневно. На сей разъ библіотекарь ретировался благополучно: его никто не схватилъ за носъ, что всегда, но безрезультатно приводитъ бѣдняжку въ негодованіе, такъ

какъ подобныя шутки, при отправленіи имъ общественной обязанности, онъ считаетъ неумѣстными.

Къ двумъ часамъ въ тюрьмѣ начинаетъ обнаруживаться нѣкоторое волненіе, проявляющееся въ усиленномъ движеніи по камерамъ и коридору. Все чаще и чаще слышатся вопросы: „Скоро ли обѣдъ?“ „Не знаете ли, что сегодня на обѣдъ“. Но вотъ появляются кухонные дежурные съ большими жестяными кубышками въ рукахъ: разносятъ кипятокъ. Напряженное ожиданіе все больше и больше возрастаетъ, и прекращается лишь тогда, когда въ камеру влетаетъ раскраснѣвшійся отъ кухонной жары, въ засаленномъ передникѣ, Хр—овъ, неся передъ собой деревянный бакъ: онъ почти швыряетъ его на общій столъ посреди цѣлой батареи частныхъ обѣденныхъ чашекъ, металлическихъ, глиняныхъ, деревянныхъ. Хр—овъ на этой недѣлѣ главнымъ поваромъ, слѣдовательно, постороннему опасно показаться на кухнѣ: семь дней Хр—ву полагается кипятиться, ругаться, злиться; только въ субботу вечеромъ, вымывшись въ банѣ, послѣ третьяго пара онъ приходитъ въ нормальное состояніе. М—въ (разливальщикъ въ нашей камерѣ), поболтавъ ложкой въ бакѣ, торжественно провозглашаетъ: „супъ *съ каждымъ имѣетъ*“ (съ кускомъ вареннаго мяса для каждаго). Обѣдъ длится недолго, при громкихъ, давшихъ теперь себѣ волю, картежныхъ изліяніяхъ.

Недоѣвшіе свою порцію сваливаютъ остатки въ чашку З—скаго, у котораго, такимъ образомъ, пища не переводится, и согласно его теоріи, подвергшись броженію, наилучшимъ образомъ усваивается его желудкомъ въ какомъ угодно количествѣ. Послѣ обѣда движеніе въ тюрьмѣ на нѣкоторое время прекращается; на дворѣ, въ коридорѣ пусто: публика перекочевываетъ на нары или, какъ у насъ, на кровати. Но Ваничкѣ не лежится и не сидится: онъ уже тутъ какъ тутъ съ своими тетрадями, притащилъ съ собой Р—скаго и тормошитъ сладко дремлющаго въ своей постели П—ва.

Меня также Ев. усаживаетъ за поправку его доли перевода. Мое вниманіе недолго однако сосредоточивается на этомъ

дѣлѣ. Камеры цѣлый день не заперты. Нынче, съ тѣхъ поръ, какъ сталъ смотрителемъ Голубцовъ, жандармы развольнодумничались. Для занимающихся это даже не совсѣмъ удобно: двери вѣчно поскрипываютъ на своихъ ржавыхъ петляхъ. Одинъ войдетъ за ножницами или за утюгомъ, другой къ Пр—ву за какимъ-нибудь лѣкарствомъ, третій такъ себѣ, безъ всякаго дѣла: прогуляется, заложивъ праздныя руки назадъ, кругомъ стола и, разочарованный, не нашедши ничего интереснаго, побредетъ въ другую камеру.

Вотъ, напримѣръ, появляется Ду—ба, миніатюрный, добродушный полякъ. Онъ пришелъ по чьему-то порученію къ Пр—ву просить лекарства, успѣвъ по-пути забыть, какъ оно называется по-русски, а польскаго его названія никто не можетъ понять. „Таке бяле, пшезрачисте, цо до фарбы потшебуенъ". Что бы это могло быть? Въ рѣшеніи этого вопроса принимается всеобщее участіе. Кстати явившійся Мечикъ объясняетъ загадку, означающую ни что иное, какъ квасцы. Мин—ій (прекрасный юноша изъ галицiйской Польши) принесъ мнѣ вазоны подъ цвѣты собственнаго издѣлія. Онъ и М—скій занялись горшечнымъ производствомъ, обжигаютъ и покрываютъ поливой въ банной печкѣ.

Только что я снова взялся за карандашъ, какъ дверь съ шумомъ распахнулась, стуча болтающимся у пробоя огромнымъ замкомъ: влетаетъ Санковскій. Онъ нервно крутитъ дрожащими пальцами папиросу, оглядываясь по сторонамъ, у кого бы закурить. Его очевидно что-то волнуетъ, онъ ищетъ предлога затѣять разговоръ, но никто ему этого предлога дать не желаетъ: всѣ опасаются, чтобы при его раздражительности и легкой воспламеняемости разговоръ не принялъ слишкомъ остраго характера. Потерпѣвъ неудачу, Санковскій стремительно удаляется изъ камеры. А—нъ тотчасъ же выбѣгаетъ вслѣдъ за нимъ въ коридоръ узнать, что такое произошло. Онъ вскорѣ возвращается съ довольной улыбочкой обладателя новости, которую съ свойственной ему обстоятельностью и докладываетъ присутствующимъ. Оказывается, что въ „синедріонѣ" у Санковскаго съ Б—ко, состоящихъ въ „неговореніи" вышло словесное „перекосердіе", не перешедшее въ дѣйствіе лишь благодаря вмѣшательству сокамерниковъ. Въ концѣ концовъ Санковскій заявилъ, что при дальнѣйшемъ пребываніи вмѣстѣ съ Б—ко онъ не ручается за скандалъ и проситъ сожителей похлопотать о принятіи его, Санковскаго, въ какую-либо другую камеру. Поднимается оживленный говоръ, въ которомъ публика высказываетъ свои замѣчанія по поводу инцидента. Всѣ соглашаются, что такихъ вздорныхъ личностей, какъ Санковскій, Л., М. Д., Б., О—ій слѣдуетъ проучить. Пусть ни одна камера не принимаетъ ихъ къ себѣ, если кто изъ нихъ изъ-за устроеннаго имъ скандала вынужденъ будетъ искать другого помѣщенія. Это единственное средство заставить ихъ быть уживчивѣе, средство, съ успѣхомъ испытанное на С—и. Невозможнѣе сожителя трудно было найти, а вотъ же послѣ годового всеобщаго бойкота шелковымъ сталъ. Санковскій—человѣкъ съ крайне развинченными нервами; онъ страдаетъ болѣзнью противорѣчія, часто приводящаго его къ столкновеніямъ по самымъ пустячнымъ поводамъ. Эта же черта порою ставитъ его въ потѣшное положеніе, заставляя отрицать самые безапелляціонные авторитеты. Однажды Иванъ Колюжный къ чему то упомянулъ отца нашего Буха, назвавъ его 75-тилѣтнимъ старикомъ.

Санковскій (съ негодованіемъ).—Отцу Буха 75 лѣтъ? Ему по меньшей мѣрѣ 90.

Колюжный.—Что вы плетете! Ну, спросимъ вотъ Буха. Кому же знать лучше, какъ не ему.

Бухъ лежитъ тутъ же, уткнувши носъ въ книгу, по счастливой способности ничего не слыша и не замѣчая, что вокругъ происходитъ.

Санковскій (презрительно).—Что мнѣ вашъ Бухъ!

Фраза эта стала классической и вошла во всеобщее употребленіе. Но при всемъ томъ среди себѣ подобныхъ по неуживчивости Санковскій выгодно отличается благородствомъ своей натуры и, такъ сказать, идейностью вѣчно пламенѣю-

щаго негодованія. Идейность его несложная, не Богъ вѣсть какой глубины, сводится она къ простой истинѣ, что всякое начальство отъ наивысшаго до жандарма—сволочь, съ которой нужно воевать, не щадя живота, до послѣдняго издыханія. И, предоставленный самому себѣ, Санковскій, несомнѣнно, показалъ бы примѣръ безукоризненной послѣдовательности въ своемъ образѣ дѣйствій.

Вечерѣетъ. Третье и послѣднее явленіе кухонныхъ дежурныхъ съ кубышками и горячими углями въ совкахъ. Николаичъ (хлѣборѣзъ) разноситъ „стопки" хлѣба къ вечернему чаю, надѣляя любителей горбушками, причемъ уличается Нр—мъ, получившимъ корявую горбушку, въ лицепріятіи по отношенію къ Галасю. Старикъ протестуетъ, увѣряя, что всѣ хохлы одинаково милы его сердцу, а ужъ что касается кацаповъ, одурманившихъ горѣлкой Богдана Хмѣльницкаго и такимъ недостойнымъ путемъ... и прочая, и прочая, то... Подзадоренный замѣчаніемъ Капитана, что хохлы пропили свою Украйну, Николаичъ излагаетъ „истинную" исторію Переяславскаго договора по источникамъ, доселѣ никому неизвѣстнымъ. Но и тутъ, какъ всегда, поперекъ дороги хохлу сталъ кацапъ въ лицѣ жандарма, появившагося на порогѣ, приглашая внести парашки. Это обстоятельство разстроило ходъ исторической аргументаціи увлекшагося Николаича и лишило его единственнаго слушателя Б—ва, который, будучи въ этотъ день дежурнымъ по камерѣ, долженъ былъ заняться смазкой парашекъ дегтемъ и водвореніемъ ихъ на ночь за печку. Жандармъ звякнулъ ключами и заперъ камеру, значитъ—скоро повѣрка. А—нъ М. зажигаетъ общую лампу, освѣтившую на столѣ бакъ съ сырой картошкой, при видѣ которой въ публикѣ раздаются возгласы неудовольствія. Д—ко выражаетъ сомнѣніе, точно ли наша очередь сегодня чистить; мы вѣдь позавчера отправляли эту повинность. Сомнѣніе подхватывается другими и быстро переходитъ въ увѣренность въ нарушеніи поварами гарантированныхъ конституціею нашихъ правъ. Адріанъ становится у форточки караулить возвращеніе изъ

кухни Хр—ва, чтобы выяснить этотъ вопросъ. Въ результатѣ никакого выясненія не получилось. Хр—въ разгорланился на весь коридоръ, обвиняя больницу въ давно всѣмъ извѣстномъ отлыниваніи отъ общественныхъ работъ. А—нъ, не выносящій крупныхъ разговоровъ, захлопнувъ форточку, спѣшитъ ретироваться. Онъ предлагаетъ сомнительную картошку сегодня вычистить, а завтра произвести тщательное разслѣдованіе и потребовать возстановленія правильности очередей, буде таковая нарушена. За чисткой картошки П—къ дочитываетъ вслухъ всѣмъ надоѣвшій романъ „Золотой фонтанъ". За этимъ скучнымъ занятіемъ просидѣли около часу; картошка мелкая, а чистильщиковъ мало, ибо С—и и З—ій—первый на правахъ получающаго больничную порцію, а второй—по убѣжденію въ непріятности для него всякой работы,—участія въ чисткѣ не принимали. Кончили, наконецъ, помыли руки и, повытаскавъ изъ-подъ подушекъ чайники, принялись чаевать. Н—ій возбуждаетъ вопросъ о выборѣ чего-нибудь для дальнѣйшаго общаго чтенія за картошкою.

Въ каждой камерѣ заведено картошечное чтеніе. Въ синедріонѣ, благодаря агитаціи Ѳ—а, съ цѣлью возбужденія почтительныхъ чувствъ къ своему отечеству, а также уваженія и удивленія къ добротѣ и демократизму русскихъ царей, отважились превозмочь „Исторію Россіи" Соловьева. Въ дворянкѣ, въ этой антипатріотической, шумной, веселой камерѣ, читаютъ Щедрина. *Якутка*, за невозможностью придти къ опредѣленному соглашенію, а паче всего—дабы имѣть всегда про запасъ готовый поводъ погалдѣть, читаетъ что-нибудь коротенькое, каждый разъ подвергая вопросъ о выборѣ крикливому обсужденію. Въ *Волости*, по иниціативѣ Як—а имъ же, съ необычайнымъ пафосомъ, вотъ уже больше мѣсяца декламируется Достоевскій. У насъ раньше слушали въ прекрасномъ чтеніи капитана Исторію въ біографіяхъ Костомарова, потомъ перешли къ Успенскому. Покончивъ съ послѣднимъ, какъ-то не могли затѣмъ ни на чемъ согласиться. Въ этотъ-то „несогласный" періодъ кто-то порекомендовалъ „Золотой фон-

танъ“, обративъ на него вниманіе публики единственно именемъ переводчика этого романа—Сергѣя Кравчинскаго. И на сей разъ на чемъ-нибудь одномъ остановиться не удалось, а потому капитанъ предложилъ предоставить рѣшеніе дѣла комиссіи, съ исключеніемъ, однако, выбора въ нее Дейча, въ виду опасности подвергнуться слушанію чего-нибудь „мухоморнаго“ въ родѣ Маркса или „Стат. Сб. Моск. Земства“. Дейчъ, въ свою очередь, предъявилъ право отвода по отношенію къ капитану, вслѣдствіе ограниченности его вкусовъ областью забористыхъ романовъ, а по части серьезной литературы—„Инженернымъ журналомъ“ и „артиллеріей“ Пашкевича. Было предъявлено еще нѣсколько отводовъ, такъ что проектъ комиссіи представлялся неосуществимымъ, и вопросъ такъ и остался открытымъ.

9 часовъ вечера. Въ концѣ стола (на середину его, подъ самой лампой, имѣютъ преимущество занимающіеся) Н—ій и Титъ Ильичъ „плетутъ лапти“ за шахматной доской; оба „сапоги“, кое-какъ передвигающіе фигурами. За спинами ихъ стоятъ Б—въ и капитанъ, подымая на смѣхъ каждый ихъ ходъ. „Сиріусы“ уже въ постеляхъ, они ворчатъ, что громкій хохотъ и „гостровуміе“ Галася не даетъ имъ спать.

11-й часъ. Сидимъ только я, С—и, П—въ и З—ій, каждый надъ книгой, кромѣ послѣдняго. Тюремный Эдиссонъ глубокомысленно цѣлые часы покручиваетъ свой усъ, погруженный передъ распростертымъ халатомъ въ изобрѣтеніи какого-то одѣянія невиданнаго еще фасона.

— Что-то завтрашняя почта намъ принесетъ, — расправляя спину говоритъ Пр—въ, которому надоѣло штудировать какую-то „патологическую терапію“. Вызовъ къ рекреаціонной бесѣдѣ обращенъ ко мнѣ, такъ какъ съ остальными сидящими за столомъ П—въ въ говореніи не состоитъ.

— Принесетъ кучу газетъ, мало писемъ и больше всего обманутыхъ ожиданій, — отвѣчаю я, зѣвая во весь ротъ.

Приходъ почты — самый оживленный въ тюрьмѣ день. Вѣчно ждешь съ ней чего-то радостнаго, ободряющаго на-

дежды на будущее и вѣчно разочаровываешься. Только тотъ, кто провелъ многіе годы въ заключеніи, можетъ рѣшить мудреную задачу: что лучше? — ждать и не дождаться, или имѣть и потерять?—И то, и другое онъ испыталъ, и то, и другое, онъ скажетъ, хуже... Такъ прошелъ ничѣмъ незамѣчательный день въ карійской тюрьмѣ 5-го ноября 1889 года.

12-ое ноября. Позавчера вернулся изъ кухни. Нашей группѣ (я, Ев., Я—ъ и Н—й) пришлось въ ту же недѣлю дежурить и по банѣ. Вывозили главнымъ образомъ Ев. и Н—й. Между дѣломъ, а отчасти и за дѣломъ, съ немалымъ, впрочемъ, ущербомъ для онаго, предавались воспоминаніямъ объ „Исп. Ком.“, о „Черномъ Передѣлѣ“ и вообще о товарищахъ по революціи. Наибольшимъ вниманіемъ въ нашихъ воспоминаніяхъ удостоилась Марія Никол. *) Всѣ мы соглашались въ оцѣнкѣ ея личности, какъ одной изъ выдающихся женщинъ въ движеніи. Н—й (въ качествѣ старосты обѣдающій на кухнѣ), временами принимавшій участіе въ нашихъ бесѣдахъ, не соглашался съ нами и отводилъ ей мѣсто далеко не въ первыхъ рядахъ. Главный ея недостатокъ—узость міросозерцанія и якобинская широта въ выборѣ средствъ. Въ извѣстные моменты революціонной борьбы этотъ недостатокъ является однако большимъ достоинствомъ. Ея общественно-политическіе взгляды поверхностны, образованіе, какъ у большинства изъ насъ, средственное и діалектикъ она плохой. Сила ея въ способности вліять на людей, вѣрнѣе сказать—на мужчинъ. Она не пользовалась нѣжными симпатіями въ кругу своей компаніи, тѣмъ не менѣе авторитетъ ея стоялъ высоко. Да и она тоже ни къ кому, кажется, особенной привязанности не питала. Никогда нельзя было замѣтить, чтобы ее разстроилъ арестъ близкаго по дѣлу человѣка. Къ нѣжнымъ чувствамъ между нѣкоторыми изъ сочленовъ она относилась презрительно; по ея мнѣнію, въ значительной степени, конечно, вѣрному, —

*) Умерла въ Парижѣ подъ фамиліей Марина Полонская. (Вычиталъ въ лондонскомъ изданіи „Свобод. Россія“.)

это чувство на половину отымало людей отъ дѣла. Изъ своихъ сотоварищей она цѣнила и уважала весьма немногихъ (Желябовъ, Ал. Михайловъ). Составъ же „Исп. Ком.“ послѣ 1-го марта третировала самымъ непочтительнымъ тономъ. Кромѣ Вѣры Фигнеръ и отчасти Грачевскаго она ни въ комъ не видѣла необходимыхъ для такого высокаго революціоннаго положенія достоинствъ. Въ Тихомировѣ она признавала нужнаго литератора и хранителя завѣтовъ выбывшихъ изъ строя столповъ терроризма. Л. М. Таллаловъ, Богдановичъ, Халтуринъ и Л. были постоянными предметами ея фырканья и непочтительной третировки. Никого изъ нихъ она не считала годными даже въ агенты, а не то что въ члены правительствующаго комитета; только С. Златопольскій могъ бы быть еще сноснымъ агентомъ. Страсть ея къ бюрократическимъ пріемамъ была такъ велика, что достаточно было поиграть на этой ея слабой стрункѣ, чтобы заслужить ея расположеніе. Н—й, нашъ теперешній староста, о которомъ она отзывалась съ гримасой, сразу поднялся въ ея глазахъ, приславъ ей докладъ о положеніи дѣлъ въ Саратовѣ по всей формѣ канцелярскаго рапорта. Привлечь въ „Исп. Ком.“ чиновныхъ людей высшаго ранга, а въ особенности военныхъ не ниже подполковника—это ея всегдашняя мечта. Для достиженія этой цѣли она готова была на какія угодно программныя уступки; но уступать какимъ-нибудь жалкимъ черно-передѣльцамъ, безъ чина, безъ положенія, о,—это приводило ее въ изступленіе. Агенты ея производства большими достоинствами не отличались, но повиновались ей безпрекословно.

Вотъ она, Марія Николаевна, одна изъ самыхъ прочныхъ свай, на которыхъ зиждилось столь долго таинственное для правительства и общества сооруженіе—„Исп. Ком. Нар. Воли“.

Мы слишкомъ увлеклись обсужденіемъ достоинствъ и недостатковъ нашей героини: подъ плитой огонь совсѣмъ потухъ, котлеты для больныхъ высохли, какъ подошвы, а посуда стояла немытая. Б—въ, нашъ главный поваръ, ждалъ, когда же мы наконецъ кончимъ и самъ кончилъ тѣмъ, что

обругалъ... не насъ, а предметъ нашихъ воспоминаній. Но при первомъ удобномъ случаѣ,—удобномъ, впрочемъ, по нашему, а не съ точки зрѣнія нашего хозяина по кухнѣ,—мы снова принимались за свое.

Мы помянули добрымъ словомъ Таллалова, этого симпатичнѣйшаго революціонера послѣдней формаціи. Его дѣятельность главнымъ образомъ протекла среди студенческой молодежи, гдѣ онъ былъ очень любимъ и популяренъ. Это былъ неглупый, простой и добрый человѣкъ, къ которому никакъ не прививались важность и величавость, подобающія его генеральскому сану. *) Не въ примѣръ своимъ современникамъ-товарищамъ, онъ сохранилъ въ образѣ жизни пуританизмъ дѣятелей начала 70-хъ годовъ. Эта черта бросалась въ немъ въ глаза тѣмъ болѣе, что съ тѣхъ поръ какъ движеніе изъ деревни перекочевало въ города, принявъ сознательную политическую окраску, скромность и неприхотливость революціонера, что касается себя лично, смѣнилась буржуазной „приличной“ внѣшностью. Явившаяся необходимой въ интересахъ полицейской безопасности „приличная“ обстановка мало-по-малу у нѣкоторыхъ стала переходить за предѣлы нужныхъ въ этомъ отношеніи аппарансовъ. Въ то время, когда А. устраивалъ свиданія въ московскомъ Эрмитажѣ, въ одинъ вечеръ выбрасывая 50 руб., Таллаловъ и въ мѣсяцъ не проживалъ на себя такой суммы. Его всегда шокировала подобная расточительность на общественный счетъ; но, будучи мягкимъ по натурѣ, онъ предоставлялъ жить другимъ, какъ имъ угодно, а самъ считалъ своею обязанностью сокращаться до возможнаго минимума, чувствуя себя отвѣтственнымъ за каждый издержанный рубль. Онъ и умеръ въ Петропавловкѣ вскорѣ послѣ суда отъ обострившагося катарра желудка.

Вспомнили Халтурина,—эту жертву собственной славы, выведшей его въ члены „Исп. Ком.“, въ которомъ, въ мое время по крайней мѣрѣ, онъ чувствовалъ себя угнетенно; больной (у

*) Членъ „Исполн. Комит.“

него по всѣмъ признакамъ была чахотка) онъ не хотѣлъ однако, ѣхать отдохнуть за границу, къ чему я всячески старался его склонить. Онъ соглашался сдѣлать это лишь послѣ убійства Стрѣльникова, если ему посчастливится при этомъ не погибнуть.

И мало ли о комъ еще и о чемъ вспоминали.

Между прочимъ оказалось, что репримандъ по адресу судившихся въ процессѣ 17 былъ напечатанъ въ бытность Я—ча въ организаціи „Нар. Воли", репримандъ за недостаточно революціонныя рѣчи противъ самодержавія на судѣ былъ написанъ Тихомировымъ; тѣмъ самымъ Тихо—мъ, который уже до 1-го марта пересталъ быть революціонеромъ, тѣмъ самымъ Тихо—мъ, который нынѣ славословитъ самодержавію, будучи убійцей царя за то, что царь былъ самодержавнымъ.

13-ое ноября. Переводъ Уффельмана *) законченъ, переписанъ и отправленъ, запечатанный въ пирогъ, вольнокомандцамъ, а тѣ уже отошлютъ его въ Петербургъ. Послѣ инцидента съ М—ковымъ „голуби" до сихъ поръ летать не рѣшаются. Почту изъ женской тюрьмы получили черезъ П—ва, котораго водили за пали къ „заболѣвшему" Лозянову. Женщины уже съ мѣсяцъ, какъ переведены изъ Усть-Кары на отрядъ (въ 4 верст. отъ нашей т.). Здѣсь онѣ помѣщаются въ двухъ камерахъ, по 5 человѣкъ въ каждой. Обѣ партіи (мирная и воинственная) имѣютъ возможность почти что не встрѣчаться, такъ какъ у каждой изъ нихъ своя особая кухня. Новоприбывшія, С—ва и Д—на, больше склоняются на сторону воинственныхъ, но пока не прерываютъ сношеній и съ другой компаніей. Послѣдняя подъ ихъ воздѣйствіемъ подала наконецъ запоздалое заявленіе въ нашемъ духѣ. На заявленіе же Ковалевской, Смирницкой и Колюжной уже пришелъ отвѣтъ изъ Читы. Губернаторъ принимаетъ къ свѣдѣнію ихъ жалобу, но по поводу требованія удалить Мосюкова иронически замѣчаетъ, что правительство удерживаетъ за собой право на-

*) „Дѣтская гигіена".

значать и смѣнять своихъ чиновниковъ. Получена также отвѣтная бумага отъ начальника ирк. жанд. упр. фонъ-Плотта. Онъ обѣщаетъ пріѣхать и разсмотрѣть дѣло на мѣстѣ, а на требованіе женщинъ—запретить коменданту являться къ нимъ—заявляетъ, что такого распоряженія сдѣлать не можетъ, такъ какъ комендантъ обязанъ посѣщать заключенныхъ и, въ случаѣ нанесенія ему при этомъ какого-нибудь оскорбленія, виновныя подвергнутся отвѣтственности. Затѣмъ доводитъ до свѣдѣнія просительницъ, что заявленіе ихъ отправлено въ департ. госуд. полиціи. Лешернъ пишетъ, что М. Ковалевская въ особенности довольна послѣднимъ обстоятельствомъ. Она увѣрена, что изъ Питера предпишутъ общія репрессивныя мѣры, которыя явятся заслуженнымъ вознагражденіемъ мужской тюрьмѣ за ея „благонамѣренное" поведеніе.

Ев. получилъ наконецъ давно жданное письмо отъ В. *) Письмо, какъ и всегда, очень милое, но скупое на содержаніе. Бѣдняга Жоржъ **) снова заболѣлъ. Смерть влюбчива въ талантливыхъ людей. Но мы съ Ев. молимъ боговъ всѣхъ существующихъ религій—сохранить его для жизни, какъ можно дольше. А—нъ за границей, совсѣмъ уже сѣдой, но все такой же отчаянный идеалистъ. Онъ не раздѣляетъ соц.-демократизма В. и Жоржа, „но если бы,—говоритъ Вѣра,—онъ пожилъ съ нами побольше, то по своей умственной честности непремѣнно оцѣнилъ бы истинное значеніе нашихъ взглядовъ". Онъ былъ прелестенъ, этотъ маленькій, симпатичный идеалистъ. Мнѣ нравился его „не научный" идеализмъ. Эта вѣра въ человѣческую природу, а не въ слѣпую силу вещей, дѣйствуетъ заразительно и, помимо сознанія людей, улучшаетъ нравственное содержаніе. Идеализмъ въ этомъ смыслѣ—часто не умный, но благородный,—право же имѣетъ свое—и не малое — значеніе, какъ факторъ въ совершенствованіи человѣчества. А потому, да здравствуетъ Іоська А—нъ!

*) Вѣра Ивановна Засуличъ.
**) Г. В. Плехановъ.

17-ое ноября. Читали вслухъ продолженіе статьи Кенана въ переводѣ Ив. Вас. Колюжнаго. Эти номера „XIX Century“ мы получаемъ контрабандою изъ Нерчинска. Статья трактуетъ о состояніи сибирскихъ тюремъ. Черезчуръ много мѣста удѣлено всякимъ хитрымъ способамъ сообщеній между собою политическихъ заключенныхъ. Авторъ видѣлся со многими ссыльными и получилъ отъ нихъ подробныя свѣдѣнія, не-всегда, впрочемъ, точныя. Статьямъ не достаетъ системы. Характеръ ихъ скорѣе легкой публицистики, чѣмъ серьезный. Въ патетическихъ мѣстахъ слѣдовало бы взять двумя—тремя нотами ниже. Въ общемъ всетаки статья хорошая; перевираній и непопаденій для иностранца, пишущаго о Россіи—очень мало.

23-е ноября. Третій день съ утра до поздней ночи непрерывная картежная игра. Собралась несчастная компанія, которая ни въ чемъ, кромѣ этого занятія, развлеченія для себя найти не можетъ. Позавчера уже за полночь подняли такой гвалтъ, что спящіе испуганно повскакали и, разобравъ въ чемъ дѣло, стали ругаться. Сейчасъ шумятъ болѣе или менѣе тихо. Если бъ ученое ухо Ломброзо подслушало жаргонъ, на которомъ происходятъ ихъ препирательства, изобрѣтатель Homo delinquente пришелъ бы въ восторгъ и не преминулъ бы отпечатать физіономіи игроковъ въ своей книгѣ. Но позвольте, Signor Professore! Д. и Н. я, пожалуй, готовъ вамъ уступить, а на счетъ Б—ва и К—на ошибетесь. Д. надоѣлъ мнѣ, да и всей камерѣ, своимъ карточнымъ азартомъ. Берите его, куда ни шло! Н. станутъ отстаивать карійскіе купцы, относящіеся съ большимъ почтеніемъ къ его коммерческой изворотливости, но въ тюрьмѣ онъ нерадиво исполняетъ обязанности старосты. И этого можете, пожалуй, получить. Б—ва же, не смотря на чрезмѣрно прокисшій россійскій патріотизмъ, хорошій лѣнивый хохлюга и добрый товарищъ. А капитанъ, вопреки своей надоѣдливой говорливости, среди тюремныхъ обитателей — не безынтересная и въ то же время одна изъ несчастнѣйшихъ личностей. Попалъ онъ на 20 лѣтъ каторги

по странному, но весьма обычному у насъ недоразумѣнію. И то лишь его не повѣсили благодаря подачѣ просьбы о помилованіи послѣ приговора къ смертной казни. Никакихъ за нимъ дѣловъ не было, и судя по тому, какъ онъ всегда высказывается, его благонадежность въ полномъ порядкѣ. Ни противъ правительства, ни противъ существующаго строя вообще онъ рѣшительно ничего не имѣетъ.

Мало того, по его сужденію, всякій иной строй былъ бы гораздо нелѣпѣе настоящаго. Онъ — знающій инженеръ, страстно любитъ свою спеціальность, и, въ виду финансовыхъ затрудненій Вышнеградскаго, былъ бы весьма полезнымъ и честнымъ строителемъ портовъ и фортовъ. Онъ любитъ поговорить, а еще больше—спорить; но задирательскихъ повадокъ у него нѣтъ. Онъ смѣло выступаетъ на ратоборство даже въ области незнакомыхъ ему предметовъ; но, не смотря на свой спорщицкій нравъ, неговореній у него мало, да и тѣ, кто съ нимъ не говоритъ, не могутъ относиться къ нему непріязненно. Онъ состоитъ добровольнымъ бухгалтеромъ при старостѣ, котораго усердно защищалъ сегодня за обѣдомъ противъ обвиненій въ преступномъ бездѣйствіи власти.

Н—ій прошелъ въ старосты вопреки желанію большинства публики. Вернувшись въ тюрьму изъ вольной команды за столкновеніе съ военнымъ карауломъ, онъ по какимъ-то соображеніямъ не пожелалъ вступить въ артель. Онъ присоединился къ ней лишь за нѣсколько дней до окончанія срока Я—чу, намѣреваясь выставить свою кандидатуру на его мѣсто. Находясь въ вольной командѣ, онъ завѣдывалъ всѣми закупками для тюрьмы и естественно могъ ожидать, что его, какъ знатока по хозяйственной части, выберутъ въ старосты. Прельщала его эта должность прежде всего потому, что сопряженныя съ нею хлопоты давали ему возможность незамѣтно скоротать немногіе мѣсяцы, оставшіеся ему до поселенія. Разсчетъ его былъ почти вѣренъ. Охотниковъ быть старостой можно пересчитать по пальцамъ одной руки, но тѣхъ, кто жаждетъ быть избраннымъ по соображеніямъ вполнѣ осно-

вательнымъ, публика выбирать не желаетъ. Я—чу съ трудомъ навязали его избраніе, на вторичный же срокъ по истеченіи узаконеннаго полугодія онъ категорически отказался.

Къ кому ни обращались,—никто не хочетъ. Въ предположеніи, что иной, можетъ быть, опасается быть проваленнымъ, рѣшили баллотировать кандидатовъ, не спрашивая предварительно ихъ желанія. Баллотировали М—ова и С—ча—отказались. Дѣлать нечего, оставалось выбирать Н—го, наименѣе неудобнаго изъ охотниковъ. Дали ему большинство 2-хъ голосовъ, при чемъ кто-то изъ непримиримыхъ написалъ на билетикѣ: „всѣмъ своимъ голосомъ противъ". Такъ какъ его выбрали на безрыбьи, то и онъ какъ бы не считалъ себя обязаннымъ излишне радѣть объ интересахъ тюрьмы. Печки всѣ безъ дверецъ, половина тепла уходитъ даромъ, а у насъ и безъ того огромный переборъ казенныхъ дровъ. Дегтю нѣтъ, парашки воняютъ отчаянно. Хлѣбъ выдаютъ горькій, недопеченый. Ко всему этому староста безъ вниманія. Вся его дѣятельность проявляется лишь въ чувствительной для публики надбавкѣ цѣнъ на продукты,—не мудреная, но испытанная всѣми министрами политика для поправленія финансовъ. Только одинъ Я—чъ оставилъ по себѣ никѣмъ не оспариваемую добрую память. Дѣйствительно, онъ былъ хорошъ и такимъ онъ былъ бы гдѣ угодно и на какомъ угодно мѣстѣ, благодаря своей счастливой натурѣ, а также своей способности,—не на всякій, впрочемъ, вкусъ привлекательной,—со всѣми ладить.

29-ое ноября. Сегодня выпущены въ вольную команду Е., Г., З. и Д. Съ наибольшимъ сожалѣніемъ тюрьма разстается съ первымъ изъ нихъ, но и отсутствіе З. нѣкоторое время будетъ замѣтнымъ, хотя и по другимъ причинамъ, гораздо менѣе для него лестнымъ, чѣмъ для Е.

Василій Степановичъ—одинъ изъ пріятныхъ сочленовъ нашего общежитія. Судьба привела его на каторгу, какъ и многихъ другихъ, не по заслугамъ. Онъ не принималъ активнаго участія въ попыткѣ освобожденія Ѳомина (Медвѣдева)

посредствомъ переодѣтыхъ жандармами Березнюка и Рашко. Вся вина его заключалась въ томъ, что онъ, будучи студентомъ харьковскаго ветеринарнаго института, предоставилъ свою квартиру организаторамъ этого предпріятія, не зная даже, для какихъ цѣлей она имъ нужна. При обыскѣ у него нашли въ печкѣ клочокъ недогорѣвшей бумаги съ фамиліею генерала Ковалинскаго (упражненіе въ поддѣлкѣ подписи). Это и послужило основаніемъ для обвиненія. Лорисъ-Меликову надо было показать, что онъ сумѣлъ накрыть не только исполнителей, но и руководителя дерзкой затѣи. Е—ва приговорили къ смертной казни. Если бы не хлопоты о его помилованіи, либеральный армяшка повѣсилъ бы неповиннаго человѣка съ полнымъ своимъ удовольствіемъ. Е—въ пошелъ на безсрочную каторгу. Впослѣдствіи государственная полиція узнала истинную степень его причастности къ дѣлу, и по манифесту 83-го года замѣнили ему вѣчную каторгу—каторгой на 12 лѣтъ. Съ этихъ поръ мрачный, нелюдимый Василій Степановичъ ожилъ. Гнетущая безнадежность смѣнилась вдругъ возможностью черезъ нѣсколько лѣтъ вернуться къ свободной жизни. Онъ сталъ общительнѣе, веселѣе, сталъ много и основательно читать. Любимый предметъ его занятій—политическая экономія. Но онъ скроменъ и не любитъ обнаруживать своихъ познаній. Натура у него чистая, прямая, нѣсколько не увѣренная въ своихъ силахъ. Его манеры, его сжатая, порывистая, мѣткая рѣчь постоянно вызываютъ въ моей памяти образъ В. Если Якутка его не сломитъ, если онъ не сопьется, къ чему, кажется, предрасположеніе у него есть, онъ не проведетъ жизнь безъ добраго слѣда.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ Янъ Ивановичъ. Это способный, молодой парень неизвѣстной національности,—не то полякъ, не то жмудинъ. Но къ несчастью (онъ-то думаетъ -наоборотъ) его способную голову черти избрали мѣстомъ для игры въ чехарду. По профессіи онъ желѣзно-дорожный рабочій, образованія не получилъ, но въ тюрьмѣ нахватался обрывковъ познаній по всевозможнымъ областямъ. Своей спеціальностью

сначала онъ считалъ химію, которую, благодаря недюжинной памяти, вызубрилъ по руководству Менделѣева. Затѣмъ онъ восчувствовалъ призваніе къ военнымъ наукамъ и выписалъ на эквивалентъ „курсъ артиллеріи“ Пашкевича. Все бы это еще куда ни шло. Но бѣдняга возмнилъ себя геніальнѣйшей личностью, въ сравненіи съ которой вся окружающая его публика не болѣе, какъ жалкая посредственность; онъ же, Янъ Ивановичъ, ничѣмъ не уступитъ самымъ умнѣйшимъ людямъ въ Европѣ. Нѣтъ вопроса, который казался бы ему выше его компетентности. Говоритъ онъ съ апломбомъ о чемъ угодно, критикуетъ безпощадно кого угодно: Гете—такъ Гете, Лавуазье—такъ Лавуазье, Пастеръ—такъ Пастеръ,—все ему ни по чемъ. Безпардонная „Якутка“ *), если ей скучно, заводитъ Яна Ивановича, какъ шарманку. Цѣлые часы онъ говоритъ, говоритъ неумолкаемо, стараясь заглушить своимъ голосомъ всеобщій хохотъ. Смѣются надъ нимъ, потѣшаются—это ему, какъ съ гуся вода. Онъ только огрызается во всѣ стороны, уснащая свою безконечную „антимонію“ ругательными въ скобкахъ словечками: „ослы! болваны! невѣжи“! Въ свободное отъ „антимоній“ время онъ или изучаетъ курсъ артиллеріи или возится у печекъ съ тиглемъ и что-нибудь изъ чего-нибудь добываетъ. По своимъ политическимъ тенденціямъ—онъ всесокрушительный террористъ-якобинецъ. Онъ обѣщаетъ изобрѣсти такой составъ, который сразу уничтожитъ всѣхъ царей міра. Его соціальная система проста и ясна, какъ химическая формула: стоитъ ему, Янъ Ивановичу, захватить диктатуру—и человѣчество будетъ преобразовано наилучшимъ образомъ. У него есть календарь собственнаго изобрѣтенія, гдѣ пунктуально отмѣчены всѣ дни, ознаменованные политическими покушеніями и убійствами. Эти дни онъ неизмѣнно празднуетъ осьмушкой масла, плиточнымъ чаемъ или котлетой. Быть вездѣ тріумфаторомъ—въ картахъ ли, въ шахматной ли игрѣ, или въ какомъ-нибудь нелѣпомъ спорѣ—это его насущ-

*) Камера.

ная потребность; въ противномъ случаѣ, онъ чувствуетъ себя несчастнымъ.

Когда стало извѣстнымъ, что въ числѣ представленныхъ къ выпуску въ вольную команду есть и З—ій, Янъ Ивановичъ возмутился. Какъ! Его, опаснѣйшаго изъ террористовъ, рѣшаются выпустить изъ тюрьмы! Онъ ни за что не выйдетъ по милости какого-нибудь Мосюкова. А если его выведутъ силой, онъ найдетъ способъ вернуться обратно. Возможно ли? Его, Яна Ивановича, аттестовать на хорошемъ счету! Онъ не позволитъ оскорблять себя такимъ образомъ; онъ не оставитъ этого безъ послѣдствій. Правительству придется раскаяться! Но нѣтъ, это немыслимо. Тутъ просто какая-то ошибка. Начальство вовсе не такъ глупо, оно прекрасно знаетъ своихъ враговъ. Кого-кого, а ужъ Яна Ивановича не выпуститъ изъ своихъ рукъ.

— Хотите на пари?

— На фунтъ сахару? Извольте.

— Вы на полъ-фунта чаю?

— Сколько угодно.

— Вы тоже? Очень пріятно.

Прошло два мѣсяца, и вотъ сегодня Янъ Ивановичъ, безъ всякихъ понужденій прикладами и безъ малѣйшаго негодованія, вышелъ въ отворенную калитку тюрьмы, проигравъ семь фунтовъ сахару и немалое число плитокъ чая. Прощаясь съ публикой, онъ многозначительно произносилъ: „Не прощайте, а до свиданія. Скоро увидимся!“ *). . . . .

За тюремными палями начнется для нихъ новая жизнь. Что-то она имъ дастъ? Что-то они внесутъ въ нее? Желалъ бы я знать, чѣмъ каждый изъ нихъ кончитъ. Но кто знаетъ?—съ перемѣной обстановки люди до неузнаваемости мѣняются, и амплитуда ихъ измѣнчивости гораздо шире измѣнчивости внѣшнихъ условій.

*) Нынѣ домовладѣлецъ въ Якутскѣ, занимается торговлей и подрядами по постройкѣ домовъ и пр. 1900 г.

Эта почта не принесла намъ ни копейки. Зато журналовъ—embarras de richesse. „Вѣстникъ Европы“, „Revue de l'hypnotisme“, „Юридическій Вѣстникъ“, „Русская Старина“, „Русскій Вѣстникъ“. Въ послѣднемъ напечатанъ разсказъ какого-то Д—ова „Въ ссылкѣ“. Авторъ изъ бывшихъ ссыльныхъ, прельстившійся лаврами Незлобина. Разсказываетъ онъ исторію, дѣйствительно имѣвшую мѣсто въ Ялуторовскѣ. Разсказываетъ бездарно, пошло, глупо. Намъ извѣстно, что факты на самомъ дѣлѣ имѣли даже болѣе безобразный характеръ. Но что-же изъ этого? Что между людьми, способными увлекаться служеніемъ высокой идеѣ, бываютъ безобразія? Бываютъ. А между неспособными къ таковому увлеченію не бываетъ? Стоитъ чуть-чуть ковырнуть ту среду, которая съ торжествующимъ злорадствомъ любитъ выставлять на обличеніе изъяны людей противоположнаго направленія,—вѣдь пахнетъ же такимъ зловоньемъ, что хоть святыхъ выноси. Конечно печально, что часто даже лучшіе образчики человѣчества созданы изъ дисгармонирующихъ частей. Объ этомъ можно скорбѣть, сожалѣть, можно даже негодовать. Но злорадствовать хотя бы на правахъ воплощенной цѣльной гармоніи„. пошлости и своекорыстія,—нѣтъ никакого основанія. Въ грязной рудѣ блестятъ крупинки золота и попадаются крупные самородки, а въ навозной кучѣ, кромѣ скотскаго помета—ничего не найдешь.

1-ое декабря. Старикъ Щедринъ распотѣшилъ „Пошехонскою Стариной“. Удивительная свѣжесть памяти и живость воспроизведенія у старика. Но по прочтеніи остается осадокъ чего-то удручающе тоскливаго. Щедринъ не всегда умѣетъ взять такой тонъ, который давалъ бы чувствовать подъ слоемъ человѣческой мерзости нѣчто по крайней мѣрѣ потенціально отрадное. Нѣтъ у него и той грустной нотки, которая, мнѣ кажется, и придаетъ сатирѣ гуманизирующее значеніе. А то пишетъ—какъ будто бы ведетъ разсказъ въ кругу пріятелей послѣ обѣда съ хорошимъ виномъ.

Интересна статья Исаева „Причины кризисовъ“. Интересна не столько своимъ содержаніемъ, сколько своимъ появленіемъ

на страницахъ „*Вѣстника Европы*“. Пріятно и весело читать въ этомъ журналѣ такія мысли, какъ то, что частная собственность есть переходная форма въ экономическомъ строѣ жизни, что развитіе мысли и ходъ вещей ведетъ къ переходу земли и другихъ орудій труда въ завѣдываніе государства. А давно ли соціалистическія идеи трактовались „Вѣстникомъ Европы“, какъ утопическія бредни. Таково свойство великихъ идей; онѣ незамѣтно впитываются въ мозги, насквозь зараженные сословными предубѣжденіями и рутиной. Теперь мы наблюдаемъ въ этомъ журналѣ весьма замѣтное отклоненіе отъ шаблоннаго либерализма въ сторону катедеръ-соціалистическихъ тенденцій. И само правительство прежде, какъ Мефистофель передъ крестомъ, корчившееся передъ однимъ словомъ „соціализмъ“, перестаетъ его бояться. Мы видимъ, что не только это страшное слово печатается en toutes lettres, но и его содержаніе обсуждается въ литературѣ сочувственно, уже не въ формѣ сновидѣній или иныхъ иносказательныхъ пріемовъ рѣчи. Если бы наша интеллигенція не страдала шаткостью мысли и непостоянствомъ въ преданности извѣстнымъ идеямъ, она могла бы, думается мнѣ, приступить теперь къ созданію легальнаго ясно выраженнаго соціалистическаго органа. Но вѣчныя колебанія то туда, то сюда и не перестающій давать о себѣ знать замогильный отзвукъ сумбурнаго славянофильства долго еще будутъ мѣшать сплотиться и спѣться хоть небольшой группѣ людей, чтобы повести дѣло не на манеръ басни Крылова. Въ Варшавѣ уже существуетъ такой органъ—Glos. Любо взять въ руки эту газету. Издатели умѣло и съ тактомъ, требуемымъ политическими условіями, систематически осваиваютъ общество съ идеями соціализма. Конечно, можно было бы коевъ чемъ упрекнуть господъ издателей, сдѣлать кое-какія замѣчанія, но la critique est aisé... Не знаю, какъ нынче на волѣ, а у насъ въ тюрьмѣ значительная часть публики далеко еще не освободилась отъ умопомрачительнаго дѣйствія кружковщины. Старанія заграничной группы Плеханова и Засуличъ создать въ Россіи соціалистически мыслящую интеллигенцію

или подымаются на смѣхъ, или провозглашаются зломъ, противъ котораго надо бороться. Возникновенiе, по слухамъ, соцiалдемократическаго теченiя среди молодежи признается упадкомъ революцiоннаго духа, извращенiемъ правильнаго шествiя прогресса въ нашемъ отечествѣ „своимъ, особымъ, самобытнымъ путемъ". А въ тоже время студенческiе безпорядки, или робкое будированiе какого-нибудь земства привѣтствуются, какъ признаки чуть ли не наступающей революцiи. Жоржъ сказалъ бы, что въ этомъ сказывается кровная буржуазность нашихъ разрушителей буржуазнаго строя. Если-бъ такъ! Это было бы еще понятно и простительно. Но тутъ просто на просто кружковое чувство завистливости и нетерпимости, имѣющее мало общаго съ идейностью: оно гораздо родственнѣе недоброжелательству мелкой лавочки къ своей сосѣдкѣ по торговлѣ. Д—чъ неутомимо борется съ этой умственно-нравственной хворью, оставаясь въ полѣ почти что въ единственномъ числѣ. Наиболѣе распространенный аргументъ противъ него—это насмѣшка, который, однако, нисколько не сбиваетъ его съ позицiи. Rira bien, qui rira le dernier,—говоритъ онъ.

7-ое декабря. Съ этой почтой получено 90 р. денегъ; изъ нихъ 30 Ев—ю отъ Александры Ивановны. Онъ былъ очень обрадованъ не столько деньгами, сколько неоскудѣвающимъ съ ея стороны къ нему вниманiемъ. Раньше до запрещенiя письменныхъ сношенiй съ ссыльными и вообще не родичами, онъ былъ однимъ изъ крупныхъ вкладчиковъ въ кассу артели. Но и теперь, къ нашему общему съ нимъ удовольствiю, его не забываютъ, конечно, благодаря заботливости В. Говорю къ „нашему общему", потому что и мнѣ отъ этого чувствуется какъ бы удобнѣе. Я давно ничего не получалъ, а состоять тунеяднымъ членомъ артели—нельзя сказать, чтобы не доставляло нѣкоторой неловкости. Трудно отдѣлаться отъ непрiятнаго сознанiя, что живешь на счетъ человѣка, хотя и товарища по заключенiю, но подъ часъ, можетъ быть, и не намѣренно дающаго понять свою роль благодѣтеля. Къ счастiю для всей

тюрьмы, со стороны получающихъ,—за исключенiемъ развѣ двухъ-трехъ, не болѣе,—ни тѣни чего-нибудь подобнаго не замѣчается. Въ противномъ случаѣ, для многихъ существованiе въ артели было бы, конечно, невозможнымъ, и каждый изъ нихъ предпочелъ бы довольствоваться голоднымъ казеннымъ пайкомъ. Но тогда на почвѣ подобнаго рода неравенства возникла бы такая масса нехорошаго, какъ въ хозяйственномъ отношенiи, такъ и чисто психическаго свойства, что наше невольное общежитiе обратилось бы въ адъ, въ которомъ одинаково томились бы какъ имущiе, такъ и неимущiе. Всѣ прекрасно сознаютъ это, а потому артельный строй остается твердымъ и нерушимымъ. Въ немъ у насъ практично совмѣщенъ разумный коммунизмъ съ необходимой долей индивидуалистическаго элемента. Коровы, лошади, ларь, библiотека, дома въ вольной командѣ—представляютъ собою общую собственность, а для удовлетворенiя потребностей по собственному вкусу полагается опредѣленная сумма въ мѣсяцъ, равная для всѣхъ—*эквивалентъ*. Каждый располагаетъ этой суммой по личному усмотрѣнiю. Сверхъ одинаковой для всѣхъ (кромѣ больныхъ) кухонной пищи, онъ покупаетъ на эквивалентъ чай, сахаръ, табакъ, играетъ въ карты, иногда выписываетъ особенно интересную для себя книжку *). Для обузданiя не желающихъ или не умѣющихъ регулировать свои траты въ положенныхъ для нихъ границахъ, впослѣдствiи оказалось необходимымъ ограничить кредитъ отдѣльнымъ членамъ размѣрами двойного эквивалента. Кредитъ прекращается, какъ только долгъ достигаетъ этой суммы, и для его покрытiя дѣлается обязательный вычетъ изъ мѣсячнаго эквивалента.

Выходы изъ артели бываютъ рѣдко, и происходятъ исключительно лишь по причинамъ, такъ сказать, политическимъ. Это принятая форма протеста въ случаѣ недовольства какимъ-

---

*) Въ послѣднемъ случаѣ, такъ какъ эквивалентъ никогда не превышалъ 2 р. въ мѣсяцъ, чаще составляются компанiи въ нѣсколько человѣкъ.

нибудь распоряженіемъ артели, или же ея отношеніемъ въ цѣломъ, а то нѣкоторой лишь ея части, къ тому или иному поступку сочлена. Вышедшіе изъ артели обыкновенно продолжаютъ придерживаться общей нормы потребленія. Ихъ заборы фигурируютъ въ отчетахъ старосты въ рубрикѣ „намъ должны". Возвращеніе протестанта въ артель тѣмъ самымъ уничтожаетъ числящійся за нимъ долгъ. Если вышедшій принадлежитъ къ разряду получающихъ деньги, онъ вноситъ въ общую кассу стоимость обѣдовъ и разныхъ заборовъ изъ ларя, и считается на положеніи „столовника". Чтобы не становиться въ привилегированное положеніе, остающійся излишекъ отъ получекъ онъ часто переводитъ на имя кого-нибудь изъ артельщиковъ и такимъ образомъ артель въ финансовомъ отношеніи отъ его выхода ничего не теряетъ. Если же это и не дѣлается, то во всякомъ случаѣ протестантъ не станетъ тратить своихъ денегъ на предметы пищевого потребленія сверхъ положенной для всѣхъ нормы. Но бывали примѣры, когда вышедшій, желая насолить публикѣ, демонстративно садился исключительно на казенное продовольствіе, чѣмъ и достигалъ съ успѣхомъ своей цѣли, такъ какъ никто не могъ равнодушно относиться къ его крайне скудному питанію. Выдѣленіе изъ артели сопровождается лишеніемъ права голоса только въ вопросахъ, касающихся артельнаго имущества.

12-ое декабря. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ у насъ новый смотритель Похоруковъ. Пока онъ рѣшительно ничѣмъ себя не обнаруживаетъ. Никто еще ни одного слова отъ него не слыхалъ. Приходитъ на повѣрку, шапки не скидываетъ, не произноситъ никакихъ звуковъ; обведетъ камеру своими оловянными глазами и такъ же молча поворачивается на-лѣво кругомъ. Мы тоже отвѣчаемъ ему полнѣйшимъ невниманіемъ: кто сидитъ, кто лежитъ, а кто съ парашей бесѣду ведетъ; онъ въ шапкѣ и мы въ шапкахъ. Все это, повидимому, ему безразлично и нисколько его не шокируетъ.

Эта манера держать себя для насъ самая удобная. Нѣтъ хуже, когда начальство заискиваетъ, становится съ заключенными въ пріятельскія отношенія. Фальшь такого положенія время отъ времени обязательно сказывается, порождая взаимныя недоразумѣнія и недовольство другъ другомъ обѣихъ сторонъ. Вся тюрьма жалѣетъ Голубцова. Это безспорно лучшій изъ всего ряда безчисленныхъ, перебывавшихъ у насъ смотрителей. Простой жандармскій унтеръ-офицеръ, онъ сумѣлъ поставить себя весьма тактично. Въ фамильярности съ нами онъ не вступалъ, одолженій, рѣзко нарушающихъ тюремную инструкцію не дѣлалъ, но и не позволялъ себѣ никакихъ придирокъ, никакихъ рѣшительно стѣсненій въ предѣлахъ палъ: тутъ мы были полными господами, и за все время его смотрительства у насъ съ нимъ не возникало ни малѣйшихъ непріятностей.. Въ періодъ волненій въ женской тюрьмѣ онъ своимъ тактичнымъ и спокойнымъ поведеніемъ не мало содѣйствовалъ успокоенію. Будь кто другой на его мѣстѣ, дѣло легко могло разгорѣться въ цѣлый пожаръ.

Этотъ Голубцовъ, начавшій службу ординарнымъ дежурнымъ жандармомъ, по началу усердствовалъ и былъ у насъ на счету худшихъ, но мало-по-малу выдрессировался и, благодаря своему уму, сумѣлъ попасть въ настоящую линію. Жандармы проходятъ у насъ хорошую школу, которая генералу Шебеко *) едва ли по сердцу. Черезъ годъ-два „вначалѣ" исполнительный тюремный стражъ становится не узнаваемъ. Онъ прочелъ много книгъ изъ нашей библіотеки, наслушался разсказовъ и споровъ о вещахъ, о которыхъ не имѣлъ раньше понятія, усваиваетъ болѣе или менѣе литературный языкъ и, наконецъ, въ его поведеніи начинаетъ сказываться какъ бы сознаніе своей виновности передъ нами, которую онъ старается загладить услужливостью и вѣжливымъ обращеніемъ Нѣкоторые заражаются интересомъ къ политикѣ, любятъ разспрашивать объ „образѣ правленія" въ другихъ странахъ, о Бисмаркѣ, Стамбуловѣ и т. д. Такое же цивилизующее значеніе тюрьмы

---

*) Начальникъ корпуса жандармовъ и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ.

испытали на себѣ и солдатики, за недостаточностью жандармовъ одно время исполнявшіе обязанности послѣднихъ. Бываютъ конечно случаи, когда нашей коридорной стражѣ приходится наблюдать и такія сцены, которыя едва ли оказываютъ на нее облагораживающее вліяніе. Въ общемъ, однако, она видитъ больше хорошихъ примѣровъ. Одинъ строй нашего общежитія въ ихъ впечатлѣніи несомнѣнно перевѣшиваетъ все доступное ихъ слуху и зрѣнію дурное *).

13-ое декабря. Подозрѣваемъ коменданта въ проигрываніи нашихъ денегъ. К—ъ, регулярно получающій ежемѣсячно по 50 р., вотъ уже четыре мѣсяца, какъ ничего не получалъ; онъ телеграфировалъ матери, та отвѣчаетъ, что сто рублей переведены на Иркутскъ. Это было болѣе мѣсяца тому назадъ, а денегъ все нѣтъ. Офицеры здѣшняго казачьяго батальона жестоко обыгрываютъ Мосюкова, и весьма вѣроятно, что ему приходится заимствоваться изъ нашихъ суммъ.

Съ почтой пришли однѣ только газеты. Всѣ онѣ переполнены подробностями катастрофы съ царскимъ поѣздомъ. Кони ведетъ слѣдствіе, но опредѣленныхъ причинъ крушенія не установлено. Это на руку тѣмъ, которые готовы видѣть здѣсь политическое покушеніе. С—и предсказываетъ, что мы скоро услышимъ о существованіи въ этомъ смыслѣ заявленія „Исполнительнаго Комитета". Почему нѣтъ! Написать и отпечатать—не богъ вѣсть, какая мудрость. Возможно, что какому-нибудь кружку придетъ въ голову выпустить прокламацію: наше, молъ, дѣло. М. Н. эта мысль навѣрное кажется соблазнительной. Впрочемъ, кто знаетъ, гдѣ теперь ея мысли? По слухамъ, она вышла замужъ; и если тутъ не замѣшана политика, если тутъ просто запоздалое удовлетвореніе естественнаго чувства, внушительнымъ достоинствамъ М. Н. грозитъ опасность. Впрочемъ и то сказать,—послужила дѣлу довольно не грѣхъ и для себя пожить.

*) Надо сдѣлать еще одно замѣчаніе: чѣмъ хуже комендантъ по отношенію къ жандармамъ, тѣмъ они лучше по отношенію къ намъ и обратно.

15-ое декабря. Холодно, холодно, холодно! Полагающихся на тюрьму дровъ не достаточно. Корфъ разрѣшилъ въ теченіе трехъ среднихъ зимнихъ мѣсяцевъ отпускать полуторное количество, но мы сдѣлали переборъ саженей въ 200. Переборъ покрывается, а потому получаемъ пока по прежнему положенію. На дворѣ—42°C. Въ камерѣ +8°R. Подъ вечеръ, послѣ топки становится теплѣе. Не смотря на морозы, на прогулкѣ въ сумеркахъ не мало любителей свѣжаго воздуха. Въ этомъ году катка нѣтъ; въ виду ожидавшагося перевода въ Акатуй,—не устроили. При каткѣ на дворѣ бывало весело: катаются, кувыркаются, шумятъ, хохочутъ. Теперь же выйдешь: снуютъ по большей части въ одиночку, молчкомъ. Изрѣдка услышишь, какъ двое встрѣчныхъ обмѣняются какимъ-нибудь mot карійскаго жаргона. Идетъ, напр., Ба—въ. „Neue Freie Presse"! привѣтствуетъ онъ встрѣчнаго Ма—ра.—„Norddeutsche Algemeine Zeitung"!—отвѣчаетъ тотъ, раскланиваясь.

19-ое декабря. На дворѣ—46°C. Въ камерѣ сейчасъ (послѣ топки) +8°R., а утромъ было +6°R. Съ 1-го января будемъ получать 18 саженъ вмѣсто 12. Теперь мы сжигаемъ по одной сажени въ день, благодаря добавочнымъ дровамъ, заготовленнымъ „хозяйственнымъ способомъ",—трудомъ парашниковъ. Съ января же будемъ отапливаться почти полусаженью. Придется бунтовать, а то померзнемъ. Чувствительность къ холоду усиливается скудностью нашей пищи. Денегъ нѣтъ. Организмы замѣтно ослабѣли. Этой осенью и зимой особенно много болѣющихъ и настоящая эпидемія на чирьи. Если такъ продлится, Пр—въ предсказываетъ къ веснѣ цынгу.

Нѣсколько дней Мосюковъ отвиливалъ вызывать Н—аго для объясненія на счетъ денегъ. Наконецъ К—ъ написалъ ему рѣзкую записку. Его вызвали. Комендантъ клялся, что никакихъ денегъ не получалъ. Но подозрительны его убѣжденія не посылать матери телеграммы, какъ того желалъ К—ъ, такъ какъ деньги, молъ, съ слѣдующей почтой могутъ притти. Похоже на то, что въ эти два дня Мосюковъ разсчитываетъ ублаготворить К—а, раздобывъ гдѣ-нибудь хоть часть растраченныхъ денегъ. На другой день

пошелъ къ нему староста—выразить общее наше неудовольствіе на неисправность въ послѣднее полугодіе почты. Но изъ разговора Н. не вынесъ впечатлѣнія въ виновности Мосюкова. Къ сожалѣнію, нашъ староста обладаетъ большими творческими способностями: когда онъ воспроизводитъ передъ публикой свои бесѣды съ комендантомъ, не разберешь, что у него отсебятина, а что правда.

Въ холодъ какъ-то не читается... Всѣ эти дни—за починкой обуви себѣ и Ж.

23-ое декабря. К—іе 100 р. съ этой почтой оказались полученными. Ожиданія Мосюкова оправдались, чѣмъ еще больше усилились подозрѣнія наши противъ него. К—ъ потребовалъ показать ему конвертъ. Конвертъ былъ доставленъ, но съ вырѣзаннымъ мѣстомъ, гдѣ долженъ быть штемпель, указывающій день прибытія денегъ на станцію Кара. По сохранившемуся иркутскому штемпелю видно, что деньги отправлены оттуда 7-го ноября. Слѣдовательно, шли онѣ на Кару ровно полтора мѣсяца. Невѣроятная вещь. Изъ Иркутска почта идетъ сюда 11—12 дней. Не ясно ли, что деньги получены мѣсяцемъ раньше и что комендантъ воспользовался ими, вернувъ только благодаря настояніямъ К—а? Естественно думать, что такая же участь постигла и тѣ 150 р., которые недополучены К—мъ за предыдущіе три мѣсяца. Примѣръ Манаева *), какъ видно, не идетъ въ прокъ. Нѣкоторые предлагаютъ прямо предъявить къ Мосюкову обвиненіе въ растратѣ нашихъ денегъ.

На время праздниковъ по старому обычаю вотируется экстраординарная ассигновка. На этотъ разъ рѣшено ассигновать къ нормальному бюджету добавочныхъ 20—30 р. на улучшеніе кухонной пищи, 65 р. на эквивалентъ, а остальные на

*) Одинъ изъ комендантовъ, за растрату нашихъ денегъ лишенный правъ и сосланный въ Якутскую область, гдѣ онъ спился и голодный является къ ссыльнымъ, бывшимъ карійцамъ, выпросить двугривенный на бутылку, или просто на косушку водки.

булки. Послѣзавтра идемъ отбывать кухонную повинность. Булки печемъ изъ простой пшеничной муки, только для женщинъ изъ крупчатки. Это имъ праздничное угощеніе отъ мужской тюрьмы.

Въ камерѣ происходитъ разливка водки изъ жестяной кубышки, проскользнувшей въ тюрьму подъ видомъ керосина. Занимается этимъ Н. На столѣ бутылки, чашки, чайники со всѣхъ камеръ. Н—ій, знатокъ по водочной части, говоритъ, что это еще изъ лучшихъ здѣшнихъ сортовъ. Взяли и мы съ Ев. бутылку, чтобы согрѣваться по утрамъ въ дни дежурства (стоитъ полтинникъ). Морозы—свыше 50°C. Въ камерѣ отъ $+6^{1}/_{2}$ до $+8°R$.

Изъ вольной команды прислали за цѣлый годъ „Сѣверный Вѣстникъ“, пролежавшій въ амбарѣ у коменданта подъ запрещеніемъ. Департаментъ государственной полиціи не разрѣшилъ намъ читать этотъ журналъ. Не разрѣшилъ, такъ и чортъ съ нимъ (не съ журналомъ, а съ департаментомъ). Обойдемся и безъ него (не безъ журнала, а безъ департамента). А дѣлается это очень просто. Запрещенные тюрьмѣ журналы по заявленію получателя выдаются кому-нибудь изъ уходящихъ на поселеніе. Попавъ въ руки вольнокомандцевъ, журналы разрываются по статьямъ, передаются въ тюрьму, въ числѣ прочихъ книгъ, принадлежащихъ библіотекѣ. Въ полученныхъ „сборникахъ“ очень мало интереснаго. Какъ водится, прочли вслухъ Михайловскаго. По обыкновенію—уменъ и по обыкновенію—при безуспѣшныхъ усиліяхъ быть остроумнымъ. Статья о современныхъ поэтикахъ очень кстати. Жаль только, что Михайловскій недостаточно серьезно, а такъ, между прочимъ, коснулся этой литературной хвори. Нынѣшняя стихоманія стоитъ того, чтобы обрушиться на нее всей силой своего таланта, знаній и негодованія. Дѣйствительно, это настоящая гипнотизація общества посредствомъ риѳмъ. Воображаютъ себя на пьедесталѣ какого-то будто бы возвышеннаго служенія. Колѣнкомъ въ... этихъ гипнотизаторовъ, усыпляющихъ общественное сознаніе скандовкой риѳмованныхъ словъ! Если бы

къ уму Михайловскаго да писаревское перо, запѣли бы вы господа, благимъ матомъ.

Южаковъ продолжаетъ наводить уныніе, распредѣляя по заранѣе заготовленнымъ рубрикамъ и омрачая своей философіей политическія событія. Его доктринерская манера многимъ, однако, нравится своей оригинальностью. Мнѣ больше нравится сочетаніе въ немъ руссофильства съ пристрастіемъ къ языкокрушительной иностранной терминологіи (комбаттанты, пивотальный, интеграція, дезинтеграція et cetera). Успенскій, какъ не терпящій отлагательства, былъ доставленъ въ тюрьму гораздо раньше посредствомъ „голубей“.

Отчетъ экономическаго состоянія государственной Карійской тюрьмы за 1888 годъ.

Членовъ артели: въ тюрьмѣ—44, въ вольной командѣ—11, въ женской тюрьмѣ — 9, въ лазаретѣ—1 (Ѳомичевъ). Столовниковъ—3. Всего 56 мужчинъ, 9 женщинъ и 8 рабочихъ (парашники, водовозъ).

ПРИХОДЪ.	Р.	К.	РАСХОДЪ.	Р.	К.
Получено женской тюрьмой *)	934	—	Кухня (безъ столовниковъ)	1.121	21
Получено мужской тюрьмой	3.755	64	Больница (улучшенное питаніе)	269	57
Отъ продажи экономіи ржаной муки	141	28	Эквивалентъ тюрьмы и вольной команды	1.314	—
Получено отъ управленія приварочныхъ и ремонтныхъ	98	2	Недочетъ въ продуктахъ	214	$56\frac{1}{2}$
Оставалось отъ 1887 г.	1.135	51	Прочіе общіе расходы (журналы, на парашниковъ, спички, нитки, иголки, письма, керосинъ, конспиративная почта и пр.)	1.868	$66\frac{1}{2}$
Итого валовой приходъ	6.064	45	Сумма долговъ, которые числятся въ активѣ, но на самомъ дѣлѣ чисто фиктивны (по своей безнадежности) за Кравцовымъ, Власовымъ и друг.	771	$10\frac{1}{2}$
Годовой приходъ мужской тюрьмы + остатокъ отъ суммы, полученной женщинами.	5.607	59	Валовой расходъ	6.015	27
Средній мѣсячный приходъ	467	30	Осталось отъ 87 г.	48	$47\frac{1}{2}$
На человѣка въ годъ	96	68			
» » мѣсяцъ	8	5			

*) Не за весь годъ, а отъ времени вступленія ихъ въ одну артель въ мужской тюрьмѣ (когда, не помню).

Годовой расходъ мужской тюрьмы	5.559 р.	11	к.
Средній мѣсячный	463 „	26	„
На человѣка въ годъ	95 „	84	„
На человѣка въ годъ на кухонную пищу	21 „	$15\frac{1}{4}$	„

Въ 1884 году. Считая: деньги и сахаръ, привезенные партіей одесситовъ и питерцевъ; деньги, присылаемыя вольнымъ женамъ для тюрьмы изъ Россіи; приварочныя отъ тюремнаго управленія и переводимыя женской тюрьмой въ мужскую—всего получено было—4.934 р. Издержано—5.143 р. Въ артели состояло отъ 90—73 человѣкъ (сюда не входили заключенныя женщины и вольно-прибывшія жены).

1885 годъ. Получено—4.264 р. Израсходовано—4.205 р., при 71—67 членахъ артели.

1886 годъ. По августъ мѣсяцъ получено—3.090 р. Израсходовано—2.540 р., при 65—63 членахъ. Въ эти суммы не входятъ деньги, получавшіяся женской тюрьмой.

Тюремная библіотека.

	Названій.	Томовъ.
По 25 ноября 1887 года состояло книгъ въ библіотекѣ (кромѣ немногихъ частныхъ, находившихся на рукахъ у владѣльцевъ *)	1,319	2,122

*) Это большей частью книги, выписанныя на эквивалентъ или особенно цѣнимыя заключенными, какъ личные подарки отъ близкихъ людей.

		Названий.	Томовъ.
Кромѣ того сборниковъ, составленныхъ изъ журналовъ и переплетенныхъ въ отдѣльные томы		73	73
Журналовъ		53	674
	Итого . . .	1,445	2,869
Къ 1 января 1890 г. состояло книгъ всѣхъ отдѣловъ		1,649	2,510
Сборниковъ		84	84
Журналовъ		71	762
	Итого . . .	1,804	5,356

(включая сюда и дубликаты).

Съ 25 ноября 1887 по 1 января 1890 г. библіотека увеличилась на 360 названій и 487 томовъ *).

1889 годъ. 7-ое января.—Праздники прошли не весело, не смотря на ведро съ четвертью водки. Пили и гуляли собственно въ одной лишь дворянкѣ, куда собрались нѣкоторые изъ другихъ камеръ. Но и тамъ, по словамъ Павла Иванова, больше искусственно себя подшпоривали, чѣмъ веселились непосредственно. Шуму, впрочемъ, было достаточно: пѣли, танцовали и мололи неизбѣжную въ такихъ случаяхъ чепуху. Удивленные жандармы не знали, какъ имъ быть. Съ одной стороны, они боялись, что коменданту помимо ихъ станетъ

*) При переводѣ въ Акатуй (14 сентября 1890 года) и выпускѣ большинства въ вольную команду, библіотека разбилась на 2 части лучшія книги были увезены акатуйцами (имъ предоставленъ былъ выборъ). Что сталось какъ съ карійской, такъ и съ акатуйской частями библіотеки, мнѣ неизвѣстно. Теперь ни на Карѣ, ни въ Акатуѣ изъ карійцевъ никого уже нѣтъ.

извѣстнымъ проносъ водки въ тюрьму,—за что, конечно, имъ влетитъ, а съ другой—сами доносить не рѣшались, въ надеждѣ, что попойка пройдетъ не замѣченной. Въ концѣ концовъ они рѣшили заявить Голубцову. Послѣдній пришелъ въ коридоръ, самъ, кажется, еле можаху, и просилъ только не слишкомъ шумѣть, чтобы не смущать внѣшняго караула. На другой день—больныя головы, воспаленные глаза и измятыя физіономіи шныряли по камерамъ, разыскивая—не осталось ли у кого опохмелиться. Это былъ самый веселый эпизодъ праздничныхъ развлеченій. Томимые несносной жаждой, шайки мародеровъ набрасывались на подозрѣваемыхъ въ сокрытіи сивушной влаги, перерывали ихъ постели, шарили подъ нарами и, найдя искомое, съ гикомъ и крикомъ уносили его съ собою. На насъ также съ Ев. было сдѣлано нападеніе, и намъ пришлось уступить оставшуюся полбутылку, которая и была распита съ радостными возгласами: „да здравствуютъ соціалдемократы!“

Однако, жандармы догадались, какимъ путемъ мы раздобыли водку: кубышки съ керосиномъ, пропускавшіяся прежде безъ освидѣтельствованія, стали теперь вскрывать.

За эти дни мы лишились одного изъ своихъ сожителей Ушелъ къ колонистамъ Х—въ. Онъ велъ себя при этомъ прямо, безъ обмана, безъ обычныхъ въ такихъ случаяхъ уловокъ отвести глаза публикѣ, хотя бы на нѣсколько часовъ, пока за уходящимъ не запиралась тюремная калитка. Утромъ онъ поручилъ старостѣ объявить по всѣмъ камерамъ объ его рѣшеніи подать прошеніе о помилованіи. Извѣстіе это ни для кого не было неожиданнымъ; напротивъ, высказывалось удивленіе, что Х - въ не сдѣлалъ этого гораздо раньше. Онъ откровенно объяснилъ Д—чу, что его намѣреніе созрѣло уже давно, но не хватало рѣшимости привести его въ исполненіе. По его словамъ, онъ могъ бы еще пересилить себя и потерпѣть, если бы его срокъ не былъ такъ длиненъ, но 20 лѣтъ вынести ему не въ моготу. Онъ разстается съ товарищами, не только не питая ни къ кому враждебныхъ чувствъ, но съ благодар-

нымъ сознаніемъ, что тюрьма дала ему очень многое: благодаря ей, онъ сталъ многое понимать, многому научился. Трудно отнестись къ Х—ву съ порицаніемъ. Къ нему нельзя предъявлять тѣхъ же требованій, какія сами собой складываются по отношенію къ большинству нашей публики. Одинъ только Санковскій пришелъ въ волненіе и долженъ былъ искать успокоенія въ усиленномъ движеніи по коридору. Пребываніе въ тюрьмѣ такихъ личностей, какъ Х—въ, Ев—въ, Оссовскій, и нѣкоторые другіе, всегда призводитъ впечатлѣніе ужасно странной аномаліи. Всѣ они такъ далеки отъ всего революціоннаго или даже просто сколько-нибудь идейнаго, а, въ частности, Х—въ такой обывательски-трезвенный, практичный мужикъ, что невольно чувствуешь какую-то досаду, видя его здѣсь, а не гдѣ-нибудь на базарѣ. Парень онъ, въ житейскомъ смыслѣ, весьма не глупый, но выпала въ жизни несчастная такая полоса, затуманила его голову, охватила его душу чуднымъ, но непонятнымъ для него увлеченіемъ, и привела человѣка на каторгу. Въ то время онъ не былъ способенъ дать себѣ отчетъ—ни ради чего онъ рискуетъ, ни что изъ этого можетъ выйти. Но очевидно, должно было выйти нѣчто хорошее: идутъ же *туда* лучшіе, пользующіеся уваженіемъ въ своей средѣ рабочіе; идутъ студенты, люди ужъ на что образованные, а съ такими господами быть за компанію очень даже лестно, можно сказать. Словомъ, это одинъ изъ той толпы, которую въ извѣстные моменты легко всколыхнуть на что угодно, какъ на доброе, такъ и на злое. Онъ могъ бы, пожалуй, и еще нѣкоторое время крѣпиться при соотвѣтствующемъ настроеніи окружающихъ, но въ періодъ всеобщаго упадка духа, при реакціи, пропитавшей даже стѣны тюрьмы государственныхъ преступниковъ, для него кажется безцѣльнымъ это самопожертвованіе, глупымъ предразсудкомъ среды, отъ котораго только не хватаетъ смѣлости отдѣлаться. Но Х—въ не первый и не послѣдній. И кромѣ него есть думающіе и чувствующіе такимъ же образомъ. Если они остаются пока въ тюрьмѣ, то либо по недостатку рѣшимости пойти наперекоръ признаваемому „предразсудку", либо же потому, что остающійся имъ срокъ до поселенія или до вольной команды не такъ великъ. У всѣхъ у нихъ реакція противъ своего прошлаго принимаетъ форму шаблонныхъ патріотическихъ тенденцій, доходящихъ у нѣкоторыхъ до настоящаго entente cordialle съ „Московскими Вѣдомостями". На замѣчаніе Як—ча, что Х—ву не въ чемъ было разочаровываться, Б—въ отвѣтилъ такъ: ему, Х—ву, внушили, что хуже русскихъ порядковъ и русскаго правительства нигдѣ не сыщешь, оттого онъ и пошелъ противъ нихъ Потомъ онъ поумнѣлъ, сталъ развитѣе и увидѣлъ, что наши порядки, наше правительство не только не хуже иностранныхъ, но даже лучше. Объясненіе простое и ясное, представляющее формулировку политическихъ убѣжденій и самого Б—ва.

Недоброкачественная бактерія руссофильства такъ же, какъ и инфлюэнца, занесена къ намъ изъ далекаго отечества; но она едва ли была бы столь губительна для умственнаго здоровья заключенныхъ, еслибъ не нашла въ тюрьмѣ своего Коха въ лицѣ Ѳомы (параллель не изъ удачныхъ, но ужъ пусть будетъ такъ). Никто съ такимъ усердіемъ не занимался ея прививкой, систематически пропагандируя благодѣтельность самодержавія и благоденствіе подъ эгидой россійскаго народа, какъ Ѳ—въ. На эту тему онъ могъ говорить цѣлые дни, подкрѣпляя свои мысли исторіей, журнальными и газетными свѣдѣніями, тенденціозно подбирая ихъ и сопоставляя съ фактами западныхъ государствъ. Однако, Ѳ—въ не одобряетъ логическихъ послѣдствій своихъ политическихъ взглядовъ: онъ рѣшительно противъ просьбъ и помилованій. Почему? Потому что считаетъ нравственнымъ долгомъ нести крестъ наказанія за свои зловредныя революціонныя дѣйствія. Но его послѣдователи не стоятъ на нравственной высотѣ своего учителя. Они не „психопаты", они люди здоровые, съ здоровой потребностью жить, какъ живутъ на волѣ всѣ люди, не мудрствуя и не смущая себя идеями.

Въ *Синедріонѣ*,—въ теченіе многихъ лѣтъ постоянномъ

мѣстопребываніи Θ—ва, единственнымъ оппонентомъ ему всегда являлся П—нъ, но не потому, чтобы его возмущали Θ—вскія воззрѣнія, а единственно ради процесса говоренія. Разъ ему скучно (а ему всегда скучно, если не съ кѣмъ пустословить), онъ обыкновенно подзадориваетъ Θ—ва какимъ-нибудь антипатріотическимъ замѣчаніемъ; Θ—въ взвинченъ,—и начинается безконечный споръ; а П—ну это-то именно и нужно. Врачи, видите ли, совѣтовали ему побольше читать вслухъ или побольше разговаривать,—какъ лучшее средство излѣчиться отъ заиканія. Если бы всѣ пацiенты такъ аккуратно и добросовѣстно исполняли предписанія своихъ врачей,—Толстой имѣлъ бы наполовину менѣе основаній не довѣрять практической медицинѣ. Не успѣетъ П—нъ проснуться, какъ тотчасъ же спѣшитъ завести свой языкъ, который и болтается цѣлый день, не останавливаясь до самой ночи. Всякое дѣйствіе прочихъ членовъ своего организма, онъ сопровождаетъ словеснымъ поясненіемъ. Если онъ ѣстъ—онъ говоритъ, что онъ ѣстъ; если котлета проглочена, онъ оповѣщаетъ объ этомъ публику и слѣдитъ, такимъ образомъ, за всѣми дальнѣйшими перипетіями котлеты, вплоть до момента внесенія парашекъ въ камеру. Онъ споритъ, продѣлывая лишь полезную гимнастику для своего спотыкающагося языка, тогда какъ Θ—въ относится къ предмету спора съ страстностью глубоко убѣжденнаго человѣка.

Эти вѣчныя затрагиванія больныхъ струнъ больного Θ—ва—я увѣренъ,—и содѣйствовали, главнымъ образомъ, обостренію умственнаго его разстройства. Недаромъ же Θ—въ въ припадкахъ болѣзни набрасывался бить только П—на и никого другого не трогалъ. И вдругъ, что же мы теперь видимъ? Съ уходомъ Θ—ва въ лазаретъ, его роль пропагандиста катковщины взялъ на себя никто иной, какъ П—нъ. Дѣло въ томъ, что въ *Синедріонѣ* переселился З—чъ, горячій западникъ и нѣмцефилъ. Въ виду этого, для удобства въ гимнастическихъ упражненіяхъ нужно было повернуть валъ. Такъ объясняютъ нѣкоторые эту метаморфозу. Естественнѣе объясненія по отно-

шенію къ П—ну не можетъ быть; но по моему, оно все-таки недостаточно: я сильно подозрѣваю, что внезапная перемѣна фронта есть хитрая прелюдія къ задуманной эмиграціи изъ тюрьмы. При своихъ, высоко развитыхъ желудочныхъ и другихъ, того же порядка, потребностяхъ, и при отсутствіи всякаго противовѣса въ умѣ и сердцѣ, П—нъ обязательно долженъ закончить этимъ.

Встрѣча Новаго года, какъ и рождественскіе праздники особеннымъ весельемъ не отличалась. Въ *Якуткѣ* собрались пѣвцы; но, увы! отъ прежняго великолѣпнаго хора и слѣда не осталось. По другимъ камерамъ играли въ карты. Мы съ Ев. встрѣтили Новый годъ въ воспоминаніяхъ о нашемъ прошломъ. Съ интересомъ слушалъ я его разсказы о той порѣ, когда мы уже не были вмѣстѣ. Все это онъ мнѣ и раньше разсказывалъ, но черезъ годъ, черезъ два—читанная интересная книга охотно перечитывается вновь. Онъ такъ увлекательно передавалъ разные эпизоды изъ своей заграничной жизни послѣднихъ лѣтъ, что я просилъ его написать для меня воспоминанія объ этихъ годахъ *), въ виду скораго моего выхода на поселеніе.

. . . .

9-ое января. Сегодня руссофилы нашей камеры Б—въ, Л—и, П—въ (послѣдній, впрочемъ, какъ Богъ на душу положитъ) услаждали себя умилительными бесѣдами о неспособности русскаго человѣка на такія звѣрскія жестокости, какія практикуютъ англичане, нѣмцы, французы—съ дикарями своихъ колоній. Какъ разъ въ это время я читалъ статью въ „Русскомъ Вѣстникѣ" о миссіонерской дѣятельности умершаго московскаго митрополита Иннокентія. Митрополитъ разсказываетъ, какими ужасными средствами русскіе истребили до 5000 алеутовъ. Разстрѣливали ихъ сплошь и рядомъ потѣхи ради; пронизывали выстрѣлами мишень изъ 12 вмѣстѣ связанныхъ туземцевъ, чтобы убѣдиться, чья пуля проникнетъ дальше, и

*) Что и было имъ исполнено. Толстая тетрадь его воспоминаній, написанныхъ карандашемъ, находится у меня.

т. д. въ этомъ родѣ. Я обратилъ вниманіе господъ патріотовъ на эти примѣры русскаго мягкосердечія, чѣмъ привелъ ихъ въ смущеніе и разрушилъ ихъ тройственный концертъ. П—въ тотчасъ же взялъ несогласную ноту, но Б—въ не растерялся; онъ нашелъ средство удержаться въ своей пріятной позиціи, признавъ факты, сообщаемые Иннокентіемъ, такой же невозможностью, какъ сказки о летающихъ медвѣдяхъ. Л—и не нашелъ возможнымъ отрицать факты, но считаетъ ихъ явленіемъ исключительнымъ, не идущимъ въ сравненіе съ жестокостями англичанъ въ Австраліи. Споръ при участіи почти всей камеры затянулся до поздней ночи, и обѣ стороны, не смотря на нѣкоторыя взаимныя уступки, всё-таки остались при своемъ.

Наше тюремное руссофильство имѣетъ въ своемъ основаніи мотивы чисто субъективнаго характера. Въ немъ какъ бы находитъ свое выраженіе месть противъ иноземныхъ вліяній, которыя привели насъ въ тюрьму. Кто внушилъ намъ интересъ къ общественнымъ вопросамъ? Западъ. Кто обольстилъ насъ пагубными соціалистическими утопіями? Западъ. Кто толкнулъ насъ на революціонный путь и тѣмъ погубилъ нашу жизнь? Западъ, западъ, будь онъ проклятъ!

Л—ко ищетъ компаньоновъ для выписки „Россіи и Европы“ Соловьева, изданной на французскомъ языкѣ за границей. Соловьевъ космополитъ. Онъ держится того воззрѣнія, что все субстанціальное въ русскомъ народѣ велико, но опредѣленіе гнусно и грязно. Ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ своего народа онъ не видитъ ничего, что послужило бы на благо всему человѣчеству. Не смотря на публицистическую крайность этихъ положеній, не смотря на несимпатичную для меня клерикальную подкладку автора, въ виду усиленнаго броженія у насъ русскаго кваса, удѣляю на выписку книги цѣлыхъ 15 копеекъ.

12-ое января. Эти несносныя карты начинаютъ снова надоѣдать. Игра тянется цѣлую недѣлю непрерывно, съ замѣною уставшихъ партнеровъ новыми, готовыми ринуться въ бой съ

свѣжимъ азартомъ. Но и то сказать—куда же, бѣднягамъ дѣться отъ скуки? Книга вѣдь тоже прiѣдается а спать, подобно Пашковскому, и день, и ночь—не всякому дано. Нѣкоторые изъ обладающихъ ремесленной профессіей находятъ спасительное убѣжище въ привычномъ для нихъ занятіи. Б—скій, Х—овъ, Ив—ко вѣчно за работой. У нихъ масса заказовъ съ воли по столярной, слесарной, ювелирной и какимъ угодно частямъ. Они вѣдь мастера на всѣ руки. У Б—аго поразительныя техническія способности. Нѣтъ, кажется, ремесла, съ которымъ бы онъ не сумѣлъ прекрасно справиться. За что бы онъ ни взялся, во всемъ обнаруживаетъ замѣчательную чистоту и совершенство въ работѣ. Часовому дѣлу онъ выучился въ тюрьмѣ, будучи обязанъ исключительно своей смѣтливости, да техническому словарю Лабуле. Въ сотрудничествѣ съ Х—вымъ онъ сдѣлалъ двое стѣнныхъ часовъ изъ матеріала, какой можно было достать въ тюрьмѣ же и при помощи самыхъ элементарныхъ инструментовъ, большей частью также собственнаго издѣлія *).

Все, что зарабатывается на заказахъ, идетъ, конечно, въ пользу артели. Не совсѣмъ ловко для нашего брата „интеллигента“. Но въ иное положеніе сами работающіе не захотѣли бы стать. Когда кѣмъ-то было сдѣлано предложеніе объ освобожденіи ихъ отъ обязательныхъ тюремныхъ работъ, они потребовали снять съ обсужденія этотъ вопросъ, такъ какъ они заранѣе отказываются отъ предлагаемыхъ имъ льготъ.

Иные изъ рабочихъ по профессіи, какъ М-кій, П-въ, усердно пополняютъ недохватки своего образованія; но время отъ времени бросаютъ книги, посвящая мѣсяцъ-другой физическому труду въ видѣ каникулярной передышки. Да и насъ бѣлоручекъ тюрьма научила многимъ работамъ, о процессѣ которыхъ, оставаясь на волѣ, многіе изъ насъ до конца дней не имѣли бы понятія (сапожничество, портняжество, жестянничество, хлѣбопеченіе, ого-

*) Увы, такимъ онъ былъ въ тюрьмѣ, но ужъ не тѣмъ сталъ на волѣ.

родничество и т. д.). Почти каждый изъ насъ „интеллигентовъ", за немногими исключеніями, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тюремной выучки, представляетъ собою довольно приблизительное осуществленіе того идеальнаго типа, который можетъ самостоятельно удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ. Онъ и обошьетъ себя, и пищу сваритъ, и хлѣбъ спечетъ, и картошку выроститъ и о возвышенныхъ предметахъ поговоритъ. А вольная команда является какъ бы высшимъ учебнымъ заведеніемъ по части хозяйственыхъ работъ: тамъ выучиваются дрова въ лѣсу рубить, сѣно косить, за лошадьми ходить и даже, къ удовольствію графа Толстого, телятъ выпаивать, но къ его великому и справедливому огорченію, выучиваются и водку пить. Вотъ оно и выходитъ, что даже на каторжной Карѣ оправдывается пословица—нѣтъ худа безъ добра. Многимъ, многимъ со временемъ придется добромъ помянуть ненавистную теперь тюрьму.

5-ое февраля. Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его! Опять Тихомировъ угрожаетъ заполонить на много дней наше вниманіе. Сестра Як—ча, которой за ея общеинтересныя письма слѣдовало бы послать почетный дипломъ на званіе *сестры тюрьмы*, подробно передаетъ содержаніе вѣроотступнической брошюры. И „Русскій Вѣстникъ" и другіе источники, оказывается, нисколько не преувеличивали. Напротивъ, рецензентъ даже ослабилъ поганый характеръ переворота, опустивъ мѣста брошюры, наиболѣе ярко свидѣтельствующія въ этомъ смыслѣ. Бывшихъ товарищей Т-ва въ особенности возмущаетъ нахальство его заявленій, будто онъ чуждъ убійства Александра II, будто онъ только состоялъ въ простомъ знакомствѣ съ Перовской и Желябовымъ. Онъ не фабриковалъ динамита, онъ не приготовлялъ и не металъ бомбъ,—значитъ и не повиненъ въ этомъ событіи. Но вѣдь онъ же былъ членомъ „Исполнительнаго Комитета", даже находился въ распорядительной его комиссіи, а слѣдовательно, направлялъ всѣ пружины къ тому, чтобы событіе это было совершено!! Въ такомъ случаѣ и Желябовъ не причастенъ къ нему, потому что не онъ изобрѣталъ бомбы, не онъ металъ ихъ на Екатерининскомъ каналѣ, а Кибальчичъ, Гриневецкій, Рысаковъ, Емельяновъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Самое искреннее желаніе отыскать въ его раскаяніи хоть каплю чистоты въ побужденіяхъ остается при полномъ безсиліи. Изъ всего содержанія, изъ тона его брошюры можно только видѣть сознательную фальсификацію собственной мысли въ интересахъ достиженія сытой, видной и безпечальной жизни. Въ виду этой цѣли, онъ готовъ утверждать, что луна свѣтитъ днемъ, а солнце—ночью. Онъ готовъ увѣровать во всѣ мощи Кіево-печерской лавры, закатывать горѣ свои бѣлки, если въ перспективѣ ему улыбнется оберъ-прокурорство при святѣйшемъ Синодѣ. Сравните его лучшія революціонныя статьи съ послѣднимъ его *сочиненіемъ*. Тамъ талантъ, чувствуется огонь убѣжденія, а тутъ въ каждой фразѣ звучитъ фальшь, насилованіе своего убѣжденія, лицемѣріе, лжесвидѣтельство. Ясное доказательство, что измѣна его прежнимъ вѣрованіямъ—не есть дѣло совѣсти, а дѣло шкуры, корысти и низменнаго тщеславія. Правительство, конечно, помиловало его не потому, что повѣрило его революціонной невинности, а по соображеніямъ „государственной важности", какъ принято тамъ у нихъ выражаться,—въ разсчетѣ на соотвѣтствующее „благотворное" вліяніе столь эффектнаго отступничества на молодежь.

Вѣра пишетъ: „Замѣчательно, что у многихъ изъ тѣхъ, которые вчера еще говорили статьями Тихомирова въ „Народной Волѣ", вдругъ какъ бы открылись глаза, и они повторяютъ уже фразы его новаго ученія." Вотъ это самое и нужно было Дмитрію Андреевичу Толстому. Недавно у насъ въ тюрьмѣ читалась статья этого „прозрѣвшаго" пророка „Среди мерзости запустѣнія". Предавая проклятію Дегаева, онъ говоритъ тамъ, что народовольчество всё-таки не погибнетъ, пусть будутъ хоть сотни Дегаевыхъ... Ну, да чортъ съ ней, съ этой гнусностью. Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!

25-ое февраля. На дняхъ по поводу нашихъ заявленій по

дѣлу увоза Ковальской пріѣзжалъ начальникъ жандармскаго управленія фонъ-Плотто. Это тучный, съ трудомъ двигающійся старикъ, повидимому, довольно добродушный. У насъ въ больницѣ онъ обратился къ П—у, котораго знаетъ, какъ брата главнаго врача иркутскаго военнаго госпиталя.—„Вы были въ числѣ подписавшихся?“ *)—Да.—„Что-жъ дѣлать, иначе нельзя было поступить“. П—ъ молчитъ.—„Ковальская всѣмъ своимъ поведеніемъ давала поводъ ожидать сопротивленія“.—П—ъ продолжаетъ молчать.—„Если бы ее предупредили, вышло бы хуже“. Молчаніе П—а становится для всѣхъ неловкимъ. Вмѣшивается Д—чъ и возражаетъ полковнику въ духѣ нашего заявленія. Плотто выслушиваетъ его молча и когда Д-чъ кончилъ, издаетъ не то болѣзненные, не то соболѣзнующіе вздохи, раскланивается и уходитъ. Въ другихъ камерахъ, кромѣ: „не имѣете ли чего заявитъ“, онъ ни съ кѣмъ въ разговоры не вступалъ. Только въ *Синедріонѣ* вышелъ маленькій инцидентъ. Санковскій, какъ всегда въ присутствіи начальства, стоялъ въ шапкѣ.—Плотто подходитъ къ нему:—„Какъ вы себя чувствуете?“—„Ничего, хорошо“.—„Слѣдовало бы снимать шапку...—„Если вы хотите,—прерываетъ Плотто Санковскій,—говорить со мною насчетъ шапки, такъ пойдемте въ коридоръ. Здѣсь, въ присутствіи товарищей, я не считаю удобнымъ объ этомъ разговаривать“. Въ переводѣ это значило: нашъ разговоръ можетъ кончиться очень дурно для васъ, полковникъ, и, чтобы не впутывать въ исторію другихъ,—пожалуйте въ коридоръ... Но Плотто не пожелалъ принять вызова и ограничился одними вздохами. Больше ничѣмъ его посѣщеніе не ознаменовалось.

Въ заключеніе непріятнаго спектакля, какимъ всегда является прибытіе въ тюрьму большого начальства, С. распотѣшилъ публику безподобно разыграннымъ веселенькимъ водевильчикомъ. Какъ только Плотто ушелъ, С. выбѣжалъ изъ камеры разносить свое негодованіе на Д—ча за его, лишенный обязательной для революціонера рѣзкости, разговоръ съ начальствомъ.—Только социалдемократъ можетъ такъ разговаривать съ какимъ-нибудь холуемъ въ синемъ мундирѣ! Развѣ такъ сталъ бы говорить настоящій народоволецъ? Никогда. Вотъ до чего дошелъ упадокъ революціонности въ тюрьмѣ. Разговариваютъ съ начальствомъ, какъ съ обыкновеннымъ смертнымъ, даже не возвышая своего голоса! О, онъ, С., сумѣлъ бы загнать этому Плотто душу въ пятки.

*) Подъ заявленіемъ.

— Но позвольте, С.! Вы вѣдь были при этомъ разговорѣ?

— Что за вопросъ! Конечно, это было въ моемъ присутствіи.

— Отчего же вы не вмѣшались, если Д—чъ, по вашему, говорилъ не такъ, какъ слѣдуетъ.

— Интересно, какъ бы я могъ это сдѣлать, стоя за цѣлую версту отъ Плотто?

— Да у васъ со страху ноги отнялись, что ли? Могли вы сдѣлать два шага, если боялись, что за три Плотто васъ не услышитъ.

Раздается шиканье и тюканье присутствующихъ—принятый у насъ способъ подымать на смѣхъ зарвавшагося болтуна.

— Вотъ, остолопы! Поймите вы своей башкой, что неудобно же было прерывать...

— Садитесь, садитесь! кричатъ ему со всѣхъ сторонъ. С. ругается и уходитъ искать, гдѣ революціонному есть чувству уголокъ. Сцена происходила въ *Якуткѣ* и передана мною со словъ Ивана Колюжнаго.—О, неподражаемый С.! Люблю я эти оригинальные типы, намалеванные кистью прихотливой природы самыми противоположными яркими красками. Съ одной стороны, трогательная дѣтски-невинная трусливость, съ другой—убійственная террористическая программа, съ обязательнымъ мордобоемъ по начальству—включительно. Съ одной стороны—разговоры объ альтруизмѣ, истинѣ, справедливости, разговоры съ неистовымъ размахиваніемъ рукъ и ногъ, а съ

другой—органическое влеченіе къ противоположнымъ категоріямъ и самое нѣжное себялюбіе......

28-ое февраля. О посѣщеніи Плоттомъ женской тюрьмы Лешернъ пишетъ слѣдующее: „Узнавъ, что Мосюковъ не бываетъ у насъ, Плотто спрашиваетъ его: почему? Тотъ отвѣчаетъ, что боится, что ему могутъ нанести оскорбленіе. Плотто выразилъ сомнѣніе, чтобы ему могла угрожать подобная опасность и совѣтовалъ поѣхать къ намъ (Все это мы знаемъ изъ вѣрнаго источника). Глупый Мосюковъ и поѣхалъ. Вечеромъ, когда уже стемнѣло, я стояла въ сѣняхъ. Вдругъ вбѣгаетъ со двора С—ва и говоритъ, что кто-то пріѣхалъ. Я бросилась въ свою камеру, смотрю въ окно и вижу Мосюкова съ жандармами. Когда они вошли на крыльцо, Долгоновъ *) входитъ къ намъ и говоритъ: „Комендантъ спрашиваетъ, можно ли войти?“ Я была ближе всѣхъ, а потому отвѣчала: „Скажите, что не принимаютъ. Пусть лучше не входитъ“. Долгоновъ передалъ мои слова Мосюкову. Тогда онъ велѣлъ спросить о томъ же въ другой камерѣ. Но въ это время Ковалевская выскочила въ сѣни и изъ-за запертыхъ дверей стала выкрикивать: „Пусть-ка попробуетъ, пусть попробуетъ!“ Мосюковъ постоялъ нѣсколько минутъ у крыльца и удалился. Чрезъ нѣсколько минутъ является Голубцовъ, спрашиваетъ, не подпишемъ ли мы протоколъ о непринятіи коменданта. Мы отказались. Тогда Голубцовъ спросилъ, примемъ ли Плотто. Ему отвѣчаютъ: „да, только безъ Мосюкова“. На другой день пріѣзжаетъ Плотто въ сопровожденіи смотрителя и всѣхъ нашихъ жандармовъ. Вошелъ онъ сначала въ ту камеру, чѣмъ я была очень довольна, такъ какъ мы знали, что тамъ ужъ обстоятельно все разскажутъ, и намъ останется сказать всего нѣсколько словъ. Дѣйствительно, тамъ говорили безъ умолку больше часу. Плотто началъ съ вопроса о здоровьи Марьи Павловны. (жена Плотто была гувернанткой въ домѣ Воронковыхъ **). Въ

*) Старшій жандармъ женской тюрьмы.

**) Дѣвичья фамилія Ковалевской.

разговорѣ наши дамы старались бить на чувства. Ковалевская спрашивала Плотто, какъ бы онъ отнесся, если бы то, что было съ Ковальской, случилось съ его женой или дочерью. С—ва говорила о своей матери, какое тяжелое впечатлѣніе произвело бы на нее, если бы это случилось съ нею, С—ой. Плотто предложилъ въ удовлетвореніе, что Мосюковъ при всѣхъ жандармахъ извинится передъ ними, но онѣ наотрѣзъ отказались и требовали его удаленія. Въ нашей же камерѣ въ то утро были заведены блины. Ждали мы, ждали, наконецъ пришелъ онъ къ намъ. Мы всѣ, кромѣ Ананьиной и Сигиды (послѣдняя очень застѣнчива) также высказали требованіе удалить Мосюкова, „чтобы все начальство по Сибири знало, что съ нами безнаказанно нельзя поступать такъ, какъ было съ Ковальской“. Такъ сказала Анна. Плотто сказалъ, что теперь онъ узналъ всѣ обстоятельства и находитъ, что Мосюковъ сдѣлалъ большую ошибку, которая больше не повторится. Но что въ то же время у Мосюкова семья, которая живетъ его жалованьемъ и т. д. Мы отвѣчали, что измѣнить своего рѣшенія не можемъ. Заключился разговоръ обѣщаніемъ Плотто пристроить Мосюкова на другое мѣсто въ Сибири, чтобы ему не пришлось возвращать прогонныхъ. Итакъ, подготовлявшаяся драма, слава Богу, останется безъ исполненія“.

Подъ драмой Лешернъ разумѣетъ голодовку, которую компанія Ковалевской рѣшила предпринять, если Плотто откажетъ въ удаленіи Мосюкова; мирная камера, скрепя сердце, должна была—noblesse oblige—выразить готовность присоединиться къ голодовкѣ, хотя и не сочувствовала острой постановкѣ вопроса. У насъ очень сожалѣютъ, что женщины не захотѣли удовлетвориться торжественнымъ извиненіемъ Мосюкова. Послѣдній уже достаточно проученъ, и такое завершеніе дѣла—вполнѣ для нихъ почетный выходъ изъ исторіи, могущей еще болѣе запутаться.

Недѣли двѣ назадъ ушелъ къ колонистамъ Ив—ко, изъ всѣхъ раскаявшихся самый порядочный. Онъ уже давно по-

святилъ въ свое намѣреніе пріятелей, но рѣшилъ дожидаться дня, когда минетъ ровно 10 лѣтъ пребыванія его въ тюрьмѣ. Года три назадъ онъ самъ открылъ начальству свою фамилію, а до того именовался „неизвѣстнымъ раненымъ въ голову“ *). Какъ и всѣ вышедшіе и какъ всѣ кандидаты въ колонію — патріотъ руссофилъ, но, въ противоположность большинству согласно мыслящихъ, по натурѣ—хорошій парень, справедливый и искренній. Онъ не считаетъ свой поступокъ позорнымъ, потому что было бы ничѣмъ не оправдываемой гордыней считать для себя унизительнымъ то, въ чемъ не видятъ никакой унизительности милліоны русскаго народа. Онъ думаетъ даже, что поступаетъ гораздо благороднѣе, чѣмъ тѣ изъ оставшихся вѣрными революціи, которые добиваются разныхъ облегченій не прямо, не самолично, а чрезъ посредство своихъ женъ или вліятельныхъ родственниковъ. И въ послѣднемъ случаѣ, конечно, Ив—ко правъ безусловно.

3-е марта. Наши финансы съ новаго года значительно улучшились. Нашли возможнымъ прибавить на кухню по 1 р. въ день (теперь, значитъ, расходъ на кухонную пищу около 4 руб. въ день), да по стольку же на масляничный эквивалентъ, сверхъ 3-хъ фунтовъ муки каждому на блины! Улучшеніе наступило съ тѣхъ поръ, какъ коменданту дано было ясно понять, что мы подозрѣваемъ его въ растратѣ нашихъ денегъ, а если онъ и дальше будетъ продолжать ту же политику, то при случаѣ доведемъ до свѣдѣнія о нашемъ подозрѣніи высшія власти.

4-ое марта. Въ полученной конспиративной почтѣ оказались письма отъ поселенцевъ, прокламаціи изъ Россіи и одинъ близко касающійся насъ офиціальный документъ. Въ письмѣ Зд—ча къ З—ду характеризуется общее настроеніе и положеніе революціоннаго дѣла въ нашемъ отечествѣ. Къ сожалѣнію, все это изложено крайне поверхностно, въ видѣ слабой

*) Подъ этой кличкой онъ судился за вооруженное сопротивленіе при арестѣ въ Кіевѣ.

газетной статейки, переполненной банальными ничего не дающими ни уму, ни сердцу разсужденіями. Фразистыя сѣтованія о невозможности порядочному человѣку жить въ настоящее время въ Россіи иллюстрируются двумя заурядными фактами шпіонской надоѣдливости. Интересно лишь сообщеніе о теперешней радикальной молодежи. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ автора письма, радикалы, хотя и не даютъ о себѣ знать, но всё-таки существуютъ въ значительномъ количествѣ. Кружки ихъ, сосредоточенные больше въ провинціяхъ, страдаютъ отсутствіемъ организаціи. „За неимѣніемъ настоящихъ ораторовъ и организаторовъ“, среди нихъ поговариваютъ о необходимости извлечь таковыхъ изъ Сибири, посредствомъ оказанія помощи для бѣгства тѣмъ изъ ссыльныхъ, которыхъ они считаютъ способными дать имъ опредѣленную программу и сплотить ихъ въ организацію. Но старая форма послѣдней, централистическая, потеряла въ ихъ глазахъ всякій кредитъ. По ихъ мнѣнію, организація нынѣшнихъ радикаловъ возможна лишь на федеративныхъ основаніяхъ. На помощь къ побѣгамъ изъ Сибири могутъ разсчитывать только извѣстные, пользующіеся выдающейся репутаціей, изъ ссыльныхъ революціонеровъ. Побѣги же рядового элемента крайне нежелательны, потому что нелегальное существованіе теперь немыслимо, и люди въ этомъ положеніи являются тяжелымъ бременемъ, не принося никакой пользы. Въ томъ же родѣ свѣдѣнія о радикалахъ послѣднихъ лѣтъ получились нами и изъ другихъ источниковъ, и всѣ они сводятся къ старому, какъ сама Русь, изреченію: „земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ, прійдите“ и т. д.

Обратила на себя вниманіе прокламація отъ „Исполнительнаго Комитета“. Писана она дѣтскимъ лепетомъ только что посвященнаго въ народовольчество гимназиста. Прокламація взываетъ къ народу, убѣждая его мало вразумительнымъ языкомъ вооружаться и быть наготовѣ къ возстанію, сигналъ къ которому будетъ поданъ „Испол. К—омъ“. Но народъ долженъ знать, что, если возстаніе не будетъ побѣдоноснымъ,

то торжествующіе помѣщики и правительство опять возстановятъ крѣпостное состояніе. Покорнѣйше благодаримъ! Мы ужъ лучше останемся при настоящемъ, чѣмъ рисковать потерять и то, что имѣемъ. Бѣдный авторъ проклялъ бы свое произведеніе, если бы слышалъ, какой ѣдкой критикѣ и безпощадному вышучиванію подверглась она среди тѣхъ, отъ которыхъ онъ, вѣроятно, ожидалъ полнаго сочувствія. Конечно, въ департаментѣ государственнной полиціи отнеслись къ нему съ большей серьезностью, чѣмъ въ тюрьмѣ государственныхъ преступниковъ. Только С. пришелъ въ восторгъ и ходилъ съ поднятымъ носомъ, точно ему уже обезпечено мѣсто въ будущемъ временномъ правительствѣ. Вѣдь онъ всегда утверждалъ, что „Испол. К—тъ“ не погибъ,—и вотъ онъ далъ о себѣ знать, къ вашему посрамленію, скептики, пустоголовые насмѣшники, жирондисты, социалдемократы! О, настанетъ день мщенія и С. сумѣетъ показать себя Робеспьеромъ. Погодите ужо!

Легкомысленно веселое настроеніе, возбужденное прокламаціей яко бы „Испол. К.“, смѣнилось гнетущей мрачностью, какъ только среди публики распространился другой документъ—уже не изъ области фантазіи, а изъ самой реальной дѣйствительности. Вотъ этотъ документъ:

М. В. Д.
Главное Тюремное Управленіе.
№ 2926.

Господину Управляющему островомъ Сахалиномъ.

На пароходѣ добровольнаго флота „Нижній Новгородъ“, выходящемъ изъ Одесскаго порта 20 марта 1888 года, съ партіей ссыльно-каторжныхъ въ 525 человѣкъ высылаются на Сахалинъ въ числѣ прочихъ арестантовъ осужденные на каторжныя работы государственные преступники Василій Вольновъ, Сергѣй Кузинъ, Иванъ Мейснеръ и Станиславъ Хроновскій. Увѣдомляя объ этомъ, Главное Тюремное Управленіе имѣетъ честь покорнѣйше просить васъ распорядиться, чтобы каторжные эти не были обособлены въ отдѣльную группу, а содержались

вмѣстѣ съ другими каторжными, при чемъ желательно, чтобы въ каждомъ изъ помѣщеній преступниковъ, осужденныхъ за общія преступленія, не содержалось болѣе двухъ политическихъ преступниковъ. Въ порядкѣ содержанія этихъ преступниковъ въ тюрьмахъ и употребленіи ихъ на работы не должно быть допускаемо никакихъ отличій отъ другихъ преступниковъ, за исключеніемъ надзора, который долженъ быть учрежденъ за ними въ возможно строгомъ видѣ. Точно также не должно быть дѣлаемо никакихъ отличій и въ отношеніи наложенія на этихъ каторжныхъ взысканій за нарушеніе ими тюремной дисциплины. (*Допускаются розги и плети*). О томъ же, какъ будутъ размѣщены на Сахалинѣ названные преступники, не оставьте увѣдомить Главное Тюремное Управленіе съ присовокупленіемъ свѣдѣній объ ихъ поведеніи“.

Еще раньше было извѣстіе о какой-то исторіи на Сахалинѣ, въ результатѣ которой четверо изъ государственныхъ подвергнуты были тѣлесному наказанію. У насъ отнеслись къ этому факту, какъ къ произволу мѣстныхъ властей, за который имъ придется поплатиться, въ особенности, если тамошніе ссыльные не оставятъ дѣла безъ протеста. Вышеприведенное распоряженіе показываетъ, что примѣненіе къ намъ плетей и розогъ есть мѣра общая, исходящая изъ Петербурга. Очень возможно, что при первомъ же случаѣ и у насъ будетъ объявлено подобное же распоряженіе. Очевидно, въ Петербургѣ рѣшились пока испробовать эту мѣру на островѣ Сахалинѣ, оттуда, за дальностью разстоянія, сенсаціонные слухи для Россіи не представляются опасными. Въ тюрьмѣ тотчасъ же возникли толки, слѣдуетъ ли намъ что-нибудь предпринять, или же оставаться въ выжидательномъ положеніи. Санковскій одинъ стоитъ за немедленность рѣшительнаго отпора, долженствующаго предупредить распространеніе и на насъ распоряженія Галкина-Врасскаго. Но что же мы могли бы сдѣлать? Обратиться съ рѣзкимъ протестомъ къ мин. внутрен. дѣлъ? Но это значило бы вызвать его на примѣненіе и къ намъ тѣлеснаго наказанія, тогда какъ, быть можетъ, безъ по-

вода они не рѣшаются объявить намъ объ этомъ. Предлагаютъ обратиться съ заявленіемъ къ обществу, которое и для себя ничего не въ состояніи предпринять, къ обществу, къ которому съ такой же полной безнаказанностью могли бы примѣнять розги и плети, какъ и къ заключеннымъ въ тюрьмѣ арестантамъ. Наше ничтожное, трусливое общество! Чего отъ него можно ждать? Въ лучшемъ случаѣ конспиративныхъ соболѣзнованій, аховъ и вздоховъ съ пуглизой оглядкой по сторонамъ, а то и просто вѣрноподданническаго адреса съ выраженіемъ сочувствія истязанію крамольниковъ. И наконецъ подобное обращеніе отъ имени карійскихъ заключенныхъ опять таки въ результатѣ повлекло бы къ ускоренію той мѣры, которую мы хотѣли бы не допустить. Я—ъ, З—ъ, Де—чъ, М., да и всѣ рѣшительно того мнѣнія, что намъ слѣдуетъ воздержаться отъ всего, что имѣло бы характеръ вызова. Въ нашемъ положеніи только два выхода: или вести себя такъ, чтобы не подать повода третировать насъ, какъ уголовныхъ арестантовъ, или рѣшиться на смерть. Первая тактика, облегчаемая для насъ приличнымъ отношеніемъ къ намъ самого начальства, имѣетъ за собой то преимущество, что она обезоруживаетъ его, дѣлаетъ для него нравственно затруднительнымъ поступать съ нами, какъ съ уголовной шпанкой. Итти же на смерть не у всякаго хватитъ рѣшимости, а если и хватитъ, то развѣ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ возмутительнаго событія. Итакъ, пока насъ не трогаютъ, не станемъ дѣйствовать въ вызывательскомъ духѣ, и если тронутъ—тогда посмотримъ, что предпринять.

Санковскій крайне недоволенъ этимъ рѣшеніемъ. Сначала онъ спорилъ, горячился, возмущался, а потомъ махнулъ на всѣхъ рукой и въ сосредоточенномъ молчаніи началъ шагать одинъ по коридору, какъ бы обдумывая планъ своего самостоятельнаго образа дѣйствій.

5 ое марта. Сегодня отъ него циркулируютъ двѣ прокламаціи. Въ одной, начинающейся воззваніемъ: „проснись, каріецъ!“ онъ призываетъ тюрьму на месть за нанесенное намъ правительствомъ оскорбленіе. Другая объявляетъ объ основаніи тайнаго комитета въ цѣляхъ этой мести. Желающіе вступить въ него приглашаются заявлять о томъ Санковскому глазъ на глазъ. Всякій, не выразившій готовности присоединиться къ тайному обществу, тѣмъ самымъ считается не сочувствующимъ его дѣлу. Разумѣется, никакого тайнаго комитета не существуетъ. Все это одна лишь мистификація, предпринятая Санковскимъ съ тѣмъ, чтобы вынудить публику къ какому-нибудь дѣйствію. Послѣ обѣда появилась третья его прокламація слѣдующаго содержанія: „По порученію комитета увѣдомляю лицъ, находящихся въ карійской тюрьмѣ, что дѣйствія комитета могутъ, помимо его желанія, создать для общества кой какія непріятности со стороны начальства. Признавая вполнѣ правильнымъ принципъ, что всякій членъ общества долженъ заботиться о своихъ интересахъ, члены комитета съ горечью, сознаютъ, что, помимо ихъ воли, могутъ произойти, вслѣдствіе ихъ дѣйствій, какія-нибудь непріятности для общества, по крайней мѣрѣ на непродолжительное время; а потому считаютъ своей обязанностью заранѣе предувѣдомить тюрьму, дабы она не была застигнута врасплохъ и предприняла, если пожелаетъ и найдетъ возможнымъ, средства для обезпеченія своихъ интересовъ. Наконецъ увѣряю, что комитетъ будетъ дѣйствовать, стараясь всѣми силами, насколько это возможно, дабы отстранить отвѣтственность общества въ совокупности и членовъ его—въ частности. Секретарь комитета Санковскій“.

Этотъ способъ терроризаціи тюрьмы начинаетъ производить свое дѣйствіе. Публика пришла въ волненіе. Нѣкоторые находятъ, что Санковскій ломаетъ одну комедію, что ему важно лишь занимать собою публику, предпринять же что-нибудь онъ не рискнетъ, и потому лучше всего не обращать на него вниманія. Но сокамерники Санковскаго передаютъ, что онъ все время находится въ крайне возбужденномъ состояніи, намекаетъ на какое-то ужасное событіе, которое должно произойти, многозначительно упоминаетъ о Мосюковѣ и, повидимому, собирается что-то съ нимъ совершить. По словамъ

Ѳ—на, З—а, и др. По—нъ своимъ языкоблудствомъ въ особенности въ послѣднiе дни постоянно поддерживалъ Санковскаго въ раздраженiи, которое легко можетъ разразиться какимъ-нибудь несуразнымъ поступкомъ. По мнѣнiю капитана, если Санковскiй намѣревается убить или бить коменданта, надо предупредить послѣдняго, чтобы тотъ былъ съ нимъ остороженъ, какъ съ человѣкомъ, находящимся въ ненормальномъ состоянiи. Мнѣнiе капитана встрѣтило неожиданное возраженiе со стороны Б—ва. Онъ считаетъ неприличнымъ предупреждать Мосюкова о ненормальности Санковскаго, если бы даже послѣднiй собирался его убить, потому что такое предупрежденiе имѣетъ видъ доноса.—Что же вы станете дѣлать, спрашиваетъ капитанъ, если Санковскiй вызовется къ коменданту, чтобы убить или побить его?—Ничего.—Вы, значитъ, ему сочувствуете?—Боже меня упаси.—А если Санковскаго станутъ наказывать плетьми, вы за него заступитесь?—Съ какой стати! Онъ вопреки моему согласiю совершитъ глупость, пусть же самъ и отдувается.—Вы такъ думаете, а я полагаю, что „приличнѣе" предупредить „глупость", чѣмъ допускать ее, а потомъ умывать руки и, можетъ быть, заявлять свое осужденiе поступку Санковскаго. Б—въ также нашелъ неожиданную, но въ иномъ смыслѣ неожиданную, поддержку Д. И онъ находитъ, что предупрежденiе Мосюкова, хотя бы въ формѣ заявленiя о ненормальности Санков., намъ не пристойно. А разъ поступокъ совершится, намъ ничего не остается, какъ подчиниться его послѣдствiямъ. Если даже поступокъ—сумасшедшiй и втянетъ насъ въ безконечную, безвыходную исторiю,—съ этимъ, по его мнѣнiю, надо мириться въ силу нашего положенiя. Мое я однако всѣмъ своимъ существомъ протестуетъ служить орудiемъ не только сумасшедшаго, но и самаго здравомыслящаго человѣка помимо собственной воли и собственнаго разумѣнiя, а между тѣмъ возможно такое стеченiе обстоятельствъ, когда хочешь—не хочешь, а откажешься и отъ воли, и отъ разумѣнiя, но въ данномъ случаѣ я такихъ обстоятельствъ не вижу.

. . . .

10-ое марта. . . . .

Мы слишкомъ тѣсно живемъ, поневолѣ слишкомъ другъ другомъ занимаемся, чтобы отрѣшиться отъ излишнихъ симпатiй и антипатiй. Въ тюрьмѣ организмъ реагируетъ на всякое воздѣйствiе съ несравненно большей впечатлительностью, чѣмъ въ нормальныхъ условiяхъ. Всякiя мелочи нашей жизни, нашихъ столкновенiй, даже просто словъ, тона, манеры, съ какими они произносятся—все это въ неестественно повышенной степени влiяетъ на наши взаимныя отношенiя. Наша узкая, ограниченная палями, жизнь не даетъ разнообразiя впечатлѣнiй, при которой одни изъ нихъ сглаживаются или уравновѣшиваются другими. Поставьте въ подобное же положенiе даже такихъ совершенныхъ людей, какъ Деляновы, Толстые, Побѣдоносцевы и, въ концѣ концовъ, они перебьютъ другъ друга полѣньями, оставивъ по себѣ одно гадливое воспоминанiе. . . . .

15-ое мая. Въ теченiе почти полутора мѣсяца моихъ жестокихъ головныхъ болей тюремная жизнь текла помимо моего участiя и наблюденiя. До меня лишь смутно доходили болѣе или менѣе крупныя ея событiя, изъ которыхъ слѣдуетъ отмѣтить уходъ къ колонистамъ П—на и Емельянова. Замѣчательно, что относительно ихъ обоихъ никто этого не ожидалъ. Какъ всегда и во всемъ П—нъ и тутъ не могъ обойтись безъ лицемѣрiя и убрался изъ тюрьмы воровскимъ образомъ. Ѳ—въ, находившiйся въ лазаретѣ вслѣдствiе умственнаго разстройства, выздоровѣлъ и пожелалъ возвратиться въ тюрьму. Вопросъ этотъ у насъ баллотировался, и всѣ высказались за его возвращенiе. П—нъ притворился обиженнымъ за то, что публика, прежде чѣмъ рѣшать, не спросила, какъ онъ отнесется къ возвращенiю Ѳ—ва? Дѣло въ томъ, что Ѳ — въ въ припадкѣ болѣзненнаго возбужденiя—въ чемъ не мало виноватъ и самъ П—нъ, раздражавшiй его своимъ языко

блудіемъ—однажды ударилъ его по спинѣ и не ударилъ даже, а, по словамъ самого же „потерпѣвшаго“, прикоснулся къ нему рукой со словами: „П—нъ, я васъ ударилъ“. Въ другой разъ онъ уже основательно шлепнулъ его по физіономіи мокрой тряпкой.

Публика даже не обратила вниманія на то обстоятельство, что знаменитый софистъ, никогда не проявлявшій заботливости къ своему костюму, подрядилъ Златопольскаго обмундировать его по вольной модѣ. Костюмъ былъ готовъ, сложенъ въ котомку и требовалось только изобрѣсти благовидный предлогъ уйти изъ тюрьмы. П—нъ попросилъ доктора перевести его въ лазаретъ на мѣсто возвращающагося Ѳ—ва, такъ какъ онъ, бѣдняжка, чувствуетъ себя нервно разстроеннымъ. Тотъ согласился. Черезъ нѣсколько дней узнаемъ: П—нъ подалъ прошеніе о помилованіи и изъ лазарета перешелъ къ колонистамъ. Теперь уже онъ щеголяетъ въ новомъ костюмѣ по „проспекту“ съ какими-то барышнями, продолжая неутомимо исполнять предписаніе врачей насчетъ упражненія своего языка. Нужно было видѣть изумленіе и негодованіе одураченной публики, въ особенности, когда этотъ господинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, написалъ Я—чу письмо съ просьбой прислать ему изъ библіотеки книгъ. Я—чъ отвѣчалъ отказомъ, напомнивъ ему постановленіе тюрьмы—не выдавать колонистамъ библіотечныхъ книгъ—постановленіе, за которое агитировалъ самъ же П—нъ.

Вслѣдъ за П—мъ ушелъ Ем—овъ, одинъ изъ трехъ метальщиковъ бомбъ на набережной Екатерининскаго канала въ мартѣ 1881 года. Этотъ не сталъ морочить публику—онъ прямо объявилъ о своемъ намѣреніи, которое также поразило всѣхъ неожиданностью. Не смотря на его сильно побѣлѣвшія и обрусѣвшія политическія тенденціи, не смотря на его противодѣйствія всякимъ мѣрамъ, направлявшимся противъ колонистовъ,—(запретъ ходить въ нашу баню, получать продукты изъ ларя, пользоваться тюремной библіотекой) — отъ него все-таки меньше можно было ожидать этого шага, чѣмъ отъ П—на. Въ бесѣдѣ съ Д—мъ и Я—чемъ Е—овъ мотивировалъ свой уходъ не измѣнившимися взглядами, которые, какъ онъ говоритъ, измѣнились не въ такой рѣзкой степени, чтобы дальнѣйшее его пребываніе въ тюрьмѣ казалось ему несообразнымъ. Онъ уходитъ потому, что ему невыносимо оставаться въ общежитіи. Онъ давно хлопоталъ черезъ родныхъ, чтобы его перевели, хотя бы въ Шлиссельбургъ, но ничего изъ этого не вышло. Рѣшивъ во что бы то ни стало избавиться отъ тягостнаго для него общежитія, онъ остановился на единственномъ средствѣ—подачѣ прошенія о помилованіи. Насколько тутъ правды, знаетъ одинъ лишь Ем—овъ, но что извѣстная доля правды все-таки есть, легко можетъ судить всякій, испытавшій прелести многолюдной совмѣстной жизни.

17-ое мая.—Главную заботу по затѣянному мною огороду съ парниками приходится взвалить на своего сотрудника по этому дѣлу З—ча, такъ какъ физическая слабость послѣ болѣзни не позволяетъ мнѣ работать по прошлогоднему. Зундъ не совсѣмъ-то этимъ доволенъ: онъ не прочь работать за двоихъ, но ему не хочется брать на себя роль распорядителя. Онъ избѣгаетъ положеній, связанныхъ какъ бы съ отвѣтственностью передъ публикой, потому что малѣйшая непріятность или пересуды на его счетъ повергаютъ его въ отчаяніе и лишаютъ всякой энергіи. Я же къ этому не особенно чувствителенъ. Правда, наше предпріятіе частное, а не артельное, а потому—гдѣ садить, что садить,—я сообразуюсь съ собственнымъ вкусомъ и отчасти съ желаніемъ немногихъ, заинтересованныхъ этимъ дѣломъ. Зундъ же смотритъ на него строго. По его мнѣнію, предпріятіе хотя и частное, но необходимо имѣть въ виду прежде всего интересы тюрьмы. Послѣдніе же понимаются имъ исключительно съ утилитарной точки зрѣнія, въ силу которой весь огородъ долженъ быть засаженъ капустой, свеклой, огурцами и тому подобной съѣдобной овощью. Между тѣмъ какъ я отвожу значительное пространство подъ цвѣты и разные деликатесы въ родѣ баклажанъ, арбузовъ,

шведскаго кофе. Бѣднягѣ Зунду всѣ эти затѣи не нравятся, тѣмъ не менѣе онъ предлагаетъ мнѣ оставаться завѣдующимъ огородомъ хотя бы номинально, беря на себя всю тяжесть работъ. Я на этихъ условіяхъ не соглашаюсь, не находя въ себѣ достаточной твердости характера, чтобы заставлять его работать тамъ, гдѣ должны вырасти, на его взглядъ, глупые безполезные флоксы или нисколько не насыщающіе желудокъ подсолнухи. Мой планъ—раздѣлить огородъ на двѣ части: утилитарную возьметъ на себя Зундъ, съ эстетической я самъ какъ-нибудь справлюсь при помощи охотниковъ.

Этотъ проектъ поддерживаетъ и присоединившійся къ нашему цеху Павло Ивановъ. Зундъ колеблется, его страшитъ тяжесть отвѣтственности (о, тяжела ты шапка тюремнаго огородника!), но въ концѣ концовъ онъ предпочтетъ все-таки согласиться, чѣмъ тратить по пусту время и трудъ на какой-то belles de jour, амарантусъ и прочую такую ерунду. Чтобы успокоить щепетильную совѣсть моего сотрудника и убѣдить его въ односторонности его „міровоззрѣнія“, я подвергъ голосованію вопросъ „кто за цвѣты, кто противъ цвѣтовъ“. На моей сторонѣ набралось пятнадцать голосовъ, въ числѣ которыхъ такія почетныя разныхъ профессій личности, какъ поэтъ Як—чъ, врачъ Пр—въ, капитанъ-инженеръ Л—и и философъ Я—чъ. „Противъ“ не нашлось никого, за исключеніемъ Санковскаго, который противъ всякаго огорода принципіально, потому что по этому дѣлу нужно было разговаривать съ комендантомъ. Но и этотъ единственный протестующій голосъ приводитъ Зунда въ смущеніе. Я обѣщалъ ему смягчить Санковскаго первой расцвѣтшей фіалкой, рискуя, впрочемъ, быть отосланнымъ къ чортовой маменькѣ.

26-ое мая.—Сегодня почта изъ женской тюрьмы принесла намъ взволновавшее насъ прискорбное извѣстіе: тамъ у нихъ со вчерашняго дня голодаютъ. Вотъ что пишетъ объ этомъ Лешернъ: „У насъ опять поднялось смутьянство, отъ котораго мы, кажется, по гробъ жизни не избавимся. Завтра начинается у насъ повальная голодовка. При извѣстіи о скоромъ пріѣздѣ

Корфа въ той камерѣ заволновались. И такъ какъ обѣщанный Плотто трехмѣсячный срокъ (я этого раньше не слыхала) для удаленія Мосюкова прошелъ, то рѣшили непремѣнно что-нибудь предпринять. И вотъ С—ва и Д—на приходятъ къ намъ и говорятъ, что у нихъ пишутъ заявленіе Плотто черезъ коменданта и назначаютъ послѣднему три дня на отвѣтъ; если же отвѣта не будетъ въ назначенный срокъ, онѣ отказываются отъ всякихъ съ нимъ сношеній, отказываются что бы то ни было принимать, не исключая и казеннаго пайка. Въ заявленіи же сказано, чтобы Мосюковъ немедленно былъ уволенъ, въ противномъ случаѣ подписавшіяся начнутъ голодать. У насъ пришли въ негодованіе, что нашей камерѣ ничего объ этомъ не сказали. А все же ничего не оставалось, какъ тянуться за ними и, скрѣпя сердце, написали также заявленіе, чувствуя, что дѣлаютъ надъ собой насиліе и противъ сочувствія всему этому обороту дѣла. Не захотѣли подписаться только я, да Ананьина. Я не знаю, дурно ли я поступила, только я отказываюсь брать на себя отвѣтственность за все что можетъ произойти. А станутъ голодать, такъ и я тоже, отъ этого я не отказываюсь. Хотя и не вижу надобности умирать изъ-за этой исторіи, но я уже такъ стара, что могу объ этомъ и не очень жалѣть. Думаю, впрочемъ, что до смерти дѣло не дойдетъ. Всѣ на васъ надѣются, авось выручите. Мы сильно виноваты передъ вами, что втягиваемъ васъ въ исторію, которая, Богъ знаетъ, чѣмъ можетъ кончиться. Но что же дѣлать, я не въ состояніи ничего выдумать, а въ той камерѣ объ этомъ не думаютъ“.

Другія изъ сѣверной камеры тоже пишутъ, что не видятъ смысла въ голодовкѣ, но вынуждены присоединиться къ тѣмъ, которыя голодаютъ. Даже Маруся въ письмѣ къ Б—ку высказывается противъ такого способа борьбы. Только Колюжная и Смирницкая заявили, что станутъ голодать, а другимъ предоставляютъ дѣйствовать, какъ сами знаютъ. На сходкѣ у насъ по этому поводу ничего опредѣленнаго не вырѣшили. Одни предлагали присоединиться къ голодающимъ женщинамъ, дру-

гіе требовали оказать давленіе на Мосюкова, чтобы онъ подалъ просьбу о перемѣщеніи его съ Кары. Можно было надѣяться, что вслѣдствіе настоянія мужской тюрьмы, онъ согласится это сдѣлать подъ предлогомъ болѣзни. Но на это возражали, что Мосюкова не за что гнать, а по мнѣнію другихъ, разъ онъ узнаетъ о голодовкѣ мужской тюрьмы, то навѣрное струситъ и самъ постарается уйти. Прямое же требованіе его удаленія съ нашей стороны было бы по отношенію къ нему несправедливо. Однако справедливость въ данномъ случаѣ не слишкомъ сильно пострадала бы: намъ приходится выбирать между Мосюковымъ, которому maximum что угрожаетъ, это матеріальный ущербъ, и между женщинами, для которыхъ голодовка можетъ закончиться несравненно болѣе печальными послѣдствіями, для иныхъ, быть можетъ, даже смертью. З-чъ стоялъ за голодовку не столько въ видахъ воздѣйствія на коменданта, сколько затѣмъ, чтобы этимъ путемъ заставить женщинъ перестать голодать Публика разошлась, не остановившись пока ни на какомъ общемъ рѣшеніи.

Пущено по камерамъ предложеніе голодать. Подъ прокламаціей подписались 20 человѣкъ за и 14 противъ (6 воздержались). Такимъ образомъ съ 26-го мая и мужская тюрьма начала голодовку.

29-ое мая. Третій день, какъ мы безъ пищи. На кухнѣ пусто, поваровъ нѣтъ. Большинство народа сидитъ по камерамъ; кое кто мрачно бродитъ по двору, а кто старается заняться чѣмъ-нибудь, чтобы прогнать назойливую мысль о кускѣ хлѣба. Д. Ивановъ и я копаемся около грядъ; но Зунделевичу кажется страннымъ и неловкимъ заботиться объ огурцахъ и другихъ вкусныхъ вещахъ въ такое время. Публика томится не столько голодомъ, сколько скукой и неизвѣстностью,—чѣмъ же все это, наконецъ, кончится.

Съ уничтоженіемъ обѣдовъ и чаевъ дни кажутся безконечной длины. Вездѣ тихо, вездѣ подавленное настроеніе. Голодаютъ всѣ, за исключеніемъ З—скаго и М—аго. З—скаго мы

чуть не вышвырнули изъ камеры. Тогда, когда иной напрягаетъ всѣ усилія, чтобы не думать о ѣдѣ, онъ преспокойно располагаетъ на общемъ столѣ свои запасы, и нуль вниманія на остальныхъ. Его турнули, и вотъ онъ теперь устраивается за библіотечными шкафами въ коридорѣ. Жандармы ходятъ съ вытянутыми физіономіями въ полномъ недоумѣніи, что сіе означаетъ. Мы рѣшили голодать, не дѣлая никакихъ заявленій и не предъявляя никакихъ требованій къ начальству. Всѣ, однако, съ нетерпѣніемъ ждутъ, что комендантъ вызоветъ П—ва или старосту и попроситъ объясненій нашего поведенія. На этотъ случай Д. выпустилъ прокламацію, предлагая дать коменданту такой отвѣтъ: „Мы узнали о голодовкѣ женщинъ и присоединились къ нимъ. Мотивы, вызвавшіе голодовку, вамъ извѣстны". Подписали, кромѣ Д., 8 за и 7 противъ. Я—чъ дѣлаетъ замѣтку: „думаю, что предложенная резолюція неправильно опредѣляетъ причины и смыслъ нашего присоединенія къ женской голодовкѣ. Къ этому побудило насъ сочувствіе не ихъ дѣлу, а ихъ положенію, что и слѣдуетъ выразить Мосюкову: мы не можемъ продолжать обычнаго теченія жизни, когда знаемъ, что въ женской тюрьмѣ голодаютъ". Къ этому мнѣнію присоединились четверо, изъ коихъ П—въ отъ себя прибавляетъ: „заявить ему (М—ву), чтобы онъ употребилъ всѣ мѣры къ удовлетворенію требованія женщинъ, если не находитъ другихъ способовъ прекратить ихъ голоданіе".

Среди нѣкоторыхъ начинается слышаться ропотъ. М—ій находитъ положеніе крайне глупымъ и весьма усердно пропагандируетъ эту идею по камерамъ. Тишина время отъ времени нарушается раздающимися изъ *волости* безличными ругательствами Х—ва и Ос—скаго.

Я поглядѣлъ на лежащаго на кровати Евгенія. Никакихъ внѣшнихъ признаковъ страданія не нахожу.—Какъ ты себя чувствуешь? спрашиваю. Говоритъ:—„вовсе недурно"—и никакого позыва къ пищѣ не ощущаетъ.

30-ое мая. Вчера комендантъ, наконецъ, вызвалъ Н—аго,

который и передалъ ему причины голодовки и нашъ „совѣтъ" уступить требованіямъ женщинъ. Комендантъ очень разстроенъ, плачетъ, увѣряетъ, что давно хлопочетъ о своемъ переводѣ съ Кары. Онъ показалъ Н—му слѣдующіе документы: 1) телеграмму отъ Плотто, который пишетъ, что его отставкѣ данъ ходъ, что онъ, Плотто, свое обѣщаніе женщинамъ устроить дѣло,—сдержалъ, но трехмѣсячнаго срока не обѣщалъ; 2) копія съ телеграммы Корфу самого Мосюкова: послѣдній проситъ генералъ-губернатора, „какъ благодѣянія", посодѣйствовать его переводу отсюда; 3) отвѣтъ губернатора на донесеніе о голодовкѣ. Хорошихинъ приказываетъ не допускать сношеній между мужской и женской тюрьмами, варить пищу и ставить въ камерахъ, а если станутъ выбрасывать—перевозить наиболѣе ослабѣвшихъ въ лазаретъ и кормить искусственнымъ способомъ (клистирами). „Ни въ какіе переговоры съ преступниками не входить". Вмѣстѣ съ тѣмъ Н—ій узналъ отъ Голубцова, что, по словамъ пріѣхавшихъ изъ Верхоленска 2-хъ жандармовъ, капитанъ Яковлевъ собирается на Кару на мѣсто Мосюкова. Въ виду всѣхъ этихъ свѣдѣній, на сходкѣ рѣшено послать въ женскую тюрьму слѣдующее письмо:

„26-го мая мы узнали о начавшейся у васъ за день до того голодовкѣ, мотивированной тѣмъ, что требованіе ваше объ удаленіи Мосюкова не было удовлетворено въ продолженіе трехмѣсячнаго срока и желаніемъ вашимъ добиться скорѣйшаго его удаленія. Получивъ это свѣдѣніе, мы на общей сходкѣ пришли къ слѣдующему заключенію: оставляя въ сторонѣ возможныя разногласія относительно необходимости настаивать на уходѣ Мосюкова и целесообразности настойчивыхъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью добиться этого ухода, мы, какъ товарищи, не можемъ оставаться равнодушными къ положенію, въ которое вы себя поставили, и считаемъ нужнымъ стать въ такое же положеніе, т. е. начать голодовку, въ надеждѣ, что это посодѣйствуетъ наступленію условій, при которыхъ вы можете считать себя удовлетворенными. Согласно съ принятымъ рѣшеніемъ, голодовка въ мужской тюрьмѣ началась съ

27-го мая. Въ виду занятаго нами вышеизложеннаго положенія въ этомъ вопросѣ, мы считаемъ излишнимъ вступать въ какія-либо предварительныя объясненія съ начальствомъ, предъявлять ему какія-либо формулированныя требованія; но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшили не уклоняться отъ объясненій, если иниціативу къ нимъ дастъ само начальство.

„На третій день нашей голодовки Мосюковъ высказалъ черезъ смотрителя желаніе переговорить съ нашимъ старостой, и, послѣ обсужденія этого вопроса тюрьмой, разговоръ этотъ состоялся. Во время разговора съ Мосюковымъ выяснились нѣкоторыя обстоятельства, до сихъ поръ намъ,—надо полагать, также и вамъ,—вполнѣ неизвѣстныя. Именно: изъ предъявленныхъ Мосюковымъ документовъ, которые лично читалъ нашъ староста, выяснилось слѣдующее: 1) 23-го февраля 1889 года Мосюковъ подалъ Плотто рапортъ о переводѣ его отсюда; 2) адъютантъ Плотто, Горскій, въ телеграммѣ отъ 7-го марта извѣщаетъ Мосюкова, что его рапорту о переводѣ данъ ходъ; 3) послѣ того, какъ началась голодовка въ женской тюрьмѣ, Мосюковъ послалъ телеграмму Корфу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „вслѣдствіе усложнившихся обстоятельствъ, о которыхъ имѣлъ честь подробно довести до вашего свѣдѣнія, какъ благодѣянія и великой милости, прошу о скорѣйшемъ переводѣ съ этого мѣста"; 4) Плотто, въ отвѣтъ на посланную ему Мосюковымъ телеграмму съ извѣщеніемъ о начавшейся голодовкѣ, пишетъ, что рапорту о переводѣ Мосюкова данъ ходъ, срока женщинамъ не назначилъ, все отъ него зависящее, согласно обѣщанію, сдѣлано. Независимо отъ этого намъ стало извѣстнымъ, что Яковлевъ готовится къ пріѣзду сюда въ качествѣ завѣдующаго. Эти обстоятельства, въ достовѣрности которыхъ мы вполнѣ убѣдились, измѣняютъ все положеніе дѣла въ нашихъ глазахъ и должны, по нашему мнѣнію, измѣнить его и въ вашихъ глазахъ, такъ какъ, повидимому, имѣются налицо условія, дѣлающія голодовку излишней. Оказывается, что всѣ мѣры, которыя могли клониться къ осуществленію вашего желанія, приняты и остается ожидать

результатовъ, которыхъ, конечно, нельзя пріурочивать къ какому-нибудь опредѣленному дню. Если же такъ, то голодовка теряетъ основанія и во всякомъ случаѣ серьезность этой мѣры не соотвѣтствуетъ цѣли, которая при выяснившихся обстоятельствахъ сводится уже не къ тому, чтобы добиться удаленія Мосюкова вообще, а чтобы добиться этого удаленія именно въ такой-то срокъ и демонстративно, что, очевидно, не существенно. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что сдѣланное до сихъ поръ начальствомъ является maximum'омъ уступокъ, которыя съ его стороны возможны. Итакъ, продолженіе голодовки, при отсутствіи убѣжденія въ ея цѣлесообразности и умѣстности, является—въ нашихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ,—чѣмъ-то ненормальнымъ. Въ виду этого въ высшей степени желательно, чтобы вы убѣдились въ основательности вышеприведенныхъ аргументовъ и прекратили голодовку, для которой при настоящемъ положеніи дѣла разумныхъ основаній не имѣется. Просимъ васъ немедленно по полученіи сего посланія составить отвѣтъ, выясняющій ваше дальнѣйшее рѣшеніе".

Д—чъ внесъ предложеніе выбросить изъ этого письма всѣ тѣ мѣста, которыя имѣютъ характеръ поученія и совѣтодательства, что можетъ произвести на женщинъ неблагопріятное впечатлѣніе Это было вполнѣ справедливо, если имѣть въ виду Ковалевскую съ ея компаніей. Вообще весь оффиціальный, слишкомъ логическій тонъ письма ей не понравится. Но, по мнѣнію другихъ, эту группу трудно урезонить чѣмъ бы то ни было, и, разъ она останется при своемъ, то, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ воздѣйствовать на остальныхъ, а для нихъ подробное изложеніе нашего взгляда на дѣло будетъ имѣть большое значеніе. Въ виду этого большинство подписалось подъ письмомъ безъ измѣненія, а 9 человѣкъ приняли предложеніе Д—ча и, выкинувъ все заключеніе, начиная со словъ: „эти обстоятельства" и т. д., послали особо за своей подписью. Письма эти въ 2-хъ экземплярахъ для сѣверной и южной камеръ женской тюрьмы, запечатанныя нашей печатью,

комендантъ, не читая, тотчасъ же отправилъ съ смотрителемъ на *Отрядъ*. З—чъ и еще кое-кто хотѣли было этимъ же путемъ послать частныя письма, на воздѣйствіе которыхъ въ успокоительномъ смыслѣ они больше разсчитывали, опасаясь, что одна сухая коллективная „нота" не приведетъ къ желаемымъ результатамъ. Но этому благому намѣренію помѣшали протесты С. Д., В—о, С—и и еще двухъ-трехъ. Чѣмъ руководились они—трудно сказать.

Вечеромъ того же дня черезъ смотрителя были получены въ запечатанномъ конвертѣ отвѣты изъ женской тюрьмы.

I.—„Наши номера начали голодовку только, чтобы поддержать другую камеру. И такъ какъ онѣ рѣшили голодать до тѣхъ поръ, пока не будетъ получено телеграммы отъ Плотто, что замѣститель Мосюкова назначенъ, то и мы будемъ голодать съ ними. Въ виду того, что это рѣшеніе прямо грозитъ всѣмъ намъ смертью, просимъ васъ, чтобы вы настояли, чтобы Мосюковъ далъ немедленно телеграмму Плотто съ запросомъ, назначенъ ли ему замѣститель, и потребовалъ бы немедленнаго отвѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаемъ слѣдующее: не можетъ ли Мосюковъ въ своей телеграммѣ сказать, что по болѣзни сдаетъ должность начальнику воинской команды Толмачеву и проситъ утвердить послѣдняго временно въ этой должности? Это замѣщеніе Толмачевымъ удовлетворитъ другую камеру, если оно будетъ утверждено начальствомъ и (бумага объ этомъ) прислана въ нашу тюрьму. 29 мая. А. К—а, А. Я—а, П. И—ая. Н. Сигида. С. Лешернъ". Внизу печать, изображающая богиню съ вѣнкомъ въ рукѣ.

II.—„Мы находимъ возможнымъ прекратить голодовку только тогда, когда получимъ оффиціальное увѣдомленіе (хоть телеграммой) отъ какого бы то ни было начальственнаго лица, что Мосюковъ смѣняется и на его мѣсто назначенъ другой. По полученіи такого увѣдомленія мы прекратимъ голодовку; но до пріѣзда новаго коменданта откажемся принимать письма, книги, тетради, словомъ все, что болѣе или менѣе зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія Мосюкова. Мы не желаемъ стать въ

такое положеніе, чтобы рисковать снова начинать голодовку. Колюжная, Д—на, Со—во, Смирницкая, Тринидатская".

III.—(приписка). „Считаю нужнымъ прибавить, что на прекращеніе голодовки я не имѣю никакого голоса, такъ какъ не признаю ее вообще, какъ средство борьбы, и въ данномъ случаѣ стою въ совершенно пассивномъ отношеніи къ голодовкѣ: не ѣмъ, потому что другія не ѣдятъ. Марія Ковалевская".

По прочтеніи этихъ писемъ пущенъ былъ на голосованіе вопросъ, кто за прекращеніе голодовки, кто за продолженіе ея вмѣстѣ съ женщинами. За послѣднее оказалось 7 человѣкъ, 23 за немедленное прекращеніе и нѣсколько человѣкъ за то, чтобы обождать результатовъ переговоровъ съ Мосюковымъ.

31-ое мая. Сегодня повара пошли на кухню, но человѣкъ 15 не принимали пищи, пока Н—ій не вернулся отъ коменданта и не передалъ результатовъ переговоровъ. Мосюковъ указалъ на невозможность передачи должности Толмачеву, такъ какъ послѣдній согласился бы на это лишь въ случаѣ тяжкой его, Мосюкова, болѣзни, а таковой за нимъ никакая комиссія не захочетъ признать. Запросъ же Плотто, назначенъ ли ему уже преемникъ, онъ готовъ послать, хотя увѣренъ, что, въ случаѣ назначенія таковаго, ему Горскій немедленно далъ бы знать. Онъ согласился и сегодня отправить нарочнаго къ женщинамъ съ нашими письмами. На этотъ разъ коллективнаго посланія не было; писали разныя лица частнымъ образомъ отъ себя. Голодать остались до полученія отвѣта 5 человѣкъ.

Отвѣты были доставлены того же дня. Лешернъ пишетъ: „Вчерашнее извѣстіе о вашей голодовкѣ привело меня въ ужасъ. Я ждала только вашего рѣшенія, чтобы поступить такъ же, какъ и вы. Сегодня я прекратила голодовку, Ананьина и Анна тоже. Паша проситъ только, чтобы ее перевели въ лазаретъ, потому что она не можетъ видѣть, какъ другія голодаютъ. Анюта не хочетъ отставать отъ той камеры. Сигида не знаетъ, какъ быть, бѣгаетъ, какъ безумная. Страшно жалко ее. Изъ южной камеры пишутъ, что готовы перестать голодать, если ихъ переведутъ въ лазаретъ, такъ какъ тамъ онѣ (будто бы) будутъ находиться въ вѣдѣніи доктора, а не Мосюкова.

Послѣ этого заявленія у насъ послѣдніе 5 человѣкъ принялись за ѣду. Рѣшено было тотчасъ призвать Гуревича и просить его взять въ лазаретъ тѣхъ женщинъ, которыя обусловливаютъ этимъ прекращеніе голодовки. Докторъ обѣщалъ побывать у нихъ, поговорить съ Мосюковымъ и сдѣлать все отъ него зависящее.

Пр—въ ходилъ къ коменданту. Послѣдній заявилъ, что не имѣетъ права перевести женщинъ изъ тюрьмы въ лазаретъ, безъ разрѣшенія губернатора. Но если Гуревичъ дастъ свидѣтельство объ ихъ болѣзни, онъ пошлетъ на этомъ основаніи запросъ въ Читу. Онъ и Пр—ву давалъ читать тѣ же документы, что и Н—му, но въ ихъ числѣ не оказалось ни телеграммы коменданта къ Корфу, ни телеграммы къ нему Горскаго. На вопросъ о нихъ Пр—ва Мосюковъ сказалъ, что таковыхъ вовсе не было. Н—кій увѣряетъ, что самолично читалъ. Публика, однако, считаетъ эти телеграммы его собственнымъ сочиненіемъ. Но дѣло прошлое—si non e vero, e ben travato.

1-ое іюня Опять комендантъ вызывалъ П—ва. Какъ разъ получилась телеграмма отъ Горскаго, увѣдомляющая, что штабъ утвердилъ переводъ Мосюкова на соотвѣтствующее (?) мѣсто въ Россію. Странно, но чрезвычайно кстати. Возвратившійся Пр—въ сообщилъ, что Мосюковъ сейчасъ ѣдетъ на телеграфную станцію отправлять запросъ губернатору на счетъ перевода голодающихъ женщинъ въ лазаретъ. Теперь это было совершенно лишнее. Мы всѣ удивились недогадливости П—ва, которому слѣдовало посовѣтовать Мосюкову тотчасъ же отправить телеграмму Горскаго въ женскую тюрьму, такъ какъ она, по всей вѣроятности, удовлетворила бы женщинъ вполнѣ. Между тѣмъ какъ обращеніе къ бурбону Хорошихину можетъ вызвать съ его стороны такой отвѣтъ, который взвинтитъ женщинъ, вмѣсто того, чтобы умиротворить ихъ. Тотчасъ же

послали П—ва исправить свою ошибку, но уже было поздно: Мосюкова не было дома. Только, когда онъ вернулся съ телеграфной конторы, можно было отправить въ женскую тюрьму копію съ телеграммы Горскаго, засвидѣтельствованную въ подлинности П—мъ.

Черезъ два часа Колюжная отвѣтила, что этой телеграммой онѣ удовлетворены и перестаютъ голодать; но, пока не пріѣдетъ замѣститель Мосюкова, отказываются пользоваться всѣмъ тѣмъ, что зависитъ отъ усмотрѣнія коменданта.

При встрѣчѣ Корфа на Усть-Карѣ, проѣзжавшаго на пароходѣ въ Срѣтенскъ, Мосюковъ жаловался ему на свое затруднительное положеніе. Какъ передаетъ Голубцовъ, Корфъ сказалъ ему: „мы съ вами, полковникъ, здѣсь не у мѣста; тутъ нужны Николины". И въ самомъ дѣлѣ, печальный, мало рекомендующій насъ фактъ: не смотря на строгости порядковъ и все неудобство для насъ качествъ коменданта Николина, при немъ не бывало „исторій". Не то же ли самое наблюдается и въ исторіи нашего революціоннаго движенія? Наибольшаго разгара терроръ достигъ при Александрѣ II съ Лорисъ-Меликовымъ, а при Александрѣ III съ гр. Толстымъ—тишь да гладь да божья благодать. Тихомировъ осудилъ на смерть царя, освободившаго крестьянъ, ...

. . . .

5-ое іюня. Жизнь начинаетъ входить въ свою обычную мирную колею. Большинство публики на цѣлый день перекочевываетъ изъ камеръ во дворъ, мало по малу превращающійся въ зеленый садикъ съ сосенками, березками, кустами тавомажника, черемухи. Дорожки, усыпанныя пескомъ, красивыя клумбы съ разнообразной растительностью, бѣлыя палатки подъ палями, которыя, къ сожалѣнію, еще не скоро задрапируются вьющимися стеблями бобовъ,—все это, если не для всѣхъ, то для многихъ создаетъ иллюзію вольной жизни, приводитъ на память безотчетно радостныя каникулярныя ощущенія, заслоняющія подчасъ мрачную дѣйствительность нашего положенія. Валяясь среди земли, наслаждаясь лѣтнимъ

воздухомъ, публика туго поддается продолжающимся попыткамъ женщинъ вывести ее изъ пріятнаго спокойствія, инстинктивно уклоняясь отъ всякихъ тюремно-политическихъ треволненій. Теплые солнечные лучи настраиваютъ вѣдь такъ эгоистически-миротворно; съ сопокъ несется такой свѣжій, спокойно-бодрящій ароматъ молодой лиственницы. А ко всему этому такія хорошія вещи, какъ получка съ послѣдней почтой 310 руб., какъ извѣщеніе о благополучномъ прибытіи въ Петербургъ *Уффельмана*, что сулитъ также подкрѣпленіе нашихъ финансовъ, и, наконецъ, телеграмма изъ департамента, увѣдомляющая объ отсрочкѣ до зимы перевода тюрьмы въ Акатуй, перевода, который не мало насъ тревожитъ. Вотъ почему сегодняшнія огорчительныя письма изъ женской тюрьмы прошли мало замѣченными, вызвавъ лишь добродушныя комментаріи отдѣльныхъ личностей. С—а обратилась къ тюрьмѣ съ слѣдующимъ заявленіемъ: „Чтобы сохранить за собой на будущее время возможно большую свободу совѣсти (sic!), убѣжденій и дѣйствій, гарантировать себя отъ крайне тяжелыхъ подчасъ узъ мнимаго товарищества (истиннаго товарищества, ни даже взаимнаго уваженія въ здѣшнихъ нашихъ отношеніяхъ въ массѣ нѣтъ), я рѣшила порвать внѣшнюю, чисто хозяйственную, на мой взглядъ, связь съ артелью, какъ съ цѣлымъ, а потому прошу исключить меня изъ общей кассы. Отказываюсь также отъ кандидатуръ на новыя книги, газеты и журналы. Библіотека, какъ мнѣ кажется, есть учрежденіе нейтральное (если ошибаюсь, прошу извѣстить меня, что это не такъ) и потому право на пользованіе книгами изъ библіотеки я желала бы сохранить".

Второе письмо отъ Ковалевской: „Товарищескія чувства тюрьмы, какъ цѣлаго, такъ блистательно доказаны, ваши совѣты проникнуты такимъ интересомъ къ намъ и нашему положенію, что я имѣю полное право сказать: избави меня, Боже, отъ друзей, а съ врагами я сама управлюсь. Въ связи съ прошедшими проявленіями чувствъ и мыслей мужской тюрьмы, какъ цѣлаго, послѣднее ея поведеніе окончательно

порвало и ту ничтожную нить общественной и нравственной солидарности, которая у меня существовала до сихъ поръ; теперь же съ моей стороны было бы постыднымъ лицемѣріемъ поддерживать хотя и внѣшнюю чисто, но все-таки существенную связь съ мужской тюрьмой, какъ цѣлымъ. Я желаю получить, наконецъ, свободу дѣйствія и избавить себя отъ вмѣшательства „товарищей" въ мои поступки подъ благовиднымъ предлогомъ ихъ „товарищескихъ чувствъ". Поэтому я абсолютно рву всякую связь и всѣ отношенія, существовавшія до ихъ поръ съ мужской тюрьмой, какъ цѣлымъ. Я прошу не считать меня своимъ товарищемъ, какъ я васъ не считаю своими. Я выхожу изъ кассы, я не буду пользоваться никакой собственностью, принадлежащей артели. Я не буду принимать никакихъ присылокъ изъ мужской тюрьмы для женской, что было въ обычаѣ относительно лицъ—не членовъ кассы. Однимъ словомъ, для меня мужская тюрьма, какъ цѣлое, не будетъ существовать. У меня останутся отношенія только съ отдѣльными лицами, съ которыми не порвана извѣстная степень нравственной солидарности. Относительно библіотеки я слыхала, что она состоитъ: во 1) изъ книгъ, подаренныхъ разными лицами вообще карійскимъ каторжнымъ безъ отношенія къ тому или другому составу тюрьмы, такъ сказать, неподвижная библіотека, на чтеніе которой имѣетъ право каждое отдѣльное лицо; 2) изъ книгъ и періодической литературы, пріобрѣтенной на средства кассы и 3) частныя книги, циркулирующія для чтенія среди всѣхъ каторжанъ. Если эти мои свѣдѣнія не ошибочны, то 1-й частью книгъ я, конечно, буду пользоваться, если мнѣ будетъ данъ списокъ такихъ книгъ. Что же касается книгъ, пріобрѣтенныхъ на средства кассы и частныхъ лицъ, то я отказываюсь отъ пользованія ими. Это письмо не относится къ тѣмъ лицамъ, которыя вовсе не подписывались подъ присланнымъ намъ письмомъ, а также не относится къ подписавшимся подъ маленькимъ письмомъ. М. Ковалевская".

Записка ея къ Д—чу: „Евгеній! Тебѣ будетъ извѣстно

мое письмо къ тюрьмѣ, какъ къ цѣлому. Изъ него ты видишь, что къ тебѣ оно не относится, ибо ты не подписался подъ большимъ письмомъ *съ милыми совѣтами и съ глупымъ менторскимъ тономъ*. Я безконечно рада, что ты не подписался подъ нимъ. Это chef-d'oeuvre „товарищескихъ чувствъ". Я чувствую себя такъ легко послѣ разрыва съ тюрьмой. Связь съ нею меня страшно тяготила,—ты знаешь. Сегодня, на другой день послѣ розговинъ, которыя произошли вчера, 1 іюня, въ 4 часа, я слабѣе, чѣмъ во время голодовки".

Увы! Д—чъ пишетъ ей и разочаровываетъ ее вдрызгъ насчетъ себя. Онъ объясняетъ ей, что не подписался подъ большимъ письмомъ исключительно по психологическимъ соображеніямъ, зная ея самолюбіе, не выносящее „менторскаго тона" и „милыхъ совѣтовъ". Теперь же, когда цѣль достигнута—голодовка прекращена, онъ счелъ возможнымъ высказать ей свое настоящее отношеніе къ ихъ поведенію, отношеніе, во всемъ согласное съ содержаніемъ ненавистнаго большого письма.

10-ое іюня. Пріѣхалъ С—линъ, разсказываетъ ужасную исторію съ административно-ссыльными въ Якутскѣ *) . . .

. . . .

1-ое іюля. Маруся пишетъ Ев., что ихъ страшно возмутило письмо Я., адресованное С—ой, но съ просьбой прочесть его всѣмъ. Въ этомъ „литературномъ произведеніи" онѣ усмотрѣли бездну лицемѣрія и высокомѣрный поучительный тонъ, за что и вернули бѣдному автору письмо обратно безъ всякаго отвѣта. А авторъ вовсе не высокомѣренъ и не лицемѣренъ, а просто вѣритъ въ силу краснаго слова и, какъ поэтъ,—своего въ особенности. Если бы онѣ видѣли, до чего онъ огорченъ, онѣ раскаялись бы въ своемъ оскорбительномъ поступкѣ. Я не читалъ письма Я—а, но трудно допустить

*) Это были первыя свѣдѣнія, полученныя нами о безпримѣрномъ избіеніи якутскихъ ссыльныхъ, свѣдѣнія, оказавшіяся сбивчивыми и крайне не точными, почему я не воспроизвожу ихъ здѣсь (замѣтка 1891 г., декабрь).

чтобы этотъ добрякъ, проявляющій нерѣдко чисто дѣтскую наивность, могъ написать умышленно что-нибудь обидное. Вѣрнѣе предположить, что у нихъ, у женщинъ, развивается манія видѣть во всемъ намѣреніе съ нашей стороны наставлять и поучать ихъ.

5-ое іюля. С—ну пишутъ, что Тихомировъ сотрудничаетъ въ „Моск. Вѣдомостяхъ“ и „Гражданинѣ“ подъ прежнимъ своимъ псевдонимомъ Кольцовъ. Въ своихъ статьяхъ онъ обвиняетъ Лаврова въ зловредномъ вліяніи на молодежь, забывая, что не Лавровъ проповѣдывалъ ей спасительность террористической борьбы, не Лавровъ гналъ ее въ подкопы и на динамитное производство, а онъ самъ, онъ, Тихомировъ, больше, чѣмъ кто-нибудь другой. Теперь онъ упрекаетъ правительство въ томъ, что оно не обнаружило твердости послѣ событій 1-го марта и, вмѣсто репрессій, обратилось къ помощи общества, которое взамѣнъ дерзнуло „потребовать“ конституцію. Для него нынѣшняя печать слишкомъ распущена, онъ совѣтуетъ правительству сократить ее. Даже послѣ всей уже обнаруженной Т—вымъ мерзости, нельзя было ожидать отъ него подобнаго профаничества. До такой степени быть нахальнымъ, съ такимъ безстыдствомъ втоптать въ калъ свое нравственное „я“, съ такимъ презрѣніемъ наплевать на храмъ, въ которомъ вчера еще молитвословилъ,—это нѣчто такое, чему и названія не подберешь. Теперь въ его личныхъ интересахъ тормозить, душить, давить все прогрессивное, натравлять правительство на народъ, на общество, на молодежь, подстрекать его къ жестокостямъ по отношенію къ политическимъ преступникамъ. Реакція, гнетъ, мракъ—все это нужно теперь лично для него, потому что со всѣмъ этимъ связано личное его благополучіе.

Пришелъ мнѣ на память одинъ съ нимъ разговоръ. Мы говорили о томъ, какія полицейскія мѣры могли бы скорѣе всего затушить революціонное движеніе интеллигенціи. Онъ тогда высказывалъ мысль, что видитъ такую мѣру въ тѣлесномъ наказаніи. Не онъ ли даетъ теперь совѣты Дурново въ этомъ смыслѣ?

8-ое августа. Въ полученной книжкѣ „Соціалъ-Демократа“ набросились прежде всего на „Горе Тихомирова“, но статья не понравилась за ея злую критику народничества, которое имѣетъ у насъ много сторонниковъ. М—овъ и др. обижены авторомъ тѣмъ, что тотъ считаетъ метаморфозу Тихомирова неизбѣжнымъ логическимъ завершеніемъ его народническаго образа мыслей. Это объясненіе было бы, можетъ быть, справедливо, если бы относилось, напр., къ Ѳомичеву, или другому ограниченному, но честному уму. Но въ данномъ случаѣ оно совершенно не приложимо. Въ измѣнѣ Т—ва народничество не при чемъ. Ни анархизмъ, ни бланкизмъ, ни марксизмъ нисколько не облагородили бы природу Т—ва и не помѣшали бы ей проявить присущія ей прирожденныя свойства. Народничество развѣ лишь облегчило ему теоретическую мотивировку своей измѣны; но я думаю, что и въ марксизмѣ онъ не затруднился бы найти, что ему нужно. Существуютъ же, говорятъ, экономисты, которые на основаніи теоріи Маркса одобряютъ мѣропріятія, обезземеливающія крестьянъ. Не нравится мнѣ и то, что Жоржъ *) разсуждаетъ съ нимъ, оспариваетъ его новое ученіе, какъ будто бы имѣетъ дѣло съ честной искренностью, а не съ разсчитанной, шкуро-корыстной и злобствующей фальшью. Съ Тихомировымъ разсуждать и невозможно, и неприлично.

Зато „беллетристы-народники“—вещь умная и хорошая. Только конецъ статьи надо было бы придумать другой, потому что совѣтъ Успенскому заняться пропагандой соціализма напоминаетъ совѣтъ Писарева Щедрину—бросить сатиру и заняться естествознаніемъ.

Очеркъ Вѣры (Засуличъ) объ Интернаціоналѣ превосходенъ: содержательный, прекрасный сжатый языкъ, безъ амплификацій, фразъ и прочихъ излишнихъ украшеній писательства.

Аксельродъ въ своемъ обзорѣ рабочаго движенія говоритъ

*) Г. В. Плехановъ.

больше общими мѣстами, чѣмъ фактами,—что хорошо для диссертаціи, а для хроникера не годится.

А съ Мокріевичемъ тоже въ своемъ родѣ метаморфоза. Вздумалъ выступить въ роли конституціоналиста-либерала *противъ соціалистовъ!* Я согласенъ, что эту роль разыгрывать гораздо легче; но къ лицу ли оно старику, бунтарю-народнику? Вѣдь рискуетъ очутиться позади „Вѣст. Евр.", а пожалуй—еще немного лѣтъ—и позади самого правительства. Намъ ли съ тобой за зайцемъ гоняться послѣ того, какъ мы волка ловили! Правда, ловили да не поймали, потому что на настоящій слѣдъ не напали; а зайца предоставимъ ужъ Михаилу Петровичу (Драгомирову).

12-ое августа. Съ тѣхъ поръ какъ В—ко, перешедшій изъ *Якутки* въ нашу камеру, сталъ выздоравливать отъ водянки, у Д—ча съ нимъ постоянныя теоретическіе и не теоретическіе споры. Спорятъ чаще всего о превосходствѣ русской жизни и русскаго человѣка надъ европейскимъ. В—о утверждалъ, что высокій альтруизмъ и готовность къ самопожертвованію не имѣютъ себѣ ничего аналогичнаго въ жизни западно-европейской (хожденіе въ народъ, простота и легкость, съ какою русскій революціонеръ идетъ на смерть, Толстой съ его проповѣдью и словомъ par le fait евангельскихъ идей.). Всѣ эти отрадныя проявленія человѣческой души Д. вовсе не считаетъ спеціальной психической принадлежностью русской натуры. Онъ указываетъ на не менѣе высокіе подвиги итальянскихъ революціонеровъ въ періодъ освободительнаго движенія, на нѣмецкую молодежь 48 г., когда и въ Германіи возникало среди интеллигенціи тяготѣніе къ народу, подобное нашему 70-тыхъ годовъ; а проповѣдниковъ морали въ родѣ Толстого можно насчитать сколько угодно, и если мы кичимся Толстымъ, если онъ нашумѣлъ на весь міръ, то не столько въ силу содержанія своей морали, сколько благодаря отчасти невольному, а въ значительной мѣрѣ вольному саморекламированію. В—ко, ослабленный въ своей позиціи, повидимому, мало извѣстными ему фактами общественнаго движенія въ

Западной Европѣ, усматриваетъ въ нихъ болѣе низкое внутреннее достоинство по сравненію съ подобными явленіями русскаго духа. Но, по мнѣнію Д., это не болѣе, какъ свойственное всякой народности самообольщеніе, которое заставляетъ даже румынъ считать себя выше всякой другой національности, предназначенными яко бы стать во главѣ человѣчества. Предразсудки эти, льстящіе національному самолюбію,—своего рода нравственный атавизмъ, поддерживаемый обособленностью народностей и, въ частности, нашимъ невѣдѣніемъ исторіи европейскаго общественнаго развитія. Все наше знакомство по этой части ограничивается французскими и англійскими революціями, а другихъ эпохъ, не отмѣченныхъ бьющей въ глазѣ яркостью, грандіозностью, но, можетъ быть, болѣе поучительныхъ, мы не знаемъ. В—ко сравниваетъ наше идейное и народолюбивое студенчество съ нѣмецкимъ буршемъ, всѣ интересы котораго поглощены Mädchen und Bier. Но развѣ, спрашиваетъ Д., не нѣмецкіе бурши сдѣлали революцію въ Вѣнѣ, развѣ не они были впереди движенія въ 48 г. въ Берлинѣ? Развѣ французскіе студенты не принимали живѣйшаго участія въ февральскихъ событіяхъ? Конечно, для русскаго тщеславія пріятнѣе забыть всѣ эти факты, и сравнивать нашего студента съ тѣмъ буршемъ, каковъ онъ въ настоящее время, когда въ Европѣ общественные вопросы стали уже достояніемъ отцовъ, лишившись тѣмъ самымъ увлекательныхъ свойствъ для дѣтей. Едва ли наша молодежь считала бы своей монопольной обязанностью заботиться о благѣ народномъ, если бы наше возрастно-зрѣлое общество не обнаруживало полной пассивности и трусливости въ этомъ дѣлѣ. Политическое броженіе нашей молодежи такъ же преходяще, какъ прошла такая же полоса молодежи Западной Европы. Стоитъ правительству дать свободу, при которой общественная дѣятельность перестанетъ быть опасной, угрожающей каторгой, всякими отдаленными и не столь отдаленными мѣстами, какъ политическіе вопросы скоро перестанутъ возбуждать слишкомъ страстный интересъ къ себѣ молодежи. Едва ли можно поручиться, что русское

студенчество, освободившись отъ взваленнаго на него, хотя и лестнаго, но слишкомъ губительнаго бремени политической роли, не станетъ такимъ же буршествомъ, какъ и нѣмецкое, предаваясь веселію и удовольствіямъ, конечно, свойственнымъ своей русской натурѣ. И какъ тамъ, за границей, такъ и у насъ, это не помѣшаетъ молодымъ людямъ со временемъ превращаться въ солиднаго ученаго, общественнаго или государственнаго прогрессивнаго дѣятеля.

Другая, болѣе интересная, тема споровъ—это неизбѣжность для насъ капиталистическаго нашествія. Если капитализмъ—неминуемая стадія, помимо которой нѣтъ пути къ соціалистическому строю жизни, то долженъ ли соціалистъ содѣйствовать скорѣйшему водворенію его тамъ, гдѣ его еще нѣтъ, и болѣе быстрому развитію его тамъ, куда онъ уже проникъ, и если не содѣйствовать, то не станемъ ли мы, по крайней мѣрѣ, радоваться и восторгаться? Вопросъ, дѣйствительно, серьезный и прямо вытекающій изъ сущности марксистской теоріи. Не смотря на свое обстоятельное знакомство съ ученіемъ Маркса, Д—чъ не можетъ примирить это противорѣчіе между логикой ученія и общественно нравственнымъ чувствомъ. Его modus vivendi этихъ непримиримыхъ сторонъ сводится къ тому, что такъ какъ противъ непреоборимыхъ законовъ развитія не попрешь, то нужно лишь смягчить жестокость слѣпыхъ силъ въ предѣлахъ возможнаго для человѣка. Но это общее положеніе не даетъ руководства въ отношеніи къ нѣкоторымъ весьма важнымъ явленіямъ русской дѣйствительности. Какъ, напр., смотрѣть на разрушеніе общины-міра, на обезземеленіе крестьянъ, которому правительство такъ усердно содѣйствуетъ? Государство можетъ воспрепятствовать или, по меньшей мѣрѣ, затянуть этотъ процессъ, если онъ неизбѣженъ. Одобритъ ли соціалистъ и будетъ ли стоять за направленныя къ этому мѣры? Если да, то это значитъ тормозить естественный ходъ вещей, ведущій къ всеобщему благополучію. Если нѣтъ, то это значило бы дѣйствовать вопреки здравому уму и чувству, по сухому доктринерскому правилу fiat teoria, pereat mundus. Нигдѣ этотъ вопросъ не выступаетъ во всей его смущающей силѣ, какъ у насъ въ Россіи. Его надо рѣшить ясно и безъ недомолвокъ. Пока онъ не рѣшенъ, нечего удивляться вѣчному шатанію россійской мысли, безпомощно кидающейся то въ сторону *Василія Степановича Броги* (Успенскаго), то къ толстовщинѣ, то къ преисполненной беллетристическаго совершенства общинѣ Златовратскаго.

21-ое августа. Въ женской тюрьмѣ продолжается своеобразное бойкотированіе коменданта, отъ котораго послѣднему ни тепло, ни холодно, а бойкотирующимъ голодно и во всѣхъ отношеніяхъ скверно. Южная камера довольствуется однимъ казеннымъ пайкомъ, не беретъ ни денегъ, ни писемъ, ни книгъ, полученныхъ отъ родныхъ съ почтой. Подвергнувъ себя „малому" голоданію и лишивъ себя сношеній съ близкими и дорогими людьми, онѣ создали для себя крайне тяжелое положеніе, болѣе тяжелое, по словамъ Маруси, чѣмъ при абсолютномъ голоданіи. Для нея ужасное страданіе—знать, что у коменданта лежатъ письма ея любимой дочки Гальки, которая съ тревогой ждетъ-не дождется почему-то прекратившихся вѣстей отъ матери. Въ такое же положеніе вынуждены были стать и обитательницы сѣверной камеры. Онѣ также не принимаютъ писемъ, но пользуются присылаемыми имъ деньгами для улучшенія пищи и читаютъ журналы, получающіеся на ихъ имена. Книгъ изъ нашей библіотеки не берутъ на томъ основаніи, что это значило бы пользоваться одолженіемъ Мосюкова; но полученіе писемъ отъ родныхъ—общее право заключенныхъ, котораго комендантъ не можетъ лишить по собственному усмотрѣнію, не было, слѣдовательно, никакихъ резоновъ отказываться отъ нихъ. Онѣ объясняютъ свое странное поведеніе тѣмъ, что родные, не получая отъ нихъ отвѣтовъ, станутъ бомбардировать Мосюкова запросами объ этомъ тревожномъ для нихъ обстоятельствѣ, что послужитъ къ усугубленію затруднительнаго положенія коменданта.

Вотъ что пишетъ Ковалевская Евгенію: „Представь себѣ,

сегодня смотритель пріѣзжалъ съ предложеніемъ отъ Келлера *) взять почту, иначе она будетъ отправлена обратно. Мы нѣсколько разъ говорили Келлеру, что не возьмемъ ея, а онъ все-таки прислалъ еще спросить. Ясно, что ему очень хочется, чтобы мы взяли, но почему или зачѣмъ это ему желательно—положительно не понимаю. А меня это очень интересуетъ. Постарайся узнать. Узнай тоже, будутъ ли обратно отосланы наши письма, всѣ или только денежныя Хотя я почти не сомнѣваюсь, что отправятъ, но на моихъ денежныхъ письмахъ почти никогда не бываетъ адреса отправителя, какъ же они отошлютъ? А я адреса не дамъ. Меня ужасъ беретъ, что еще долго, долго предвидится это мучительное положеніе. Я чувствую, что у меня лопается терпѣніе и я могу по поводу пустяка сдѣлать большую исторію. У насъ до того нервы напряжены отъ напраснаго ожиданія, что того и гляди кого-нибудь прорветъ.

„Я теперь вижу, что телеграмма Горскаго была или подлогъ или ложь умышленная. У меня до того тревожное состояніе, что малѣйшій необычайный шумъ заставляетъ меня вздрагивать. Все кажется—вотъ, вотъ какое - нибудь извѣстіе сообщатъ. Ничего не могу дѣлать эти дни, да и не я одна Ахъ, какое нелѣпое положеніе! И какъ я была глупа, что ради дѣйствія сообща съ камерой измѣнила своему способу протеста. А теперь поздно. Если бъ я что и начала, то дѣло этимъ не разрѣшилось бы, и меня только одну увезли бы. А терпѣніе истощается, боюсь, не выдержу“.

Подобныя же письма и отъ другихъ производятъ у насъ впечатлѣніе извѣстій, исходящихъ изъ условій, совершенно отличныхъ отъ нашей жизни, точно мы ихъ получаемъ изъ Петропавловской крѣпости, а не изъ такой же тюрьмы, какъ и наша, состоящей въ вѣдѣніи того же самаго добродушнаго Мосюкова. Даже склонные всегда итти за женщинами въ ихъ поведеніи, считаютъ борьбу изъ-за Ковальской исчерпанной

*) Начальникъ иркутскаго жандармскаго управленія.

къ полному нашему удовлетворенію. Общее настроеніе благодушно спокойное, ни у кого никакихъ поводовъ къ озлобленію противъ Мосюкова. Мы его никогда почти не видимъ, и ничѣмъ онъ не даетъ о себѣ знать. Мы, можно сказать, не чувствуемъ надъ собой никакой власти, кромѣ власти паль и часового, не пускающаго за ворота.

При прежнихъ комендантахъ нельзя было добиться возможности работать, никакихъ инструментовъ въ тюрьму не пропускали. Шить или чинить сапоги надо было украдкой, при обыскѣ же—щипцы, молотокъ, колодки—все отбиралось. А теперь всякій, что хочетъ, то и дѣлаетъ, никого не спрашивая и ни съ чьей стороны не встрѣчая препятствій. Зданіе одиночекъ, когда - то переполненное, а потомъ служившее карцернымъ помѣщеніемъ, нынче въ полномъ нашемъ распоряженіи. Въ маленькомъ дворикѣ устроенъ скверикъ и цвѣтники, тогда какъ при Николинѣ уничтожалась даже сама собой растущая трава. Камеры заняты разными производствами: столярное (Ду — ба, Бер—къ), горшечное (Мечикъ, Мар—скій, К—нъ), фотографическая мастерская (!), жестяное и т. д. Одна одиночка обращена въ аудиторію, гдѣ Пр—въ преподаетъ желающимъ анатомію и физіологію. Въ другой („консерваторія“) учатся играть на скрипкѣ (Л—ко, М. Д—ій). Тамъ кабинетъ для громкаго чтенія, здѣсь чья-нибудь спальня pour se reposer aprés diner. Въ предбанникѣ устроенъ горнъ для слесарныхъ, жестяныхъ и прочихъ металлическихъ работъ. За кухней гимнастическія приспособленія. Парники, огороды... Словомъ, ничего подобнаго послѣ 11-го мая (82 г.) не было, и всѣ эти вольности создались какъ-то сами собой, не требовалось ни бунтовъ, ни ходатайствъ передъ начальствомъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ нужно неестественное надъ собой усиліе, чтобы восчувствовать къ Мосюкову озлобленіе и добиваться его удаленія, во что бы то ни стало. Но если вѣрна хоть часть документальныхъ свидѣтельствъ, предъявленныхъ Н—у и П—у, онъ все-таки уйдетъ.

Сомнительно только, чтобы это на продолжительное время успокоило женщинъ.

Выбрали новаго старосту. Н. окончилъ свой срокъ, черезъ полтора мѣсяца онъ выходитъ на поселеніе. Выборъ палъ на Козырева, какъ на единственнаго изъявившаго желаніе взять на себя обязанности этой должности. Ничего больше не оставалось, какъ остановиться на немъ; всѣ болѣе годные и желательные для публики отказывались. Только М—ій былъ не прочь, но его не захотѣли выбирать, не желая, какъ говорили полушутя, вводить въ соблазнъ его честолюбіе, готовое при случаѣ разыграть наполеоновское 2-е декабря.

26-ое августа. Наступили осенніе дни съ ихъ холодными утренниками и до полудня не разсѣивающимися туманами. На дворѣ уныло: овощи сняты, обнаженныя гряды съ безпомощно поникшими отъ заморозка стеблями наводятъ грусть. Палатки пустѣютъ; онѣ уже не манятъ публики своей тѣнью,—напротивъ, публика ищетъ теперь открытыхъ мѣстъ, чтобы насладиться послѣдними ласками остывающихъ лучей солнца . . .

. . . .

22-ое сентября. Невозможное положеніе, которое создала для себя непримиримая половина женской тюрьмы, разразилось событіемъ, чреватымъ серьезными послѣдствіями. Такъ какъ Мосюковъ не уходитъ, то въ южной камерѣ опять заговорили о необходимости что-нибудь предпринять. Колюжная и Смирницкая снова подняли вопросъ о голодовкѣ. И вотъ въ разгаръ споровъ, по обыкновенію не приводившихъ къ общему соглашенію и все болѣе ухудшавшихъ взаимныя отношенія, Сигида вызывается къ коменданту. Ее привезли изъ *Отряда.* Мосюковъ полагалъ, что она намѣревается подать прошеніе о помилованіи, чтобы уйти изъ тюрьмы. При первомъ же вопросѣ: „что вамъ угодно?"—Сигида бросается на него съ поднятою рукой, но тотъ отклонилъ голову, такъ что рука задѣла лишь по волосамъ. На крикъ Мосюкова сбѣжались жандармы и увели Сигиду въ помѣщеніе при караульномъ домѣ.

Въ чемъ-же дѣло? А въ томъ, что Сигида, въ виду отчаяннаго положенія, въ какомъ очутились женщины, рѣшилась, никому не говоря о своемъ намѣреніи, освободить ихъ отъ той петли, которую сами же онѣ все туже и туже затягивали на своей шеѣ. Съ этою цѣлью она задумала дать коменданту пощечину, въ убѣжденіи, что такимъ способомъ заставитъ его немедленно убраться съ Кары. Но ея самопожертвованіе едва ли приведетъ къ желанному результату. Ясно, что коменданта высшее начальство не желаетъ смѣщать именно потому, что этого такъ настойчиво добиваются заключенныя.

24-ое октября. Наша жизнь потерпѣла неожиданное потрясеніе объявленіемъ намъ „Манифеста". Вотъ какъ произошло это событіе, которое навсегда отравляетъ наше и безъ того не радостное существованіе. Письмоводитель коменданта, жандармъ Помеловъ объявилъ намъ, что отъ губернатора полученъ пакетъ, который поручено вскрыть на нашихъ глазахъ и прочесть въ присутствіи особой комиссіи изъ коменданта, завѣдующаго карійскими уголовными тюрьмами, начальника воинской команды и дежурнаго офицера. Помелову поручено спросить насъ, желаемъ ли мы выслушать бумагу по камерамъ или всѣ вмѣстѣ. Мы предпочли послѣднее и рѣшили собраться въ коридорѣ. Что бы это могло быть?—недоумѣвали мы. Почему потребовалась такая торжественность при объявленіи бумаги? Одни думали, что это распоряженіе о генеральномъ обыскѣ по поводу доноса Оссовскаго. Другимъ казалось: ужъ не амнистія ли, въ самомъ дѣлѣ? Не случилась-ли въ Россіи революція? Старики предчувствовали что-то недоброе: многолѣтній опытъ тюремной жизни привелъ ихъ къ заключенію, что всякая бумага отъ начальства приноситъ съ собою непремѣнно какую-нибудь пакость.

Между тѣмъ во дворъ вошло полсотни солдатъ; часть ихъ выстроилась въ шеренгу передъ крыльцомъ, другая наполнила собою коридоръ. Намъ велѣли скучиться у библіотечныхъ шкафовъ. Солдаты сомкнулись передъ нами тѣсной стѣной; за ними помѣстился весь штатъ нашихъ жандармовъ, а затѣмъ уже комиссія, отдѣленная, такимъ образомъ, отъ насъ двойной

преградой. Мосюковъ, блѣдный, взволнованный, едва связывая слова, заявилъ о полученіи отъ губернатора пакета, который долженъ быть вскрытъ въ нашемъ присутствіи. Онъ показалъ конвертъ, поднявъ его вверхъ надъ головами солдатъ, и передалъ завѣдующему. Послѣдній сталъ читать, и мы услышали вотъ что: вслѣдствіе многочисленныхъ безпорядковъ, происходившихъ въ мужской и женской государственныхъ тюрьмахъ, генералъ-губернаторъ приказываетъ коменданту употреблять для усмиренія заключенныхъ слѣдующія мѣры: лишать книгъ, письменныхъ принадлежностей, пользованія присылаемыми отъ родныхъ деньгами для улучшенія казенной пищи, лишать своихъ вещей и подвергать карцерному заключенію. Въ случаѣ-же сопротивленія употреблять вооруженную силу, *„не стѣсняясь послѣдствіями“*, и, наконецъ, подвергать *тѣлесному наказанію „наравнѣ съ уголовными арестантами“*. Объ этомъ распоряженіи генералъ-губернаторъ предписываетъ прочесть государственнымъ преступникамъ и преступницамъ.

По окончаніи чтенія комиссія, не проронивъ ни слова, немедленно удалилась, уводя за собой жандармовъ и солдатъ. Мы были такъ огорошены, что всѣ, молча, съ поблѣднѣвшими лицами, разошлись по своимъ камерамъ. И сегодня публика все еще не очнулась отъ обрушившагося на нее удара: все общее уныніе и гнетущее, подавленное состояніе.

Спрашивается, чѣмъ вызвана эта жестокосердная мѣра? Очевидно, исторій въ женской тюрьмѣ и покушенія Сигиды нанести коменданту пощечину казалось недостаточно для столь чрезвычайной угрозы. Для оправданія ея нужно было, вопреки истинѣ, приплесть сюда и мужскую тюрьму. Но для оправданія передъ кѣмъ?.. Конечно, не передъ нами: мы-то ужъ хорошо знаемъ, что Корфъ самымъ наглымъ образомъ лжетъ. Семь лѣтъ я въ тюрьмѣ, и никакихъ безпорядковъ за это время не происходило, а за два послѣдніе года трудно себѣ даже и представить болѣе мирное и спокойное поведеніе, чѣмъ въ нашей тюрьмѣ. Нельзя же считать безпорядкомъ трехъ-дневную голодовку, тихую, молчаливую, безъ предъявленія какихъ бы то ни было требованій по начальству. Голодали лишь затѣмъ, чтобы этимъ заставить женщинъ перестать голодать. „Безпорядокъ“ настолько не нарушалъ „тишины и спокойствія“, что, если бы не пустая кухня, то даже коридорные жандармы не догадались бы, что у насъ голодовка. Роль мужской тюрьмы en masse по отношенію къ женской всегда была умиротворяющей и могла скорѣй вызывать одобреніе начальства, чѣмъ угрозы. Самое выгодное для Корфа объясненіе это то, что онъ совершенно незнакомъ съ дѣйствительными фактами и дѣйствовалъ не столько самостоятельно, сколько подъ нашептыванія такого негодяя, какъ Коморскій *). Но до чего нужно остервениться, сколько надо имѣть, не смотря на нѣмецкую фамилію, чисто русской жестокости, чтобы приказать низшимъ властямъ пользоваться вооруженной силой, „не стѣсняясь послѣдствіями“! Одна эта фраза, заранѣе упраздняющая отвѣтственность, при такихъ комендантахъ, какъ Холтуринъ, Шубинъ, Манаевъ, обязательно привела бы къ избіенію насъ всѣхъ на смерть пулями и штыками по самому ничтожному поводу, а при вѣчно пьяномъ Манаевѣ—даже безъ повода. Но если бы дѣло было только въ штыкахъ и пуляхъ, это было бы только жестоко, но не ново. Vae victis! Таковъ ужъ законъ всѣхъ хищныхъ правителей. Поразили и пришибли всѣхъ насъ заключительныя слова распоряженія, распространяющія тѣлесное наказаніе на государственныхъ преступниковъ „наравнѣ съ уголовными“. Правда, мы уже знали, что это убійственное наказаніе примѣнялось на Сахалинѣ, извѣстенъ былъ намъ и циркуляръ Галкина-Врасскаго (да будетъ проклято имя его!). Этотъ дамокловъ мечъ висѣлъ и надъ нами, готовый упасть на наши головы при первомъ случаѣ. Мы это сознавали. И въ то же время все нравственное существо протестовало противъ этой возможности и не хотѣло допустить паденія меча. И вотъ наконецъ онъ упалъ... Какъ-то выслушаютъ эту бумагу

*) Инспекторъ тюремнаго вѣдомства, потомъ прославившійся жестокостями и воровствомъ при постройкѣ уссурійской желѣзной дороги.

въ женской тюрьмѣ? Трудно даже понять психологію образованнаго человѣка (какимъ долженъ же быть Корфъ), подвергающаго плетямъ и розгамъ образованныхъ женщинъ. Какъ у этого Корфа не явилось соображеніе, что этимъ онъ наноситъ оскорбленіе своей же женѣ, и какъ жена могла допустить мужа до подобнаго оскорбленія?! И если бы, по крайней мѣрѣ, не было никакихъ другихъ способовъ „обуздать" волнующихся женщинъ!

Въ распоряженіи Корфа былъ способъ самый дѣйствительный и самый простой.

Достаточно было развести казавшихся ему наиболѣе безпокойными по разнымъ тюрьмамъ, или хотя бы, напримѣръ, въ Верхнеудинскую Централку, изолировавъ всѣхъ другъ отъ друга. Но жестокіе люди всегда глупы, и то, чѣмъ хочетъ Корфъ добиться усмиренія, ведетъ какъ разъ къ обратнымъ результатамъ.

28-ое октября. Узнавъ о поступкѣ Сигиды, южная камера рѣшила голодать; изъ сѣверной къ голодающимъ присоединились Я—ва, а черезъ восемь дней И—ская. Голодовка южанокъ длилась 16 дней. При этомъ онѣ не хотѣли заходить въ камеры и проводили на дворѣ даже ночи. Колюжная, Смирницкая и Ковалевская, продолжая голодать, потребовали перевода въ другую тюрьму, гдѣ бы онѣ не находились подъ начальствомъ Мосюкова. Остальныя поддерживали это требованіе, надѣясь, съ удаленіемъ этихъ трехъ, возстановить сколько-нибудь сносное существованіе.

Мосюковъ въ эти дни постоянно сносился съ губернаторомъ по телеграфу. Разрѣшеніе на удовлетвореніе просьбы Колюжной, Смирницкой и Ковалевской было получено. Ихъ перевели на Усть-Кару въ уголовную тюрьму, гдѣ онѣ почему-то еще голодали нѣсколько дней. Доктору было предписано кормить ихъ насильно посредствомъ клистировъ. При первой же попыткѣ насильственнаго кормленія Гуревичъ получилъ отъ Маруси пощечину. Тѣмъ не менѣе, повидимому, это распоряженіе губернатора заставило ихъ прекратить голодовку.

Ковалевская послѣ голодовки стала проявлять явные признаки психическаго разстройства, но теперь ея состояніе улучшилось. Съ переводомъ на Усть-Кару ихъ лишили переписки съ родными, книгъ и собственныхъ вещей. Зато на *Отрядѣ* наступило спокойствіе. Оставшіяся тамъ женщины не поднимаютъ больше вопроса объ удаленіи Мосюкова, и получаютъ изъ нашей тюрьмы книги. Жизнь ихъ какъ-то сразу вошла въ прежнюю колею. Онѣ, очевидно, настолько устали отъ почти годового непрерывнаго нервнаго возбужденія, что рады-радешеньки отдохнуть. Даже объявленіе имъ бумаги Корфа не вызвало у нихъ особеннаго впечатлѣнія. Живутъ въ 2-хъ камерахъ *), между которыми отношенія, съ уходомъ Колюжной, Смирницкой и Ковалевской, измѣнились къ лучшему. О всѣхъ этихъ событіяхъ **) среди женщинъ мы узнали только теперь. Благодаря выдачѣ Оссовскимъ нашего способа переписки, сообщеніе между нами и женской тюрьмой прервалось. У насъ думаютъ, что Сигиду за ея поступокъ приговорятъ къ 20-ти лѣтней или безсрочной каторгѣ. (Она—6-ти лѣтняя).

... *ноября.* Бумага Корфа въ связи съ свѣдѣніями изъ женской тюрьмы вызываетъ и у насъ вопросъ о необходимости такъ или иначе отвѣтить на объявленное намъ распоряженіе генералъ-губернатора. Бобоховъ предлагаетъ послать неоффиціальнымъ путемъ министру Дурново заявленіе, въ которомъ должно быть высказано, что примѣненіе къ намъ тѣлеснаго наказанія мы считаемъ равносильнымъ смертной казни; что если черезъ 2—3 мѣсяца не послѣдуетъ отмѣны распоряженія Корфа, то мы рѣшаемъ предпринять рядъ самоубійствъ по жребію или по желанію охотниковъ. Предложеніе встрѣчаетъ поддержку 7 или 8 человѣкъ. Другіе возражаютъ, что такое заявленіе вызоветъ только мѣры къ предотвращенію

*) Россикова и Богомолецъ давно добились выдѣленія изъ общей тюрьмы и сидятъ въ особомъ помѣщеніи при лазаретѣ на Среднемъ (пріискѣ).

**) Свѣдѣнія о нихъ получены въ нашей тюрьмѣ послѣ объявленія намъ бумаги Корфа.

исполненія ультиматума—и больше ничего. По мнѣнію Бобохова,—и это хорошо: значитъ, не хотятъ нашихъ самоубійствъ и вѣрятъ въ возможность ихъ при одной лишь угрозѣ тѣлеснымъ наказаніемъ; слѣдовательно, тѣмъ болѣе не станутъ вызывать ихъ фактическимъ примѣненіемъ этой мѣры. Возражаютъ также, что дѣлать подобное заявленіе рискованно. Разъ угрожаемъ умирать, то угроза и должна быть приведена въ исполненіе. А кто поручится, что черезъ 3—4 мѣсяца теперешнее настроеніе не измѣнится даже у Бобохова. Мало ли что можетъ случиться. Вдругъ какія-нибудь крупныя событія въ Европѣ, вдругъ война съ Россіею... Людямъ, давшимъ обѣщаніе умереть, захочется страшно жить подъ наплывомъ надеждъ на близкую возможность лучшихъ временъ. Поэтому не слѣдуетъ дѣлать никакихъ торжественныхъ, обязывающихъ заявленій, а просто раздать ядъ всѣмъ желающимъ: пусть, кто сочтетъ нужнымъ и найдетъ въ себѣ рѣшимость—умираетъ, оставляя мотивированное объясненіе своей смерти. Бобоховъ однако же стоитъ за свой проектъ. Ему кажется, что предлагаемое имъ заявленіе побудитъ къ оффиціальной отмѣнѣ бумаги Корфа.

Бобоховъ—идеально чистое, житейски наивное, непорочное существо. Бобоховы посылаются на землю какъ бы для того, чтобы наглядно удостовѣрить людей въ возможности воплощенія божества. Будучи снисходительны къ другимъ, сами они остаются неизмѣнной чистоты, какъ хрусталь; ничто скверное не въ состояніи пристать къ нимъ. И быть такими, каковы они, не стоитъ имъ ни малѣйшихъ усилій. Ихъ можно встрѣтить только въ передовыхъ оппозиціонныхъ движеніяхъ. Иногда они „неудобны" своей доброй простотой, мягкою прямотою и идейною прямолинейностью; иногда даже вредятъ практическимъ цѣлямъ этихъ движеній, но тѣмъ не менѣе они всегда остаются лучшею ихъ красою.

Д—ій, В—ко, С—и и М—въ сообщили женщинамъ свой планъ, предлагая имъ его на обсужденіе. Въ ожиданіи отвѣта агитація пріостановилась, да къ тому же вниманіе публики

нѣсколько отвлечено выходомъ изъ тюрьмы Хр—ва. Онъ подалъ прошеніе о помилованіи. Поступокъ—весьма не кстати въ данное время. Выходитъ такъ, что одна угроза тѣлеснымъ наказаніемъ вызываетъ уже эмиграцію. Могутъ подумать, что исполненіе ея окажетъ въ этомъ смыслѣ тѣмъ болѣе плодотворное воздѣйствіе.

Хр—въ изъ рабочихъ; это былъ когда-то одинъ изъ немногихъ, особенно богатыхъ друзьями и пріятелями. Ему вмѣстѣ съ Мышкинымъ въ 1882 году было предоставлено первенство въ побѣгѣ изъ тюрьмы. Пойманный во Владивостокѣ и возвращенный на Кару, онъ продолжалъ оставаться всеобщимъ любимцемъ; это—остроумный парень, съ чрезвычайными способностями на всѣ руки, много полезный тюрьмѣ своими техническими талантами. По мѣрѣ расширенія вольностей и ухудшенія взаимныхъ отношеній (оба эти обстоятельства находятся въ тѣсной связи), Хр—въ сталъ раздражителенъ, мнителенъ и постепенно терялъ симпатіи пріятелей, что причиняло ему много страданій и заставляло все болѣе замыкаться въ самомъ себѣ... У него, вѣроятно, давно копошилась мысль порвать съ тюрьмою, въ которой удерживало его только чувство товарищества, а не идея. Бумага Корфа прекратила послѣднія колебанія, и онъ покинулъ тюрьму негодующій и озлобленный на когда-то близкихъ и дорогихъ ему людей.

12-ое ноября. Ужасныя вѣсти! Изъ вольной команды сообщаютъ, что Сигида, по распоряженію Корфа, подвергнута тѣлесному наказанію. Гомулецкій *) не рѣшался привести въ исполненіе это распоряженіе; онъ вошелъ въ соглашеніе съ врачемъ Гуревичемъ, который выдалъ свидѣтельство о болѣзненномъ состояніи Сигиды. Но пріѣхавшій изъ Нерчинскаго завода Бобровскій нашелъ, что Сигида сможетъ вынести наказаніе и подвергъ ее таковому въ своемъ присутствіи. Врачъ, ссылаясь на незаконность дѣйствій Бобровскаго, присутствовать отказался.

*) Завѣдующій уголовными ссыльно-каторжными.

Послѣ сѣченія Сигиду отвели не въ больницу, а въ Усть-Карійскую тюрьму, гдѣ сидятъ Ковалевская, Колюжная и Смирницкая. Сигида въ ту же ночь умерла отъ нервнаго потрясенія, а остальныя трое отравились и перевезены въ лазаретъ. Ковалевская и Колюжная—въ полномъ безпамятствѣ, Смирницкая пока въ сознаніи...

Подъ впечатлѣніемъ этихъ событій Г—ръ (въ вольной командѣ) выстрѣлилъ себѣ два раза въ голову, но неудачно. Помѣщенъ также въ лазаретъ.

Бобоховъ, Колюжный Иванъ, Санковскій и еще нѣсколько человѣкъ объявили о своемъ рѣшеніи отравиться. Берутъ у П—ва опій. Кого завтра не досчитаемся въ живыхъ,—неизвѣстно. Запасаются ядомъ и тѣ, кто пока травиться не думаетъ. Общее состояніе таково, что, за исключеніемъ 3—4, ни за кого поручиться нельзя.

Ѳ—нъ бѣсится, кричитъ: „это безуміе! нужно донести коменданту"! М—ій поддерживаетъ его. Оба пристали къ Я—чу, ища его авторитетной поддержки, но тотъ расплакался и предупреждать коменданта отказался. Другіе тоже убѣждаютъ М. и Ѳ. не дѣлать этого, такъ какъ своимъ поступкомъ они не предотвратятъ смертей, а лишь заставятъ поторопиться принять ядъ.

Изъ *Якутки* (а изъ нашей камеры М—въ) отправили письма къ женщинамъ съ извѣщеніемъ о своемъ рѣшеніи. Тамъ, если не всѣ, то большинство навѣрное послѣдуетъ ихъ примѣру.

13-ое ноября. Вчера послѣ повѣрки часовъ въ 8 приняли ядъ: Преображенскій, М—въ, С—и, Бобоховъ, Колюжный Иванъ, В—о, Л—о, Д—ій, Павло Ивановъ, К—ъ, Санковскій, Пашковскій, М—ръ, Н—ый. Ядъ не подѣйствовалъ; утромъ проснулись съ головною болью и больше ничего. Въ нашей камерѣ М—въ и С—и встали, какъ ни въ чемъ не бывало. За то съ Д—мъ всю ночь происходили отчаянныя конвульсіи.

Я былъ увѣренъ, что и онъ, тайно отъ меня, принялъ ядъ. Такъ какъ днемъ я отнялъ у него порцію опіума, то можно было думать, что онъ отравился сулемой или ціанистымъ кали изъ моей фотографической химіи. Но нѣтъ, это были припадки чисто нервнаго происхожденія, припадки настолько рѣзкіе, что самъ Д—чъ думалъ, что умираетъ и поручилъ уже мнѣ написать подъ его руку записку для начальства.

Нѣкоторые рѣшили сегодня же повторить пріемъ яда, но не опія, а морфія. Въ то же время По—въ заявилъ, что уходитъ изъ тюрьмы къ колонистамъ. Онъ, конечно, разскажетъ обо всемъ коменданту. Многимъ это даже желательно: авось хоть такимъ путемъ предотвращены будутъ на этотъ разъ, быть можетъ, неминучія смерти. Ѳ—въ вызвался прямо посовѣтовать По—ву заявить коменданту, если другіе не имѣютъ ничего противъ. Но кто-то убѣдилъ По—ва отложить уходъ до завтра.

16-ое ноября. Изъ 8 человѣкъ, принявшихъ ядъ вторично, умерли Бобоховъ и Иванъ Колюжный. Остальные такъ же, какъ и вчера, остались живы и невредимы. Еще задолго до разсвѣта ясно было, что только эти двое умрутъ. Агонія ихъ длилась очень долго, но это были уже безсознательные, рефлекторные движенія и звуки мертваго тѣла. Рано утромъ, когда узнали, что большинство отравлявшихся живы, вызвали Гуревича въ надеждѣ вернуть къ жизни Бобохова и Колюжнаго. Но было уже поздно; Гуревичъ, осмотрѣвъ ихъ, махнулъ рукой и удалился.

Затѣмъ пришелъ жандармъ отъ Мосюкова съ вопросомъ, примемъ ли мы его, причемъ предупреждаетъ, что долженъ явиться съ конвоемъ. Насъ попросили разойтись по своимъ камерамъ и заперли на замокъ. Сначала вошли солдаты, которыхъ разставили у каждой камеры, потомъ и самъ Мосюковъ, окруженный конвоемъ. Отперли нашу камеру, и комендантъ, вступивъ на порогъ, сталъ извиняться, что явился съ конвоемъ: такъ ему предписано отъ генералъ-губернатора, самъ же онъ ничего для себя дурного отъ насъ не ожидаетъ.

Онъ началъ плести что-то о своей гуманности съ нами, блѣдный, жалкій, дрожа, какъ въ лихорадкѣ. Обратившись къ П—ву, онъ просилъ его отдать аптеку. „Умоляю васъ, позвольте взять аптеку". Точно онъ не имѣлъ возможности взять ее безъ всякихъ разговоровъ. Ему задали вопросъ, почему умерли женщины. Онъ неистово закричалъ, какъ будто его взяли за горло: „Я ничего не знаю. Умершія женщины не въ моемъ вѣдѣніи, онѣ—у Гомулецкаго! Мои же, клянусь вамъ, всѣ живы"... На вопросъ о Г—рѣ сказалъ, что живъ и въ полной безопасности; въ подтвержденіе своихъ словъ велѣлъ Помелову принести книгу, гдѣ Г—ръ сегодня же собственноручно расписался въ полученіи посылки. Онъ увѣряетъ со слезами на глазахъ, что ни въ чемъ не виноватъ, и женщинъ онъ не обвиняетъ; причиной всему несчастное стеченіе обстоятельствъ.

На это М—скій заявляетъ: „какъ бы тамъ ни было, а пока бумага Корфа не отмѣнена, спокойствія въ тюрьмѣ не будетъ".

Мосюковъ ушелъ, поручивъ смотрителю и жандармамъ убрать аптеку.

Докторъ Гуревичъ оказался съ большимъ тактомъ, чѣмъ можно было ожидать. На просьбу смотрителя онъ отказался притти въ тюрьму, а черезъ П—ва передалъ, что явится только тогда, если окажутся желающіе прибѣгнуть къ его помощи. Такое желаніе выразили Д—ій, Ивановъ, К—ъ, Санковскій и Л—о. В—ко чувствовалъ себя и выглядѣлъ вполнѣ здоровымъ; М—въ—также. Пришелъ Гуревичъ, осмотрѣлъ ихъ всѣхъ и выпустилъ у нѣкоторыхъ задержанную мочу. Болѣе серьезной нужды во врачѣ, къ счастью, ни для кого не понадобилось. . . . .

. . . .

. . . .

Оказалось, что только Бобоховъ и Иванъ Колюжный, принявшіе *тройную* дозу морфія, добились смерти . . . . .

. . . .

По словамъ Козырева и М—скаго, ночевавшихъ въ *Якуткѣ* вмѣстѣ съ отравившимися, Санковскій, раздосадованный недѣйствительностью перваго пріема, насыпалъ на ладонь цѣлую кучу морфія и проглотилъ ее. Но черезъ нѣсколько минутъ эта неумѣренная порція вызвала жестокую рвоту... Санковскій, вѣрный своему характеру, принялъ опять и чуть ли еще не въ большемъ количествѣ, но и тутъ съ такимъ же результатомъ. Тогда онъ въ негодованіи разбилъ склянку съ ядомъ и улегся спать.

Бобоховъ и Колюжный послѣ перваго пріема легли на нарахъ рядомъ; они условились, что если кто первый проснется, долженъ будить другого, пока тотъ не встанетъ, чтобы принять вторую порцію. Такъ они пробуждались два раза и приняли по $4^{1}/_{2}$ грана. Послѣ третьяго пріема они уже болѣе не просыпались.

П—ва водили къ коменданту. Въ департаментъ отправлена телеграмма объ отравленіяхъ. Мосюковъ передалъ также фразу М—скаго: „пока распоряженіе Корфа остается въ силѣ, смерти не прекратятся".

17-ое ноября. Пріѣзжалъ Плотто и областной прокуроръ Лазаревскій. Оба явились въ тюрьму, окруженные многочисленнымъ конвоемъ. Солдаты входили въ камеры и выстраивались вдоль наръ, передъ ними—жандармы. Такимъ образомъ, мы были заслонены отъ начальства двойной шеренгой. Оградивъ себя столь основательной защитой, Плотто и прокуроръ тѣмъ не менѣе не рѣшались входить въ камеры, а останавливались на порогѣ. У насъ Плотто обратился къ П—ву съ вопросомъ, здоровъ ли онъ.

Тотъ отвѣчалъ: „здоровъ, только очень разстроенъ".

— „Будьте спокойны",—замѣтилъ на это Плотто,—„нѣтъ ничего такого, чтобы вамъ угрожало". Въ *Дворянкѣ* М—ій изложилъ исторію женскихъ волненій, начиная съ увоза Ковальской. Онъ старался пояснить мысль, что распоряженіи генералъ-губернатора, уполномочивающее низшую администрацію

судить насъ и расправляться съ нами, неизбѣжно поведетъ къ злоупотребленіямъ.

Плотто отвѣчалъ, что распоряженіе имѣетъ въ виду крайніе случаи,—и если съ нашей стороны не будетъ поводовъ, то и распоряженіе примѣняться не будетъ. М—ій обратилъ вниманіе прокурора на фразу: „употреблять вооруженную силу, не опасаясь послѣдствій“. Плотто возразилъ, что такой фразы въ бумагѣ нѣтъ, такъ какъ всякое убійство по закону должно влечь за собой отвѣтственность.

Въ *Синедріонѣ* Плотто сказалъ, что вѣроятно будетъ назначена слѣдственная комиссія, передъ которой и предлагалъ изложить всѣ наши претензіи...

Таковы результаты этого посѣщенія.

Повидимому, начальство не точно понимаетъ причину отравленій. Бобоховъ оставилъ для властей записку отъ имени всѣхъ отравившихся (съ перечисленіемъ ихъ фамилій), съ мотивировкой самоубійствъ. Но В—ко почему-то уничтожилъ ее. И очень жаль; записка, написанная рукою самого умершаго, имѣла бы гораздо больше значенія, чѣмъ разъясненія оставшихся въ живыхъ.

18-ое ноября. Изъ Читы пріѣхала С—на. 14-го тамъ уже весь городъ зналъ, что Сигида умерла вслѣдствіе наказанія ее розгами. 15-го было извѣстно о самоубійствѣ Ковалевской Смирницкой и Колюжной. По поводу этихъ слуховъ С—на два раза была у губернатора.

Хорошихинъ увѣрялъ ее, что въ мужской тюрьмѣ все благополучно и выразился такъ: „тамъ ничего ужаснаго не случится; въ мужской тюрьмѣ народъ благоразумный. Я имѣю на это фактическія доказательства *). Не тревожьтесь, ничего особеннаго не случится, тѣмъ болѣе, что они достаточно предупреждены“ **). Но С—на не успокоилась и потребовала разрѣшенія свиданій съ мужемъ. Объ отравленіяхъ у насъ она узнала уже по прибытіи на Кару.

*) Перехваченныя письма наши въ женскую тюрьму.

**) Намекъ на бумагу Корфа.

Мосюковъ звалъ къ себѣ П—ва. Выславъ Помелова подъ какимъ-то предлогомъ и, оставшись tête à tête, онъ сказалъ П—ву, что изъ Питера предписано сдѣлать въ тюрьмѣ строгій обыскъ, но не по поводу отравленій (о которыхъ тамъ, вѣроятно, еще не знаютъ), а по доносу Оссовскаго, указавшаго, между прочимъ, на полученіе въ тюрьмѣ нелегальныхъ изданій.

Велѣно обыскать каждаго въ отдѣльности, о чемъ Мосюковъ проситъ передать намъ. Буде же мы не согласны на личный обыскъ, то П—въ долженъ подать Мосюкову условленный знакъ. Въ такомъ случаѣ онъ не станетъ лично обыскивать, но долженъ будетъ въ протоколѣ сказать, что не могъ сдѣлать этого, вслѣдствіе нашего сопротивленія, въ виду же разстроеннаго и возбужденнаго состоянія тюрьмы послѣ отравленія къ насилію прибѣгнуть не рѣшился. По опросу П—ва никто противиться личному обыску намѣренія не изъявилъ. Революціонныя брошюры, которыхъ у насъ не мало („Вѣстникъ Нар. Воли“, „Соціалъ-демократъ“ и пр.) преданы на кухнѣ сожженію.

19-ое ноября. Вчерашній обыскъ продолжался съ 9 час. утра до 4 пополудни. Были Мосюковъ, Толмачевъ (начальникъ конвойной команды), смотритель и всѣ жандармы съ солдатами. Обставилъ Мосюковъ обыскъ глупѣйшимъ образомъ. Ужъ разъ предупредилъ, то могъ бы безъ всякаго вреда для насъ соблюсти формально всѣ строгости. На самомъ же дѣлѣ желающіе свободно переходили изъ камеры въ камеру, изъ кухни на кухню и даже шатались по двору. Забрали для проформы нѣсколько иностранныхъ книгъ (но не „Neue Zeit.“), штукъ 20 тетрадей, писемъ и двѣ рублевыхъ кредитки стараго образца. Библіотеку осмотрѣть не успѣли, запечатали и оставили до другого дня.

Во время повѣрки смотритель отъ имени коменданта просилъ меня отдать камеру-обскуру, которую при обыскѣ забыли взять. Чу—овъ не догадался раздать по рукамъ сборники „Русс. Мысли“ и „Сѣвернаго Вѣстника“. Эти журналы для насъ запрещены. Они получаются въ вольной командѣ,

гдѣ ихъ расшиваютъ, составляютъ сборники и въ такомъ видѣ передаютъ въ тюрьму. Наиболѣе сомнительныя книги, какъ, напр., „Neue Zeit“, „Histoire de 48“ Louis Blanc и пр. находились по камерамъ у разныхъ лицъ и потому осмотру не подвергались. Это, какъ мы думаемъ, лишь предварительный обыскъ въ виду имѣющаго быть генеральнаго при особой комиссіи.

Публика недовольна П—мъ, который сдѣлалъ большущій промахъ: онъ сказалъ коменданту, что у насъ дѣйствительно имѣются нелегальныя изданія. Этимъ онъ подтвердилъ правдивость доноса Оссовскаго и далъ основаніе вѣрить и тому, что въ доносѣ было лживаго. Личнаго обыска въ сущности не дѣлалось. Чтобы имѣть право сказать въ протоколѣ, что таковой былъ, Мосюковъ предложилъ черезъ П—ва, чтобы нѣсколько человѣкъ „пожертвовали“ собой и дали себя обыскать. Конечно нашлось готовыхъ на такую жертву не мало: Ч—ко, самъ П—въ, Я—чъ и М—ій. Мосюковъ не позволилъ обыскивать ихъ нижнимъ чинамъ, а дѣлалъ обыскъ самъ, полагая, что это для обыскиваемыхъ менѣе унизительно.

21-ое ноября. На *Отрядѣ* еще ничего не знаютъ ни о женскихъ, ни о нашихъ смертяхъ.

Завтра ждутъ Хорошихина. Вице-губернаторъ Семеновъ говорилъ С—ой, будто бы Хорошихинъ былъ противъ сѣченія Сигиды и дѣлалъ въ этомъ смыслѣ представленіе Корфу, но тотъ остался непреклоненъ...

22-ое ноября. Былъ губернаторъ. Явился въ тюрьму съ жандармами, но безъ солдатъ. Опросилъ фамиліи всѣхъ, обращаясь не къ намъ, а къ Мосюкову. Послѣ того, какъ онъ обошелъ всѣ камеры, намъ велѣли выйти въ коридоръ. Всѣ собрались у библіотеки (это наше лобное мѣсто). Хорошихинъ приблизился и началъ рѣчь. Началъ съ заявленія, что пріѣхалъ на Кару сдѣлать смотръ командѣ, къ намъ же зашелъ между прочимъ, узнавъ о происшедшихъ у насъ событіяхъ *). „Распоряженіе генералъ-губернатора,—сказалъ онъ,—не можетъ быть отмѣнено, ибо исходитъ не отъ него самого, а „свыше“ Онъ, Хорошихинъ, читалъ захваченную нашу переписку съ женской тюрьмой; изъ писемъ для него ясно, что мы сами ожидали репрессій, какъ неизбѣжнаго слѣдствія „безумнаго“ поступка Сигиды. Если мы совершимъ какой-нибудь проступокъ, то онъ, конечно, не останется безнаказаннымъ. Но само начальство не станетъ обращаться съ нами вызывающе. „Всякому должна быть дорога чужая жизнь, и, смѣю думать, и ваша жизнь дорога (!) правительству. Правительство дѣлаетъ все, чтобы беречь (!) вашу жизнь... Повторяю: никакихъ надеждъ, но и никакихъ опасеній“. Онъ ни разу не употребилъ словъ „тѣлесное наказаніе“.

*) Извѣстно прекрасно, что онъ примчался по случаю этихъ событій и никакого смотра не дѣлалъ. Это наз. соблюсти престижъ власти.

На два раза повторенное: „не имѣетъ ли кто чего сказать?“—никто ничего не заявилъ. Уходя, онъ опять задѣлъ тотъ же вопросъ, но отвѣтомъ было все то же полное молчаніе. Потомъ публика спохватилась и стала выражать сожалѣніе, что никто не говорилъ. У Д—ча съ М—вымъ по этому вопросу возникъ даже довольно рѣзкій споръ. По мнѣнію Д—ча, слѣдовало выяснить Хорошихину, что насъ возмущаетъ не самый фактъ наказанія Сигиды, а его способъ; что правительство имѣетъ въ распоряженіи много другихъ средствъ возмездія—до смертной казни включительно; съ тѣлеснымъ же наказаніемъ, какъ унизительнымъ для человѣческаго достоинства, мы примириться не можемъ. Все это слѣдовало высказать,—говорилъ Д—чъ,—кому-нибудь изъ отравлявшихся, какъ господамъ положенія. М—въ оспаривалъ его съ такою запальчивостью, какой раньше никогда не обнаруживалъ . . . . .
. . . .

23-е ноября. Як—чъ выпустилъ произведеніе съ довольно рѣзкой критикой нашего молчанія передъ губернаторомъ. Требуетъ послать делегата для подробныхъ объясненій съ Хоро-

шихинымъ. Прокламація вызвала негодованіе нѣкоторыхъ изъ отравлявшихся . . . .

Получено письмо изъ *Отряда.* Тамъ знаютъ о смерти четырехъ женщинъ только К—а, Лешернъ и И—ская. Онѣ скрываютъ это отъ остальныхъ. Но о смерти Колюжнаго и Бобохова имъ еще и самимъ неизвѣстно. Былъ и у нихъ губернаторъ. Д—на говорила съ нимъ очень горячо, С—а— сдержанно. Другія молчали.

24-ое ноября. Производится слѣдствіе объ отравленіяхъ Водили къ коменданту для дачи показаній Иванова, Л—ко, К—ни, Санковскаго; Д—го же, В—ко и М—ва не вызывали, такъ какъ начальство не знаетъ объ ихъ участіи въ этомъ дѣлѣ. Подъ вліяніемъ разговоровъ объ „унизительномъ" молчаніи передъ губернаторомъ нѣкоторые дали очень рѣзкія показанія. Ивановъ написалъ, что считаетъ Корфа и Хорошихина убійцами Сигиды. К—нъ то же. Послѣдній, передавая содержаніе своихъ показаній, выразился такъ: „Я писалъ въ такой рѣзкой формѣ, что комендантъ, читая мои показанія, весь дрожалъ". Есть опасеніе, какъ бы не вздумали возвести отравлявшихся въ рангъ особенно закоренѣлыхъ и опасныхъ и не отправили ихъ въ Шлиссельбургъ.

30-ое ноября. Въ тюрьмѣ начинаютъ мало-по-малу приходить въ себя. Въ данное время заняты вопросомъ, какъ доставить въ Россію и за границу описаніе происшедшихъ у насъ событій. Съ тревогою ждемъ, какъ примутъ на *Отрядѣ* извѣстіе о смертяхъ въ нашей тюрьмѣ. Письма, написанныя женщинамъ В., М. и другими наканунѣ отравленій, не могли быть доставлены, какъ сообщаетъ О—скій изъ вольной команды. Это чрезвычайно счастливое обстоятельство. Подозрѣваютъ, что О—скій умышленно задержалъ ихъ. Если это такъ, то, можно сказать, онъ спасъ женщинъ отъ смерти. Подъ вліяніемъ предсмертныхъ писемъ товарищей, приглашающихъ послѣдовать вслѣдъ за ними, пожалуй, умерли бы всѣ.

На Z. пережитыя треволненія оказали благотворное воздѣйствіе. Онъ преобразился въ лучшемъ для себя смыслѣ:

сталъ проще, скромнѣе и, какъ будто, даже добрѣе Вначалѣ онъ поддерживалъ планъ Бобохова объ отправкѣ ультиматума Дурново. Но когда разразилась исторія съ Сигидою, настроеніе сразу потребовало немедленнаго дѣйствія.

14 человѣкъ въ день полученія потрясающаго извѣстія рѣшило покончить съ собой. Въ числѣ ихъ былъ Z. Едва ли легко далось ему это рѣшеніе. Но положеніе, занимаемое въ тюрьмѣ Z., какъ одного изъ самыхъ крайнихъ, всегда выдвигавшихъ рѣшительныя мѣры, дѣлало это рѣшеніе обязательнымъ.

Опій оказался недѣйствительнымъ. Половина прямо и открыто отказалась вторично умирать. Другая рѣшила принять морфій. Между послѣдними считался и Z. У него не хватило смѣлости отказаться. Несчастный ходилъ этотъ день, какъ убитый, съ искаженнымъ лицомъ, втайнѣ надѣясь, быть можетъ, что убѣжденія товарищей заставятъ эту половину отказаться отъ своего плана.

Насталъ вечеръ. Надо было расходиться по камерамъ. Z. не пошелъ въ *Якутку,* а остался въ *Харчевкѣ,* гдѣ, можетъ быть, ему казалось, легче найти выходъ, чѣмъ тамъ, гдѣ собрались почти всѣ рѣшившіеся отравиться. Послѣ повѣрки онъ улегся на свою койку и молча лежалъ, не вступая ни съ кѣмъ въ разговоры. М—въ занималъ собою всю камеру и на Z. никто, кажется, не обращалъ вниманія. Но Д—чъ еще днемъ указалъ мнѣ на него, замѣтивъ: „посмотри, какой онъ жалкій. Ему страшно не хочется принимать ядъ; онъ ищетъ какого-нибудь предлога „смыкнуть". Теперь, будучи сосѣдомъ его по койкѣ, Д—чъ наблюдалъ за нимъ и, почуявъ мучительное состояніе, переживаемое имъ, задумалъ подать ему зацѣпку. Онъ поговорилъ тихонько съ П—вымъ.

Послѣдній подсѣлъ къ Z. и сталъ шепотомъ убѣждать его не отравляться; онъ указалъ на то, что ядъ и теперь можетъ оказаться несмертельнымъ и только разстроитъ его организмъ. Z. не заставилъ себя долго упрашивать. Онъ только заявилъ, что ему совѣстно передъ товарищами, которые на него разсчитываютъ... Только что П—въ кончилъ свои переговоры съ

Z. и сообщилъ результаты ихъ Д—чу, какъ изъ *Якутки* просунули *) записку съ извѣщеніемъ, что тамъ уже приняли ядъ; М—въ громко прочелъ записку и сказалъ, обращаясь къ Z.: „пора“. Тотъ молчалъ, продолжая лежать на койкѣ. Но когда М—въ проглотилъ ядъ и затѣмъ вопросительно взглянулъ на Z., съ послѣднимъ разразилась истерика. Только теперь П—въ объяснилъ М—ву, въ чемъ дѣло... Это суровое испытаніе смирило Z. и сдѣлало его лучшимъ, чѣмъ онъ до сихъ поръ былъ . . . .

С—чъ и М—скій пишутъ для напечатанія въ иностранныхъ газетахъ о нашихъ послѣднихъ исторіяхъ. Пишутъ съ излишней риторикой и патетикой, каковая, если не будетъ убавлена при окончательной редакціи, скорѣе повредитъ, чѣмъ посодѣйствуетъ эффекту.

12-ое декабря. Публика, можно сказать, успокоилась и жизнь вошла въ свои обычныя нормы.

Д. и Санковскій, ушедшіе на другой день послѣ отравленій изъ *Якутки* вслѣдствіе столкновеній съ В—ко, возвратились во-свояси. Въ этой камерѣ снова раздается галдежъ и крикливые дебаты по разнымъ вопросамъ нашей обыденной жизни. Въ данное время тамъ мечутъ громы и молніи, потрясающіе стѣны тюрьмы, по адресу М—ва и Зу—аго. Первый обвиняется въ благосклонномъ отношеніи къ колонистамъ, второй въ томъ, что затѣялъ „на капиталистическихъ основаніяхъ“ смолокуреніе и „эксплуатируетъ“ двухъ или трехъ арестантовъ изъ уголовныхъ, которыхъ держитъ въ качествѣ наемной рабочей силы. С. Д—ій и В—ко требуютъ лишить обвиняемыхъ званія политическихъ ссыльныхъ, яко унижающихъ своимъ поведеніемъ таковое . . . .

26-ое декабря. Еще никогда, кажется, не доводилось проводить въ тюрьмѣ такихъ скучныхъ рождественскихъ праздниковъ, какъ въ настоящемъ 1889 году.

И въ моральномъ и въ матеріальномъ отношеніи чув-

*) Сквозь щель въ стѣнѣ.

ствуется большое оскудѣніе. Публика разбилась на кружки, многіе ободиночились, — и нѣтъ уже прежней дружбы, какую я засталъ во времена крутого тюремнаго режима. Ноябрьскія событія повліяли отрицательно на нашу солидарность . . .

Финансы наши также пришли въ разстройство. Денежныя получки рѣдки и незначительны. Праздничная ассигновка на кухню, въ виду этого, ограничивается однимъ пудомъ крупчатки, да на новый годъ—одинъ пудъ мяса. Не было бы и того, если бы не маменька Я—ча, которая не забываетъ не только своего сына, но и его товарищей, присылая намъ къ праздникамъ разныхъ гостинцевъ. На этотъ разъ она прислала деньгами (50 руб.), потому что Вышнеградскій увеличилъ стоимость пересылки вещей до 1 руб. съ фунта.

Вообще же съ каждымъ годомъ мы становимся все бѣднѣе и бѣднѣе и денежныя получки не покрываютъ нашихъ скромныхъ тратъ. Въ виду этого разрѣшенъ, наконецъ, не разъ подымавшійся парашниковскій вопросъ. Парашники (изъ уголовныхъ арестантовъ) всегда получали отъ насъ обѣдъ, чай, табакъ, ужинъ. Это обходилось въ годъ отъ 500 до 600 руб. Теперь, при 38 заключенныхъ въ тюрьмѣ и при крайне ограниченномъ притокѣ денегъ, кормить 8 человѣкъ стало черезчуръ чувствительнымъ, но и совсѣмъ лишить ихъ даянія тоже нельзя. Поэтому рѣшили съ 1-го января выдавать на всѣхъ по 15 руб. въ мѣсяцъ. Себѣ съ новаго года урѣзываемъ на эквивалентѣ съ $1^1/_2$ руб. до 1 руб. въ мѣсяцъ и на кухню съ 4 руб. до 3—въ день. Въ направленіи сокращеній придется итти и впредь, съ соблюденіемъ нѣкоторой постепенности. Это особенно даетъ себя знать теперь, въ зимнее время, когда у насъ, напр., въ больницѣ 6°R. и рѣдко 8 и 9°. (На дворѣ вчера—55°C.) Отъ переводовъ нашихъ мало толку. *Уффельманъ* печатается издателемъ Лебедевымъ; обѣщано по напечатаніи выслать всего сотню рублей. *M-me Agoult* Павленковъ считаетъ невозможнымъ печатать по цензурнымъ условіямъ.

Въ двухъ камерахъ пьютъ кофе въ складчину; въ осталь-

ныхъ трехъ проводятъ дни по будничному. Правда, пьютъ чай не простой, а съ отвратительной, на мой вкусъ, китайской пастилой, это гостинецъ Су—ной изъ Читы. Нашлась еще какая-то добрая душа и прислала намъ по осьмушкѣ на брата порядочнаго табаку.

9 час. вечера. А—нъ спитъ. Капитанъ переплетаетъ книги. П—въ и С—ни играютъ въ шахматы. Б—въ около нихъ, наблюдаетъ и критикуетъ. Мы съ Ев. въ своемъ углу. Онъ въ сотый разъ перечитываетъ „Düring's Umwälzung im Wissenschaft" и постоянно мѣшаетъ мнѣ своими восторгами. Я пишу бабушкѣ Лешернъ. Съ послѣднею почтою она прислала письмо Панько (Грабовскаго) *) къ Сигидѣ, полученное уже послѣ ея кончины.

Оно настолько характерно, что привожу его здѣсь цѣликомъ:

„Я всегда относился недовѣрчиво къ разумникамъ, оторваннымъ отъ родной почвы, отъ общенія съ народомъ. Люди чистой логики—не живые люди. Отъ безпочвенности рано или поздно они должны стать ренегатами. Революціонное движеніе въ Россіи — это дѣло вѣры, религіи, сектантства, энтузіазма, а не логики, заработной платы, парламентовъ, вавилонской башни (?!), — словомъ, того, чѣмъ оно является на западѣ. Не патентованными генералами, вродѣ Тихомірова и Б—а, создано революціонное движеніе, не ими оно поддерживалось и не ихъ отступничеству уничтожить его. Вѣрь, Надя, истиннымъ революціонеромъ въ Россіи можетъ быть только русскій человѣкъ, а не космополитъ. Космополитизмъ—

*) Грабовскій, кажется, неизвѣстный у насъ, но довольно популярный украинскій поэтъ въ Галиціи. Будучи въ административной ссылкѣ въ Сибири, онъ въ числѣ другихъ подписалъ телеграмму министру внутреннихъ дѣлъ съ протестомъ противъ разстрѣла якутскихъ ссыльныхъ, учиненнаго мѣстною администраціей въ 1889 г. Грабовскій вмѣстѣ со всѣми протестантами былъ преданъ суду иркутской судебной палаты и осужденъ съ лишеніемъ правъ на поселеніе. Онъ умеръ въ Тобольскѣ, если не ошибаюсь, въ 1901 г.

это фикція, абстракція. Фактически его нѣтъ и быть не можетъ. Пойми тонкое различіе: Б—ъ могъ быть такимъ же революціонеромъ въ Америкѣ, Парижѣ, какимъ онъ былъ въ Россіи, а я—только въ Россіи. Импульсы и мотивы только интеллектуальнаго свойства не могутъ вызвать меня на дѣятельность. Не смущайся ничѣмъ. Движеніе создано и вызвано жизнью. Оно сильно не генералами, не „Исп. Комитетомъ", а вѣрою невидимой міру массы, которая въ тиши дѣлаетъ свое дѣло, томится, страдаетъ, погибаетъ такъ же невидимо, какъ и живетъ по сибирскимъ тюрьмамъ и пр. Эта масса обыкновенныхъ людей, какъ и мы съ тобой, выноситъ на своихъ плечахъ исторію. Она была, есть и будетъ. Плохо, когда революціонное движеніе начнетъ принимать панское направленіе или европейское, какъ „Пролетаріатъ". Въ основу русскаго революціоннаго движенія положены нравственность, Богъ. Въ основу европейскаго — мамона. Плохо, если русское революціонное движеніе не будетъ народническимъ, такъ какъ только нашъ народъ не потерялъ еще Бога. Могъ ли Б—ъ вѣровать въ этого Бога, упиваться обаяніемъ народной души? Онъ — европеецъ, матеріалистъ, человѣкъ разсудка, логики. Тихомірова сгубила Европа. Я не противъ логической мысли, но противъ абсолютнаго подчиненія мысли бездушной мертвечинѣ. Знаешь, „нужны намъ великія могилы, если нѣтъ величія въ живыхъ". Нѣтъ, и въ живыхъ еще есть величіе, оно скажется, не погибнетъ. На ряду съ отреченіемъ однихъ растетъ и уживается фанатизмъ другихъ. Движеніе, такъ сказать, дезорганизовалось и приняло массовой характеръ. На ряду съ развитіемъ узкаго конституціонализма и стараго народовольства замѣчается крутой поворотъ на путь еще болѣе широкаго народничества. Идеи вошли въ общество, въ массу. Мы стоимъ на рубежѣ новаго періода въ исторіи русскаго революціоннаго движенія. Во что оно опредѣленно выльется, не стану предрѣшать. Знаю только, что оно не умираетъ, а охватываетъ новыя массы, охватываетъ новые районы".

Вотъ народничество, достойное эпохи Побѣдоносцева, Вла-

диславлева, Делянова и имъ подобнымъ. Къ счастію, замѣчаемое авторомъ широкое распространеніе этого печальнаго народничества не болѣе, какъ его „увѣренность въ желаемомъ, какъ бы въ настоящемъ“. Вся эта кислая патріотическая бурда, въ которую выродилось старое, здоровое въ свое время, революціонное народничество, свидѣтельствуетъ объ его безвозвратной смерти. Но — „le roi est mort, vive le roi!“ Мы дѣйствительно стоимъ на рубежѣ новаго, но только это новое едва ли порадуетъ европофобское сердце Панько. Не мѣшаетъ напомнить автору письма, что былая революціонность Тихомірова точь въ точь, какъ и его, зиждилась исключительно на энтузіазмѣ и вѣрѣ, т. е. на элементахъ по самой природѣ своей преходящихъ. Измѣнилось настроеніе, ушла вѣра и получился ренегатъ. Будемъ надѣяться (говоря газетнымъ стилемъ), что съ Панько этого не случится.

1890 годъ.

22-ое января. Выпускаютъ въ вольную команду Б—ва и Я—ча. Оба чрезвычайно рады, рады до того, что даже изъ приличія не въ состояніи сдерживать своихъ чувствъ. Б—въ послѣ отобранія инструмента не зналъ, куда дѣваться отъ тоски. Отъ бездѣлья онъ много надоѣдалъ своими спорами и изліяніями на тему: Россія—цаца, а Европа—... Болталъ безъ толку, не вѣдая, что изрекаетъ, съ чисто зоологическимъ патріотизмомъ. Но обойдя эту черту, онъ хохлюга славный, неглупый и хорошій сожитель. Я—чъ—всеобщій любимецъ въ тюрьмѣ. Его мягкій нравъ, выдающійся разносторонній умъ и чрезвычайно притягательная симпатичность дѣлаютъ его человѣкомъ, какихъ не часто встрѣчаешь въ жизни. Грустно сознавать, что его ужъ нѣтъ подъ одной съ тобой кровлей. Ему всего 28 лѣтъ. Просидѣлъ онъ въ тюрьмѣ—десять. . . . .
. . . .

23-е января. Сегодня комендантъ вызывалъ Д—аго и передалъ черезъ него отравлявшимся, что губернаторъ требуетъ другой редакціи показаній, такъ какъ прежняя написана, яко бы не по формѣ. Дѣло говорятъ было такъ: Хорошихинъ доложилъ Корфу сущность показаній, а тотъ потребовалъ подлинниковъ. Хорошихинъ не рѣшился отправить ихъ, какъ заключающихъ ругательства по адресу генералъ-губернатора и велѣлъ Мосюкову настоять на перепискѣ показаній. Мосюковъ на основаніи старыхъ составилъ самъ и прислалъ свою редакцію въ тюрьму съ предложеніемъ или подписать ее, или написать самимъ заново, но безъ рѣзкостей и разсужденій. Всѣ отказались.

1-ое февраля. Выборы новаго старосты прошли съ большими трудностями, чѣмъ когда-либо, благодаря оппозиции обособившейся группы, ставшей къ большинству въ непріязненныя отношенія. Опасаясь разныхъ столкновеній и непріятностей, никто изъ намѣченныхъ кандидатовъ, кромѣ М—скаго, не пожелалъ взять на себя эту обязанность. Пришлось баллотировать одного М—скаго. Но компанія М—ва, В—ко и др. не желаетъ его. Цѣлый день шушукались они, собирались то по угламъ камеръ, то въ укромныхъ мѣстечкахъ коридора. Такъ какъ у нихъ своего такого кандидата нѣтъ, который могъ бы разсчитывать пройти, то они рѣшились держаться обструкціи, чтобы провалить М—скаго и заставить публику выбрать въ старосты по крайней мѣрѣ менѣе нежелательное для нихъ лицо. По нашей конституціи требуется абсолютное большинство изъ всего наличнаго состава тюрьмы (minimum 18 изъ 35), а не изъ числа голосующихъ. Оппозиція, въ видѣ протеста, рѣшила не участвовать въ голосованіи въ разсчетѣ на то, что многіе изъ большинства, благоразумно устраняющіе всякіе поводы къ обостренію отношеній, подадутъ голоса противъ, и М—ій такимъ образомъ провалится. И дѣйствительно, за него оказалось 14 и 10 противъ. Но такъ какъ другого некого было выбирать, то рѣшили баллотировать М—скаго во второй разъ. Результатъ тотъ же. Судили, рядили, какъ быть. Обойтись безъ старосты не удобно, это значило бы привести въ разстройство

всю экономическую жизнь тюрьмы. На другой день рѣшили попытаться пробаллотировать все того же М—скаго въ третій разъ, и тутъ только онъ оказался избраннымъ 20 голосами. Онъ заступилъ мѣсто Козырева, мужчины суроваго и прямого, но малоспособнаго вести дипломатическіе и всякіе иные переговоры съ начальствомъ (каковую функцію—tacito consensu—отправлялъ П—въ). За то М—ій, по мнѣнію нѣкоторыхъ, угрожаетъ излишествомъ послѣднихъ качествъ, что также имѣетъ свои неудобства. Не успѣлъ онъ взять въ свои руки бразды правленія, какъ оппозиція уже замышляетъ его сверженіе. По крайней мѣрѣ, продолжающіяся таинственныя шушуканья, по словамъ чуткихъ на ухо сосѣдей, имѣютъ своимъ предметомъ именно эту цѣль. Но М—ій не смущается, онъ презираетъ подпольныя козни; онъ жаждетъ борьбы, но будетъ бороться открыто, на законномъ основаніи, вооружившись непобѣдимымъ оружіемъ—тюремной Magna Charta.

Р—ая слышала отъ коменданта, что вопросъ о переводѣ въ Акатуй рѣшенъ, и состоится въ апрѣлѣ или маѣ.

15-ое марта. Сегодня срокъ моей каторгѣ. Я назначенъ на поселеніе въ Якутскую область. Но такъ какъ движеніе арестантскихъ партій уже прекратилось въ виду наступающей распутицы, то мнѣ предстоитъ ожидать навигаціи по рѣкѣ Шилкѣ въ вольной командѣ.

Пришли жандармы выпускать меня изъ тюрьмы. Я не пошелъ и велѣлъ передать коменданту, что желаю остаться до отхода партіи. Явился самъ комендантъ и заявилъ, что разъ я покончилъ свой срокъ, онъ „ни минуты“ не имѣетъ права меня задерживать. Я отвѣчалъ, что боленъ и выйти не могу. „Въ такомъ случаѣ я телеграфирую губернатору“—сказалъ онъ.

17-ое марта. Губернаторъ приказалъ освидѣтельствовать меня, и, буде я боленъ, оставить на мѣсячный срокъ. Пришелъ Гуревичъ; предупрежденный о моемъ желаніи, онъ далъ благопріятное для меня заключеніе. Итакъ, я остался въ тюрьмѣ. Черезъ мѣсяцъ, если понадобится, Гуревичъ не откажетъ въ новомъ свидѣтельствѣ.

Дѣло въ томъ, что я хочу дождаться перевода тюрьмы въ Акатуй. Что ждетъ тамъ заключенныхъ и какъ совершится это событіе? Пусть лучше оно произойдетъ при мнѣ, чѣмъ уходить въ Якутскую даль съ этимъ безпокойнымъ вопросомъ.

Итакъ, мои тюремные дни сочтены. Теперь, когда я знаю, что не сегодня—завтра выйду на волю, тюремное общежитіе, наши внутреннія отношенія освѣтились совсѣмъ другимъ свѣтомъ, болѣе свѣтлымъ и радостнымъ, чѣмъ то ощущалось еще недавно. И все вдругъ стало такимъ близкимъ, роднымъ, и приходится разставаться съ тюрьмой не съ радостью, а съ болью въ сердцѣ. Даже Каукусъ *), омрачившій послѣдніе мѣсяцы нашей жизни, пересталъ возбуждать непріязнь. И то, что еще недавно дѣйствовало удручающе, подернулось снисходительной пеленой, какъ наносный продуктъ четырехъ-стѣннаго заключенія, извращающаго психику даже честныхъ, славныхъ и нерѣдко весьма даровитыхъ людей . . . .
. . . .

Этотъ дневникъ писался въ тюрьмѣ крахмаломъ между строкъ книжекъ „Юридическаго Вѣстника“. Вскрытъ и переписывался въ Намскомъ улусѣ Якутской области въ 1892—93 гг. Доканчиваю переписку за Байкаломъ, гдѣ я очутился въ 1900 г.

Если бы я писалъ теперь воспоминанія, несомнѣнно, картина вышла бы иначе освѣщенной: всѣ отрицательныя, темныя стороны тюремной жизни померкли въ памяти, а положительныя, хорошія встаютъ ярче и рѣзче. Тюремные счеты давно преданы забвенію, и на поселеніи нѣтъ ни каукусистовъ, ни жирондистовъ. Есть, правда, эсдеки, народовольцы, эс-эры, есть и просто либералы-обыватели, но пока, раскинутые по Забайкалью и Якутскимъ улусамъ, мы встрѣчаемся послѣ мно-

*) Это названіе было присвоено группѣ лицъ (картель тожъ), ставшей послѣ отравленій въ обособленое отъ большинства положеніе.

голѣтней разлуки, какъ добрые, старые товарищи, какъ родные, которыхъ связываетъ общая alma mater—Кара. А Кара—это не только замки, рѣшетки, кандалы, это общность не сбывшихся, но все же не вытравленныхъ дорогихъ стремленій, надеждъ и упованій.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Метеорологическія наблюденія на Карѣ

за 1887 г.

Градусы по Цельсію

Мѣсяцы.	Средняя минимальн.	Средняя максимальн.	Общая средняя.	Ежемѣсячная амплитуда. *)	Число ясныхъ дней.	Осадокъ въ миллиметр.	Число грозъ.
Январь	—36,76	—20,96	—28,86	30	—	—	—
Февраль	—25	— 5,6	—15,3	42,75	Неизвѣстно	Неизвѣстно	—
Мартъ	—15,54	+ 1,54	— 7	34			—
Апрѣль	— 3,02	+10,1	+ 3,54	35	—	—	1
Май	+ 3,7	+17,11	+10,4	28,25	—	70,3	—
Іюнь	+10,19	+27,87	+19,03	36,25	—	90,4	4
Іюль	+12,10	+26,25	+19,17	30	—	131,2	3
Августъ	+ 6,57	+20	+13,28	27,5	—	148,2	4
Сентябрь . . .	— 1,66	+11,84	+ 5,09	32	—	16,5	—
Октябрь	—12,34	+ 0,22	— 6,06	48,75	—	8,6	—
Ноябрь	—24,47	—13,9	—19,18	35,25	—	15,5	—
Декабрь	—33,10	—23,72	—28,41	40,5	—	3,5	—
Годовая	— 9,95	+ 4,22	— 2,85	90	—	—	12

*) q

Метеорологич. наблюденія за 1888 г. на Карѣ.

Градусы по Цельсію.

Мѣсяцы.	Средняя минимальн.	Средняя максимальн.	Общая средняя.	Ежемѣсячная амплитуда.	Число ясныхъ дней.	Число пасмурныхъ дней.	Осадокъ въ миллиметрахъ.	Число грозъ.
Январь .	—37,17	—22,08	—28,62	25	26	5	2,1	—
Февраль .	—29,49	—11,45	—20,44	43,75	24	5	1,1	—
Мартъ . .	—14,58	+ 0,94	— 6,94	41,25	19	12	8,5	—
Апрѣль .	— 4,84	+ 8,72	+ 1,94	38,75	21	9	19,8	—
Май . . .	+ 3,78	+18,14	+10,96	31,25	22	9	41	3
Іюнь . . .	+ 8,37	+24,26	+16,31	33,5	21	9	50	2
Іюль . . .	+ 7,84	+27,16	+17,5	31,5	22	9	35,5	5
Августъ .	+ 3,23	+22,24	+12,73	38,5	24	7	28	5
Сентябрь.	— 6,9	+ 9,97	+ 1,53	47	16	14	22	—
Октябрь .	—16,55	+ 0,79	— 7,88	37,5	28	3	1,0	—
Ноябрь. .	—32,57	—16,15	—24,3	43,5	23	7	16,1	—
Декабрь .	—42,42	—27,03	—37,72	41,5	26	5	9,5	—
Годовыя .	—13,23	+ 2,98	— 5,12	85,0	272	94	229	15

Данныя за три года 1887—88—89 г.

Мѣсяцы.	Средняя минимальн.	Средняя максимальн.	Общая средняя.	Амплитуда.	За два года. Число ясныхъ дней.	Число пасмурн. дней.	Осадки.	Грозы.
Январь	— 38,22	— 22,40	— 30,31	34,00	27	4	1,2	—
Февраль	— 28,06	— 8,05	— 18,05	42,25	23	5	1,7	—
Мартъ	— 17,71	+ 0,46	— 9,17	39,5	21	10	6,7	—
Апрѣль	— 4,66	+ 8,62	+ 2,33	39,5	19	11	25,5 *)	1
Май	+ 2,89	+ 17,26	+ 10,07	30,25	21	10	58,1	1—2
Іюнь	+ 9,54	+ 26,81	+ 18,19	34,50	21	9	85,9	7
Іюль	+ 10,18	+ 27,51	+ 18,89	30,75	22	9	76,0	5—6
Августъ	+ 4,77	+ 21,41	+ 13,09	32,75	22	9	87,4	5
Сентябрь	— 4,67	+ 10,80	+ 3,06	39,00	19	11	20,1	—
Октябрь	— 16,07	— 1,16	— 8,61	45,50	24	7	4,4	—
Ноябрь	— 29,59	— 14,87	— 22,22	39,00	23	7	11,9	—
Декабрь	— 38,81	— 25,39	— 32,10	41,00	27	4	4,4	—
Годовая	— 12,59	+ 3,50	— 4,54	88,25	269	96	315,6 **)	18—19

*) Среднія осадковъ съ мая по декабрь включительно взяты за три года.
**) Общая средняя осадковъ взята за два года.
По наблюденіямъ Нагорнаго (тюремнаго метеоролога, астронома и извѣстнаго нюхателя).

Метеорологическій бюллетень за 1889 г. на Карѣ. Температура по Цельсію.

МѢСЯЦЫ.	Средняя минимальн.	Средняя максимальн.	Общая средняя.	Мѣсячная амплитуда.	Средняя барометра.	Амплитуда барометра.	Число ясныхъ дней.	Число пасмурныхъ дней.	Количество осадковъ.	Число грозъ.
Январь	— 42,73	— 24,16	— 33,44	47,00	—	—	29	2	0,2	—
Февраль	— 29,70	— 7,11	— 18,40	40,50	—	—	23	5	2,3	—
Мартъ	— 23,00	— 0,86	— 11,93	43,50	778,0	32	23	8	5,0	—
Апрѣль	— 6,13	± 9,13	+ 1,50	45,00	769,5	23 1/2	17	13	31,3	—
Май	+ 1,18	+ 16,52	+ 8,85	31,00	770,4	20 1/2	21	10	62,8	1
Іюнь	+ 10,05	+ 28,42	+ 19,23	33,50	762,0	26 1/2	21	9	117,3	15
Іюль	+ 10,60	+ 29,11	+ 19,28	31,00	763,3	24 1/2	23	8	61,4	8
Августъ	+ 4,50	+ 22,00	+ 13,26	32,00	771,0	25	21	10	86,1	5
Сентябрь	— 5,45	+ 10,60	+ 2,57	38,00	777,5	17 1/2	22	8	20,9	—
Октябрь	— 19,31	— 4,50	— 11,90	50,00	776,5	26	21	10	3,7	—
Ноябрь	— 31,72	— 14,55	— 23,19	38,00	776,2	21	24	6	10,2	—
Декабрь	— 40,92	— 25,42	— 33,17	41,60	780,6	23	28	3	0,3	—
Годовая	— 14,33	+ 3,30	— **5,51**	90,00	772,6	51 1/2	273	92	401,5	29

Весна 89 г. (мартъ, апрѣль, май)—холоднѣе весны 88 г. (— 0,53° — въ 89 г., + 1,99° въ 88 г.). Лѣто (іюнь, іюль, августъ)—теплѣе (+ 17,45° въ 89 г., + 15,51 — въ 88 г.). Осень (сентябрь, октябрь, ноябрь)—холоднѣе (— 10,82 въ 89 г., + 1,99° — въ 88 г.). Зима (декабрь, январь, февраль)—также холоднѣе (— 28,34 — въ 89 г.;—27,94° въ 88 г.). Наивысшая температура 89 г. (+ 35°) была 14 іюня. Самая низкая (— 55°) 30-го декабря. Послѣдній весенній снѣгъ былъ 3-го мая. Первый осенній—12-го сентября. Первый дождь—10-го апрѣля. Послѣдній—3-го октября. Послѣдній морозъ (— 1)—28-го мая. Первый (— 1)—9-го августа. Первая гроза—21-го мая. Послѣдняя 21-го августа. (показанія барометра не заслуживаютъ довѣрія). Облачность ночей не могла наблюдаться. 7-го января появилось на небѣ 4 ложныхъ солнца и красивые радужные круги. 7-го декабря тоже явленіе, но значительно блѣднѣе. 6-го декабря въ 1/4 третьяго утра—землетрясеніе, продолжавшееся 1 минуту (и которое многіе не замѣтили).

Оглавленіе.